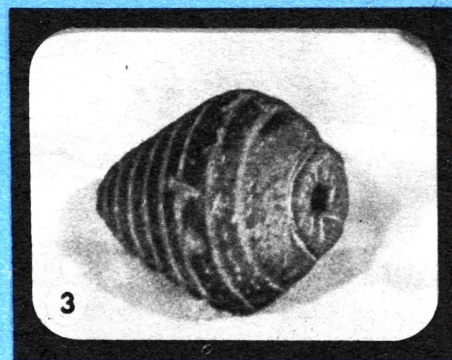
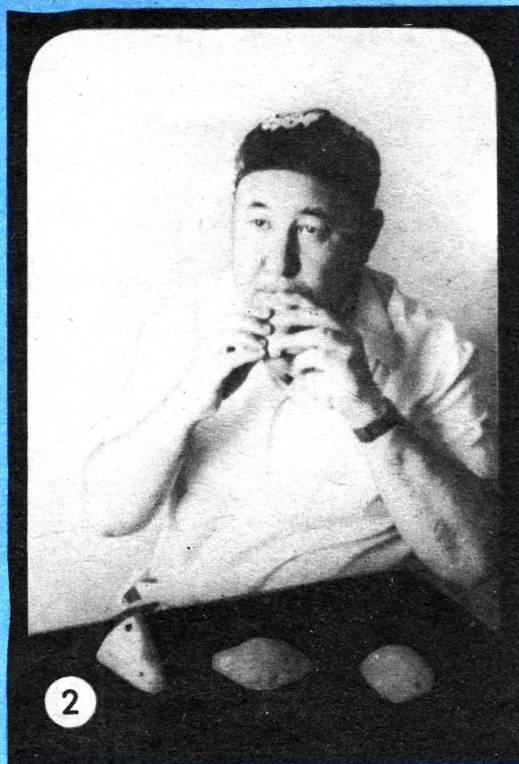
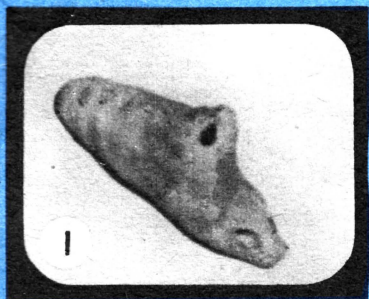

уральский

следопыт

№7 *** 1976

И ЗАПЕЧА...ИШНА

Во время раскопок древнего города Отрар в Казахстане было найдено яйцо с двумя маленькими дырками. Что за штука? Когда его показали аксакалам, выяснилось, что это древний музыкальный инструмент — саз-сырнай (саз — глина, сырнай — общий для инструментов термин). Тот саз-сырнай стал экспонатом моего домашнего музея.

Я попытался извлечь звуки из кусочка глины так, как играют на флейте. Прозвучала «соль» второй октавы. «Ми-бемоль» получилось, когда я закрыл пальцем одно из отверстий, «фа» я извлек из «яйца», прикрыв отверстие наполовину. Так... Похоже эти три звука и образуют звуковой ряд инструмента? А малый объем полости не позволяет извлечь иных звуков путем передувания, как это делается на других инструментах. Но, видимо, и этих звуков было достаточно для исполнения древних напевов?

Тихо и мягко, с прищипом поет в моих руках древний комочек глины... Другой глиняный музыкальный инструмент — ускирик — был известен с древности. Но найти его все не удавалось. Однажды на Мангышлак была направлена съемочная группа «Казахтелефильма», работавшая над фильмом «Музыка столетий». Я был в составе группы. Цель поездки — знакомство с местным музыкальным бытом, народными исполнителями и мастерами.

Один из музыкантов оказался человеком, который делает ускирики и играет на них. Это был аксакал Балапаш Анесов из совхоза Емир Мангыстауского района. Он и сделал инструмент, который стал достоянием моей музыкальной коллекции.

Ускирик — глиняный комочек с тремя отверстиями — напоминает силуэт летящей птицы. Звуки ускирика похожи на завывание ветра в трескучий мороз. Звукоряд инструмента небольшой — си первой октавы, до-диез, ре-диез, фа-диез второй октавы. На нем исполнялись несложные короткие наигрыши и хотя инструмент был, в основном, забавой детей, среди взрослых находились искусные исполнители на нем.

Мы попробовали соединить ускирик в ансамбле с другими инструментами. И он, а также и саз-сырнай поют теперь на концертах фольклорного ансамбля казахских народных инструментов.

Так были обнаружены еще два древних инструмента казахского народа.

Болат САРЫБАЕВ,
кандидат искусствоведения

На снимках: 1. Ускирик, изготовленный Б. Анесовым; 2. Б. Ш. Сарymbaев играет на саз-сырнай. На переднем плане — ускирик и два экземпляра саз-сырнай; 3. Саз-сырнай. Найден в раскопках г. Отрар.

в номере:

В. Денисов ТРУБЫ ЗОВУТ	2
СКОРОХОД В МИРЕ ИНФОРМАЦИИ	9
С. Быстров БЫЛО ЕМУ ДЕВЯТНАДЦАТЬ	10
Н. Мельников КРЕЩЕНИЕ ПОД ВОДОЙ	13
Н. Ермолаева ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ	17
А. Коровин МАТРОСЫ С УРАЛА	20
Н. Мережников НЕГАСИМЫЕ ОГНИ. Стихи	21
Б. Алмазов САМЫЙ КРАСИВЫЙ КОНЬ. Повесть	22
В. Петров ИМЯ НА КАРТЕ	35
А. Анушкин ХОРУНЖИЙ ТРОФИМОВ	36
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	39
М. Грешнов ЭКЗАМЕН ПО КОСМОГРАФИИ. Рассказ	40
НТ-76	48
Н. Ермаков, Н. Китаев ТАЙНА ГЛАЗ	50
А. Мотырев В ГОСТИ К ТЯТЕ	51
В. Баныкин РЮКЗАК С ДЕНЬГАМИ	56
С. Попов СОБАЧЬИ ИМЕНА	60
Ю. Липатников У ВЫСОКИХ ГОР	62
О. Павловский ПОД СИНИМ НЕБОМ	64
В. Харитонов ПОД ПАРУСОМ И НА ГРЕБНЫХ СУДАХ	70
Ф. Кривин ТРУЛЮЛЮПОВЫ ОСТРОВА	72
МИР НА ЛАДОНИ	77

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 30/III 1976 г.
НС 12256
Подписано к печати 13/IV 1976 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,3
Тираж 275 000.
Заказ 208.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
С. КИПРИНА

Оформление 2-й стр. об-
ложки З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1976 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

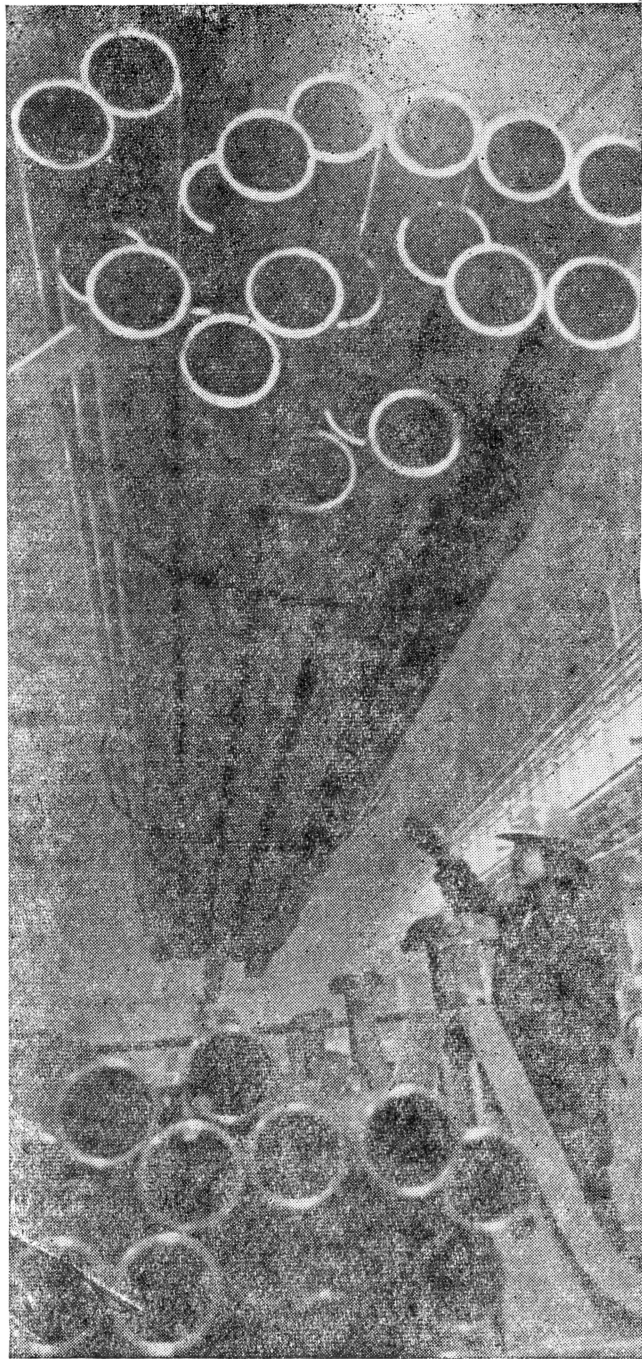
ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№7 * 1976

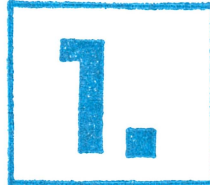
УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ТРУБЫ

**Владимир
ДЕНИСОВ**

Фото
А. Шумкова

Чем мы богаты

Нас всюду окружают трубы.

Сколько их в одной только квартире! Тепло, свет, вода, газ... Телефон, канализация, мусоропровод, вентиляция... Все трубы, трубы, трубы. Они, как змеи, обвиваются заводы и фабрики, тянутся из цеха в цех. Воздух, вода, кислород, нефть, бензин, мазут, дым, пыль — для всего этого нужны трубы. Чугунные, стальные, медные, пластмассовые, железобетонные, каучуковые, асбоцементные, керамические, стеклянные, кирпичные, деревянные, фанерные, круглые, прямоугольные, футерованные, нержавеющие, паяные, литые, катаные, холоднотянутые, сварные, сверленные. Диаметр от нескольких миллиметров и до полутора метров. Со швом и без шва.

Маркс считал возможным определять уровень культуры общества по количеству потребляемого мыла. Техническую культуру, уровень экономики современного общества можно, наверное, определить по потреблению труб. Мощные трубопроводы бегут из края в край, с материка на материк. Грохочут бульдозеры и экскаваторы, брызжут огнем сварочные аппараты — плетя за плетью ложатся новые магистрали. Открытие тюменской нефти и газа, например, потребовало тысячи километров труб нефтяного сортамента.

Трубопроводы сближают государства или обостряют между ними вражду. Нефтепровод «Дружба» еще теснее связал экономику социалистических стран. А политические авантюристы из ФРГ пытались в начале шестидесятых годов давить на СССР, прекратив, вопреки договоренности, поставки большеразмерных труб. Ну, что ж: челябинские металлурги в немислимо короткий срок освоили их производство. Лопнули расчеты западноевропейских «трубных» стратегов.

Труб у нас много, и все же их не хватает. Прошлой осенью Свердловск стал испытывать нехватку воды. Чтобы напоить город, его дома и предприятия (а в месяц нужно 15 миллионов кубометров), пришлось срочно строить несколько водоводов. Строители бросали другие, казавшиеся до того не отложными, дела. Заводы посылали туда свои, нужные им самим краны и бульдо-

ЗОВУТ

зеры, отрывали от станков рабочих. А главное — нужны были трубы диаметром 1220 миллиметров — всего-то около трех десятков километров — мелочь в масштабе богатейшей страны, — но потребовалась помощь центральных органов, чтобы получить эти самые трубы... Стройки стали ударными, время на них измерялось считанными днями, а то и часами, и поездов из Челябинска, откуда шли трубы, ждали с нетерпением, как самых желанных гостей... Управляющий трестом «Уралэнерго-монтаж» Константин Александрович Левинский, с которым мы ехали к водоводу, аж побелел от негодования, когда на станции Полдневая увидел десятки больших размеров труб, предназначенных для иткульского водовода.

— Там же монтаж еще не начинался! А мы третий день без работы сидим.

«Мы» — это аятский водовод.

На трубные заводы Первоуральска, Каменска-Уральского, Полевского едут нефтяники, газовики, строители: нельзя ли на месяц, ну хоть на неделю ускорить поставки?

Труб много. Их будет еще больше. XXV съезд партии наметил на десятилетку «значительно увеличить производство высокопрочных труб, прежде всего нефтяного сортамента и труб с новыми видами соединений». А ведь только в 1975 году стальных труб выпущено 2,4 миллиарда метров — на четыре процента больше против 1974 года. Но добыча-то нефти в это же время выросла на семь процентов, а газа — на одиннадцать! Значит, нужны трубы, трубы, еще трубы...

Грохочут буровые, шумят насосы, бесчисленные трубопроводы — магистрали индустрии — несут в себе подземные сокровища.

тели перебираются от дома к дому по жердочкам и тесинкам... Шайтанка, заводской поселок, 1920 год.

Пахотных угодий нет «по случаю холодного климата и каменистой почвы» — так говорилось в Уставной грамоте Васильевско-Шайтанского завода. Он, старый, прокопченный, наставивший в уральское небо черные трубы, был главным кормильцем поселковой бедноты.

У завода удивительная судьба. Заложенный Василием Демидовым в 1732 году у речки Шайтанки (отсюда и название), он без малого двести лет давал железо, оставаясь полукустарным, ничем не примечательным.

...Всего лишь несколько месяцев прошло, как изгнали Колчак. Три четверти всех заводов Урала разрушены. Ну, какая, казалось бы, сила могла вернуть им жизнь? Однако пришли на развалины рабочие — и закурились заводы дымом, засияли огнем... С песнями, с кумачами шли всеуральские субботники — «Неделя трудового фронта», «Трудовой месяц Красного Урала».

Ожил и Шайтанский завод. Да не просто ожил. Рабочие Шайтанки перестроили: его, говоря по-нынешнему, реконструировали, собственными силами и с минимальными капитальными затратами. Максимальных не откуда было взять.

С Шайтанки пошли трубы. В сентябре 1920 года демидовский старик получает новое название — «Первый Уральский завод цельнотянутых и катаных труб». Несколькими днями спустя жители собрались на общее поселковое собрание и, гордые новой, великой ролью своей, постановили: поскольку старое название поселка не отражает классовой сущности происшедших изменений, с сего дня переименовать Шайтанку в Первоуральск. Под протоколом, кто грамотен, поставили подписи, а кто нет — палец приложил.

Пятьдесят шесть лет трубному производству в нашем крае. В первую пятилетку рядом со старым заводом в Первоуральске построен новый, который так и назвали — Новотрубный... Пошли на слом старые избы, вековая уличная грязь покрылась асфальтом. Новый завод так быстро стал на ноги, что уже в войну назывался в числе главных поставщиков труб.

В первую же пятилетку — 1 мая 1931 года — заложен был и Синарский завод. Начинаться он с подсобных предприятий — лесопилки, котельно-кузнечного цеха. Четыре рубленых двухэтажных дома стали первыми в будущем соцгородке, которым сегодня гордятся в Каменске-Уральском... В ночь на 20 марта 1936 года смена инженера Романько выдала первую продукцию.

Сегодня мощностями в миллионы тонн катают, тянут, варят трубы уральские заводы — Новотрубный, Синарский, Северский, Челябинский... Затерялся в их громкой славе дедушка Старотрубный, тот самый, Первый Уральский... Он не столь громкий, как внуки. У внуков и ордена теперь, и всесоюзное, более того — мировое признание. А дед начинал — и этим все сказано. Мы должны знать, как оно было тогда, в двадцатом, должны помнить и субботники те, и собрание, и самую первую, а потому особенно дорогую нам уральскую трубу.

Старик и его внуки

По взгорьям, по оврагам разбежались избы с позеленевшими от старости крышами. На кривых улицах ни деревца, только ветер гоняет зимой снег, летом тучи песка. Весной и осенью здесь непролазная грязь, жи-

3.

Короли и мушкетеры

Три города в Свердловской области дают сегодня трубы. Трубные заводы постоянно расширяются, и в нынешнем году, например, строятся три цеха — в Первоуральске, Каменске-Уральском (вторая очередь, первая уже работает) и Полевском.

Это важнейшие стройки. Они начались в девятой пятилетке, а продукцию новые станы будут давать в десятой. Первый трубопрокатный цех на Северском заводе и второй трубопрокатный на Синарском будут работать на нефть и газ. Восьмой трубоволочильный цех в Первоуральске станет выпускать дефицитнейшие длиннономерные нержавеющие трубы — для многих отраслей промышленности.

Это огромные стройки. Первая очередь цеха Т-1 на Северском трубном заводе стоит, например, восемьдесят шесть миллионов рублей. Сложнейшее оборудование, поражающий воображение объем строительных и монтажных работ. На таких объектах «завязаны» десятки трестов и управлений. Вовремя дать работу каждой бригаде, каждому участку — уже одно это представляет большую сложность. Ведь на стройке почти все — смежники: одни, допустим, монтируют каркас, вторые — панели на каркас, третьи ждут, когда кончат вторые, чтобы сделать свою часть работы.

...Цех Северского завода. Говорится — цех, а в нем пятьдесят один крупный объект. Перпендикулярно друг к другу располагаются два корпуса — в первом размещается оборудование горячей части, во втором — трубоотделка. Их общая длина 842 метра, площадь — почти 18 гектаров. На «стенки» и «крышу» пойдет 25 тысяч тонн металла... Трубопрокатная установка — уже сама по себе целый завод, в ней склад слитков, две кольцевые нагревательные печи, прошивной пресс, подогревательная кольцевая печь, стан-удлинитель, два пильгерстана, резка, еще одна печь, калибровочный стан, холодильники — и это только оборудование горячей части, а еще в трубоотделке есть правильные машины, промывка, инспекционные решетки, обрезные станки... Много? Но ведь это только один, правда, главнейший объект из пятидесяти одного. Мы не упоминали, например, крановое хозяйство. А еще есть вальцетокарная мастерская, система водоснабжения, электроподстанция, двор изложниц, железнодорожные тупики... Цех Т-1 будет выпускать 320 тысяч тонн труб ежегодно.

Кто его строит, этот гигантский цех? Вот бригады монтируют панели в горячей печи. Там «повисли» на стене стекольщики. Бетонщики готовят фундаменты под каркас трубоотделки. Это «генералы», то есть работники генерального подрядчика — треста «Северкстрой».

Цех ставится на бывшем болоте. Значит, надо проложить дренаж, оборудовать дренажные колодцы — этим занимается трест «Уралспецстрой».

А земли сколько приходится перерыть! Миллионы кубометров. Как же обойтись без трестов «Строймеханизация» и «Союзтяжэкскавация»?

Мимо цеха проходит дорога, которая соединяет северную и южную части Полевского. Тут тоже придется рыть, значит, загодя надо иметь новую дорогу. Ее ведут работники мостопоезда № 462.

Панели цеха монтируются на металлическом каркасе, а его может возвести только «Уралстальконструкция». Она же и красивый шатер сверху поставит.

Три вытяжные трубы высотой в 50, 80 и 95 метров нужны цеху. Простой каменщик не сумеет выложить эти кирпичные громадины. Такое дело по плечу лишь трубокладам из «Союзтеплостроя». Про них говорят, что нет ни одной трубы, с которой бы не упал теплостроевец, и сами трубоклады охотно поддерживают эти разговоры, подсмеиваясь над чужой наивностью.

Отопительные агрегаты ставит «Уралсантехмонтаж». А чтобы горячая вода не остывала в трубах на морозе, об этом позаботятся специалисты из «Стройтермоизоляция».

Пока ставится «коробка», пока прокладываются инженерные сети, заливается бетон в фундаменты — о сроках пуска говорить трудно. Но вот на фундаментах появились агрегаты, станы, станки, и тут счет начинает вестись на месяцы и недели.

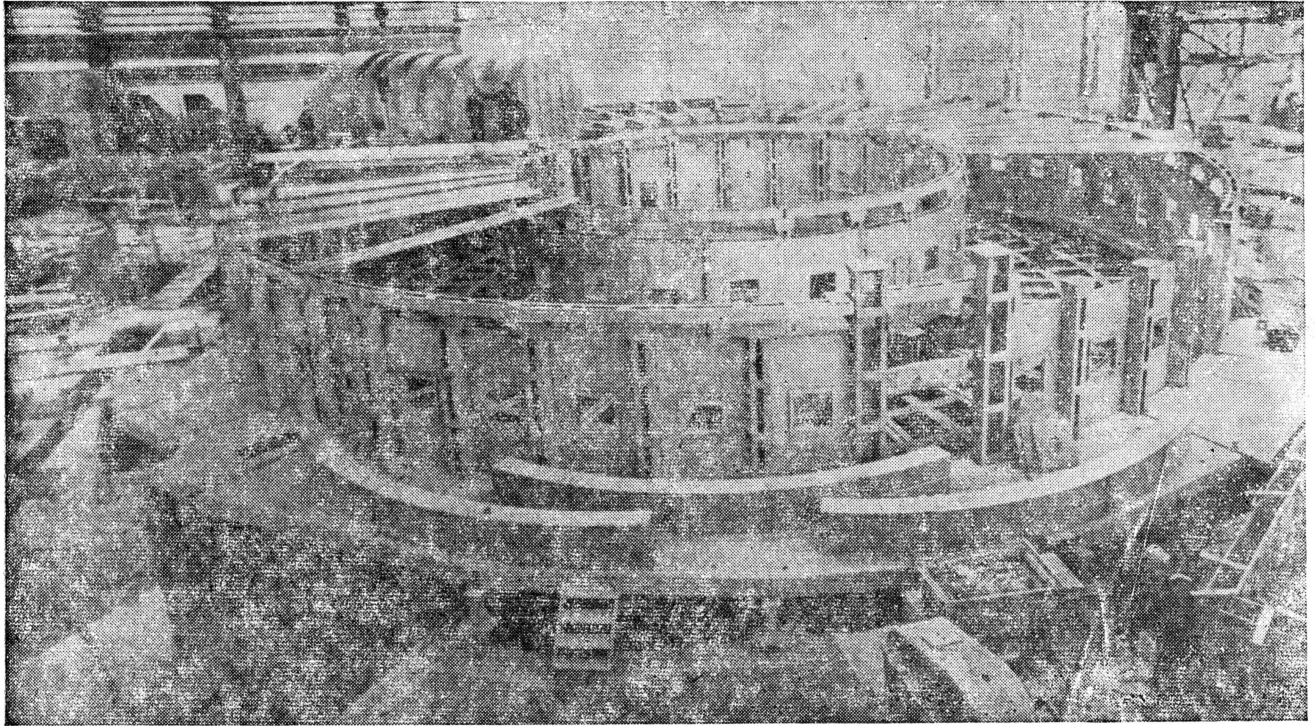
Оборудование трубных цехов устанавливает трест «Востокметаллургмонтаж». Это солидная организация с управлениями в Первоуральске, Магнитогорске, Белорецке, Челябинске, Свердловске, Темир-Тау... Монтажники-«востоковцы» — спокойные, насмешливые, привыкшие к кочевой жизни, умеющие с особым шиком носить защитные каски и куртки с эмблемой «Минмонтажспецстрой», уверенные в себе и в своем праве круто менять положение на стройке... Перед монтажниками теряются даже самые тертые прорабы, с ними ласковы грозные начальники управлений, их обожают крановщицы. Появились «востоковцы» — значит, теперь пойдут штурмовые дни и ночи. Монтажники способны не уходить с объектов, как они сами говорят, по двадцать шесть часов в сутки.

Этим трестом управляет Король. Его знают по всему Уралу, в Сибири и Казахстане, а может, и еще где, но я не о популярности Феодосия Максимовича Короля хочу рассказать, а о его «мушкетерах» — монтажниках треста, которые и сами — воистину короли строек.

4.

Как опоздал Иржи Брабец

Матвеев живет и работает в Магнитогорске. Точнее, он здесь прописан, здесь его семья, и еще в паспорте Матвеева стоит штамп Магнитогорского управления «Про-

Так выглядит нольцевая печь в цехе Т-2 Синарского трубного завода.

катмонтаж» треста «Востокметаллургмонтаж». Работает же Владимир Павлович на стройках металлургии, а это значит — по всему Уралу и дальше.

— В управление я, шестнадцатилетний мальчишка (еще и паспорта не получил), пришел учеником. Попал в бригаду Алексея Серебрякова. Ничего не умел я тогда, сейчас новичкам легче: приходят из училища, уже многое знают. Серебряков для меня самый близкий друг, хоть и видимся не так уж часто — он долго за границей работал. И если сейчас твердо могу сказать, что профессию свою ни на какую другую не променяю, то это благодаря Алексею.

Судьба Матвеева в общем-то похожа на судьбы многих других монтажников (конечно, хороших монтажников): профессию выбирал, не совсем еще представляя, какая она, потом на практике познал ее тонкости, потом стал мастером, кочевал со стройки на стройку — Аша, Свердловск, Каменск-Уральский...

Историю с Иржи Брабецом — она имеет прямое отношение к Матвееву — до сих пор рассказывают в цехе холодного проката Верх-Исетского металлургического завода.

Двадцативалковый стан «1200» изготовила фирма «Шкода» из ЧССР. Это был опытный образец, предназначенный для свердловчан. По плану Совета экономической взаимопомощи «Шкода» готовилась изготовлять и другие двадцативалковые станы. Агрегаты эти весьма сложны. На специальном международном симпозиуме, посвященном проблемам и перспективам многовалковых

станов, один из докладов был посвящен влиянию на смазку... микробов.

Иржи Брабец, главный конструктор стана «1200», собрался в Свердловск. Этот город дорог Иржи, здесь в 1959 году он окончил политехнический институт... Брабец знал, что монтаж стана уже начался, но надеялся успеть к окончанию работы — ведь на нее по нормам отводится шесть месяцев.

Механическую часть стана монтировала бригада Матвеева. Ребята подобрались стоящие. Валерий Дудко — настоящий универсал: знает и слесарное, и токарное дело, и, как каждый в бригаде, может газорезчиком... Шрамков, Пижончиков тоже асы. Никитин и Марков помоложе остальных, но и им няньки не нужны. О Скосыреве нечего и говорить — Виталий Александрович работал уже тогда, когда Матвеев стал учеником монтажника.

Тут не было ни лишних перекуров, ни беготни. Все необходимое — под рукой, даже дефицитный инструмент.

Уже через несколько дней выяснилось, что матвеевцы идут с большим спережением графика.

— А что? — философски заметил начальник участка «Прокатмонтажа» Валерий Чирков. — Стан уже здесь, почему не работать? Плохо, когда сидишь без дела, ждешь оборудование... Тогда расхолаживаешься. А вообще-то дисциплина у Матвеева железная. Парень он жесткий, сантиментов не разводит...

Начальник участка прав. Дисциплина в бригаде почти армейская. Это от понимания ответственности своего труда — «перемонтировать» стан нельзя.

...Работы на стане «1200» оставались на неделю, когда в цехе узнали о скором приезде Иржи Брабца. Контрактом предусмотрена командировка до конца 1974 года.

— Не успеет главный конструктор, — засмеялся один из монтажников.

— Погоди, — спокойно ответил другой. — Работу еще не принимали.

И вот — опробование. На пульте стана «1200» никак не зажигается сигнальный огонек. Значит, что-то не ладится.

— Позови Матвеева, — послал мастер участка одного из монтажников.

Матвеев пришел тотчас.

Через некоторое время неполадку устранили.

Иржи Брабец появился в цехе вместе с коллегами со «Шкоды» — специалистом по электроприводам Ярославом Бурдой и специалистом по автоматике Яном Мацеком.

Заправка стальной полосы прошла относительно хорошо. Но вальцовщик что-то перепутал. Остановка... Иржи Брабец объяснил вальцовщику его ошибку: нужно хороше натяжение листа...

Вот, изгибаясь, лента пошла в агрегат. Закрутились валки.

— Хорошо! — кричит Брабец.

Его знакомят с Матвеевым. Иржи внимательно смотрит на бригадира. Как всякий конструктор, Брабец строг.

— Работа сделана на «отлично», — говорит Иржи.

Да, не успел Брабец своими глазами увидеть монтаж стана. Два месяца вместо шести затратила бригада Матвеева. Так было и в Аше. Так будет через два года и в Каменске-Уральском, в цехе Т-2, где бригада в рекордные сроки смонтирует прошивной стан, обкатные...

В одном только ошибся начальник участка Чирков. Были «сантименты» у матвеевцев, были. Когда в цехе холодного проката пошел трансформаторный лист, вся бригада расписалась на нем. Каждый подходил и ставил фамилию. Так расписывались наши солдаты в сорок пятом, на рейхстаге. И так же, как это было бы на фронте, за трудовой подвиг, совершенный на ВИЗе, Матвеев получил орден.

Быстро и дешево

Цех Т-2 в Каменске-Уральском строило три с половиной тысячи человек. Цех Т-1 в Полевском строит пять тысяч человек. Много? Как посмотреть. В 1973 году, когда заканчивалась первая очередь цеха холодного проката ВИЗа, там работало по двенадцать-четырнадцать тысяч строителей и монтажников. А средств эта

полнокровная дивизия освоила в том пусковом году чуть больше, чем нужно нынче в Полевском.

Но пуск пуска рознь. Все-таки лучше два, а то и три цеха построить, чем один. 14 тысяч человек, работавших на ВИЗе, теперь вполне можно «развести» по трем таким же объектам. Как это сделать? Нужно, как сказано в решениях XXV съезда партии, обеспечить максимальную индустриализацию строительства, внедрить передовые методы организации труда.

...В марте 1975 года цех Т-2 еще совсем не был цехом. Тут рыли землю, ставили «коробку», заливали бетон. Был жесткий график — дать первую трубу в конце декабря. Но только несправимый оптимист не знает, по сколько раз трещат самые продуманные графики на большой стройке... Оборудование на Т-2 поступало на стройку неравномерно, некомплектно, то одного не хватало, то другого. Ведь стройка шла с большим опережением, приводя в отчаяние плановиков и снабженцев.

Уже в марте надо было уложить десять тысяч кубометров бетона. В следующие месяцы — еще больше. Бетон, как известно, требует опалубки. Ставятся деревянные щиты, потом, когда бетон затвердеет, щиты убираются. Двойная работа. На Т-2 применили новинку — дырчатые блоки в качестве неизвлекаемой опалубки. Неизвлекаемой — вот что важно. Сразу подскочила производительность труда. И вот уже бригада Виталия Хмурчикова в течение короткого времени сэкономила 12 дней.

15 тысяч анкерных болтов под оборудование устанавливались на Т-2 прогрессивным методом виброзачеканки. Были и другие новинки. Очень многое, что применялось в Каменске-Уральском, несет в себе определение «передовой», «прогрессивный». Тот же бетон можно заливать, а можно собирать — из блоков, панелей, изготовленных заранее в заводских условиях. Шатер над цехом можно монтировать там, наверху, а можно и внизу, на земле, огромными блоками, а потом ставить эти блоки кранами. Именно так монтировался шатер цеха В-8 в Первоуральске.

Вообще-то иные руководители пока еще боятся новинки на пусковой стройке. Мол, как бы чего не вышло, старое — оно надежнее. Но лозунг «больше, лучше, с минимальными затратами» в полной мере относится и к строительству. Такова теперь наша генеральная линия...

Такого в Свердловской области еще не было: на строительстве цеха Т-1 создан специальный совет, который ищет наиболее целесообразные технические решения. Институту «Уралгипромет» было рекомендовано запроектировать дороги в сборном исполнении, встроенные помещения — из объемных блоков, все полы цеха предусмотреть сборными железобетонными. 70 процентов фундаментов будут сборными. Слово «сборный» в первую очередь выражает суть индустриализации строительства: очень выгодно и удобно перенести значительную часть работы строителей на заводы железобетонных изделий и конструкций, а на самой стройке лишь собирать, монтировать, обходясь вдвое, втрое меньшим числом рабочих.

Мы много говорили и будем говорить об энтузиазме

строителей и монтажников, умеющих в предпусковой лихорадке трудиться «по двадцать шесть часов в сутки». Такие люди заслуживают всяческого поощрения, но задумавшись, хорошее ли это дело штурм? Верно, без него сегодня трудно обойтись. По очень многим причинам. Но ведь есть коллективы, где научились работать без штурма, предвидя даже непредвиденное. В цехе Т-1 уже зимой, почти за год до пуска, взялись так организовать рабочую неделю, чтобы стройка не останавливалась ни на минуту, а у строителей, тем не менее, были выходные и не было сверхурочных.

Новый график так и называется «непрерывная рабочая неделя». Почти как на железной дороге. График был опробован в Нижнем Тагиле на строительстве широкополочного стана. В Полевском первыми его должны были принять бетонщики.

И еще одну деталь очень хочется отметить: участие в строительстве цеха Т-1 сотрудников Свердловского архитектурного института. Об архитектуре заводских корпусов, о дизайнерах раньше вспоминали (если вообще вспоминали) только после пуска. Но Т-1 еще не пущен, а архитекторы там уже работают... Что ж, экономичность и красота всегда должны идти рядом.

Страшная ночь инженера Симонова

День был будничным, завод работал как обычно, и все же в его выверенном ритме чувствовалось нечто особенное. К управленческому корпусу слишком поспешно подъезжали машины, намного больше, чем всегда, а в коридорах многоэтажного здания громче хлопали двери, бегали взволнованные люди, неумело напускавшие на себя крайнюю озабоченность. Секретарь парткома Синарского трубного завода Владимир Федорович Рябов и его заместитель Иван Андреевич Тушков встречали приезжих, и вот уже один из них звонит в проходную:

— Да-да, с аппаратурой... Как зачем аппаратура? Корреспонденты же, снимать будут... Да, и еще телевидение подъедет, им тоже заготовьте заявку на пропуск.

Внутри цеха Т-2 еще всюду идет стройка. Она брызжет бетоном, гремит металлом, вспыхивает электросваркой. От этого хаоса холодно и неуютно. Но уже и затеплилась здесь заводская жизнь. 4 декабря в кольцевой печи загорелись факелы — для малой просушки. 8 декабря в печи зажжены горелки. Сегодня, 12 декабря ее температуру доведут до 1280 градусов.

Прошивной стан опоясан веревкой с предостерегающими бирками: «Сто! Идет горячее опробование». Но оно еще не идет. Бригады Матвеева и Афанасьева проверяют все узлы стана. Матвеев поднял голову, глянул на толпу, уже собравшуюся возле стана, на опера-

торов телевидения, пробующих софиты... Ох, как не любят наладчики зрителей. Все неувязки, недоделки «вылезают» обычно в последний момент. Так что если для кого горячее опробование и торжество, то не для наладчиков. Потом, когда все получится, — да, они радуются, но только не в эти тревожные минуты.

Накинув ватник, опустив голову, ни на кого не глядя, торопится начальник цеха Ганец. Потомственный металлург, на Синаре работал его отец... Журналисты кинулись, было, к нему с расспросами, но Виктор Филиппович на ходу махнул рукой:

— Погодите, братцы, если получится, поговорим.

Отмеривая длинными ногами метры, подошел начальник строительного комплекса, управляющий трестом «Уралалюминстрой» Александр Алексеевич Симонов, переселившийся в последние недели из треста в цеховую конторку. Симонов высок, изящен и молод. Ему немногим больше тридцати. Хотя в тресте он прошел с инженерных низов до управляющего, Т-2 — его первая самостоятельная крупная стройка.

В октябре мне пришлось говорить с ним в тресте. На стройке была запарка, не хватало оборудования, монтажники кляли все на свете, начальники участков обрывали телефоны... Управляющий спокойно сидел в своем чистеньком кабинете, неторопливо выслушивал вопросы, тут же давал ответы, сверяя цифры в блокноте... Зажужжал селектор, и задыхающийся от спешки голос пожаловался: кто-то чего-то не туда послал. Симонов, извинившись, нажал другую клавишу:

— Почему я должен об этом беспокоиться? — голос его стал жестким, и я пожалел того, кому он выговаривал.

Потом мы вернулись к разговору, речь зашла о сроках пуска цеха, и Симонов набросал столбик цифр:

— Для пуска нам надо за два месяца освоить около пяти миллионов. Вот это мы сделаем в октябре, это — в ноябре...

Выходило, что к новому году цех закончат, но я, честно говоря, не очень верил управляющему. Многие строительные авторитеты считали декабрьский пуск невозможным.

Теперь Симонов шел смотреть прошивку. Его не останавливали и ни о чем не спрашивали. Прошивка и без того ответит на многие вопросы... Начальник комплекса тоже поднялся на площадку стана. Слышен его возглас:

— Кошмар! Убрать зрителей надо.

Только как их уберешь? Это ведь, в основном, строители. Остались после смены, не идут отдыхать, ждут. Не терпится увидеть, что же они тут настроили.

Лязгнули валки: стан пустили вхолостую. Через две минуты на площадке засуетились, перегнулись через поручни, глядят на подшипник шпинделя.

И толпа завздыхала:

— Греется подшипник.

Проходит еще два с половиной часа. Ждем. Наконец, в половине восьмого вечера все готово. Снова стан пустили вхолостую. Печь набрала температуру. Оператор Борщевский поднялся к пульту. Прокатчики выгнали лишних с площадки.

Хобот выгрузочной машины медленно потянулся в печь. Из нее выплыла долгожданная заготовка — полтора метра стального огня. Вот она уже катится по рольгангу. Теперь в цехе тишина, люди полукругом замерли у стана.

Заминка: заготовка почему-то не идет на стержень. Ганец машет оператору рукой. Вздохи пневматики повторяют людские. Под куполом застыли краны — там тоже зрители. Крановщица, которой пульт стана закрыл обзор, перегоняет машину поближе... Стержень медленно, кажется, слишком медленно, прокаливает заготовку. Гильза, звеня, бьется торцом о металл и застывает.

И пошли аплодисменты, и стало легко... Кто-то протирал якобы вспотевшие очки. Кто-то побежал замерять диаметр гильзы. Симонов — где его спокойствие? — туда же. Стал позади, с тревогой спросил: «В норме?» Все было в норме. Пошли поздравления. Один из рабочих резал автогеном кусок гильзы «на память». Отрезок доставили на площадку стана, вокруг него устраивались фотографироваться.

Еще две гильзы прошил стан — теперь быстро и четко...

Жестикулирует Ганец. Смотри, совсем другой человек, веселый, оказывается, шутить умеет. Улыбается бригадир Матвеев, подзвал своих орлов — тут, конечно, речь о доводке... Симонов идет к себе в конторку. Ему — еще не вечер, работы полно. Прошивка — это все-таки не пуск. Страшная ночь была впереди, до нее оставалось двенадцать дней.

24 декабря мы идем в цех с инженером из заводского отдела оборудования Виталием Шумковым. Он хочет снимать пуск

Теперь Т-2 уже куда больше похож на действующий цех. После той первой прошивки закончен монтаж прокатных, обкатного, калибровочного, редуцированного станов. Все вместе они называются уникальным станом «140». Сегодня после прошивки гильза должна пройти эти агрегаты — тогда она и будет трубой.

Вечер. У станов все те же люди. Секретарь партбюро Т-2 Николай Васильевич Кухаев, проработавший тридцать лет на заводе, качает головой:

— Даже не верится, что такой цех сварили. Ничего ведь прошлой зимой не было.

Станы прокручены вхолостую. Звучит сигнал оповещения — начинается горячая проба. Опять хобот выгрузочной машины достает из печи болванку. Прошивка — есть. Гильза пошла на первую прокатку. Готово. Вторая прокатка... Оператор стана не успел перехватить оправку, и гильза, нанизанная на стержень, застревает.

Снова идет заготовка. И опять гильза застряла на второй прокатке. «Будем третью ждать», — с надеждой сказал мастер.

В цехе уже ходит председатель государственной приемной комиссии. Это главный прокатчик Первоуральского новотрубного завода Э. А. Нодев. Ну, конечно, откуда же еще может быть председатель комиссии, как не с этого гиганта!

Третья попытка. Гильза застревает в обкатном стане. Но прошла все же дальше по технологической линии. Что-то не видно Симонова. Ага, вот он. Сразу замет-

но теперь, как волнуется. Стал у обкатного стана. Мастер сказал, что если тут все пойдет хорошо, то, считай, пуск состоялся.

Симонова шутливо спрашивают:

— Как самочувствие?

— Бодро-напряженное, — он тоже пробует шутить. Но не выдерживает тона, добавляет почти с отчаянием: — Нам психологически важно прогнать сегодня трубу. Тяжела ноша начальника комплекса.

Уже полночь. Вот, черт, как время летит. Четвертая, пятая, шестая попытки — неудачи... Шумков пристроился у обкатки: «Старик, тут такой обзор!» Его прогоняет распорядитель с красной повязкой: опасно.

Женщина в белом халате торгует с лотка горячими беляшами. Монтажники берут их, едят, обжигаясь, и снова — к стану. Уже было десять безуспешных попыток.

Ночь плывет над цехом, над городом, над миром. Спят люди в своих квартирах. Какие сны они видят? Что снится жене Матвеева, жене Симонова? Не мужья ли, измотанные стройкой? Не гильза ли эта проклятая, чушка бездушная, мучительница семейная? Вот она, страшная ночь.

Ушел Нодев, не видно заводского начальства. Только цеховые, только монтажники да еще Симонов... Четырнадцатая попытка. Прошивка — есть, первая прокатка — хорошо, вторая прокатка — нормально! Обкатка... Есть! Четко сработала и калибровка. Первая труба выкачивается на холодильник. 4 часа 49 минут утра. Ночь позади. Она теперь и не кажется трудной. Подумаешь, не шла гильза. Пошла вот, куда ей деться!

Криков «ура!» не было — на них не хватило сил. Шумков достал из кармана мел, предусмотрительно приготовленный с вечера. Трубу зацепили тросами, подняли краном. Вальцовщик Корюков пишет на ней: «XXV съезду — первую трубу с Т-2». Руки не слушаются его. Монтажники и прокатчики смотрят Шумкову в объектив. «Веселее!» — командует тот.

Веселье будет днем. «Пускани» умоются, принарядятся. И пойдет митинг, пойдут речи, лучшим строителям и монтажникам наденут через плечо красные ленты победителей. Девчонки принесут цветы. Симонов вручит директору завода Грехову технический паспорт цеха, а строитель Лелетин оператору — символический ключ. И на подставках перед трибуной будет лежать труба — главная виновница торжества, детище страшной, нет, прекрасной пусковой ночи.

Мы с Шумковым бредем к нему домой. Нам до митинга надо успеть написать отчет о пуске, напечатать снимки.

Виталий вдруг останавливается и говорит:

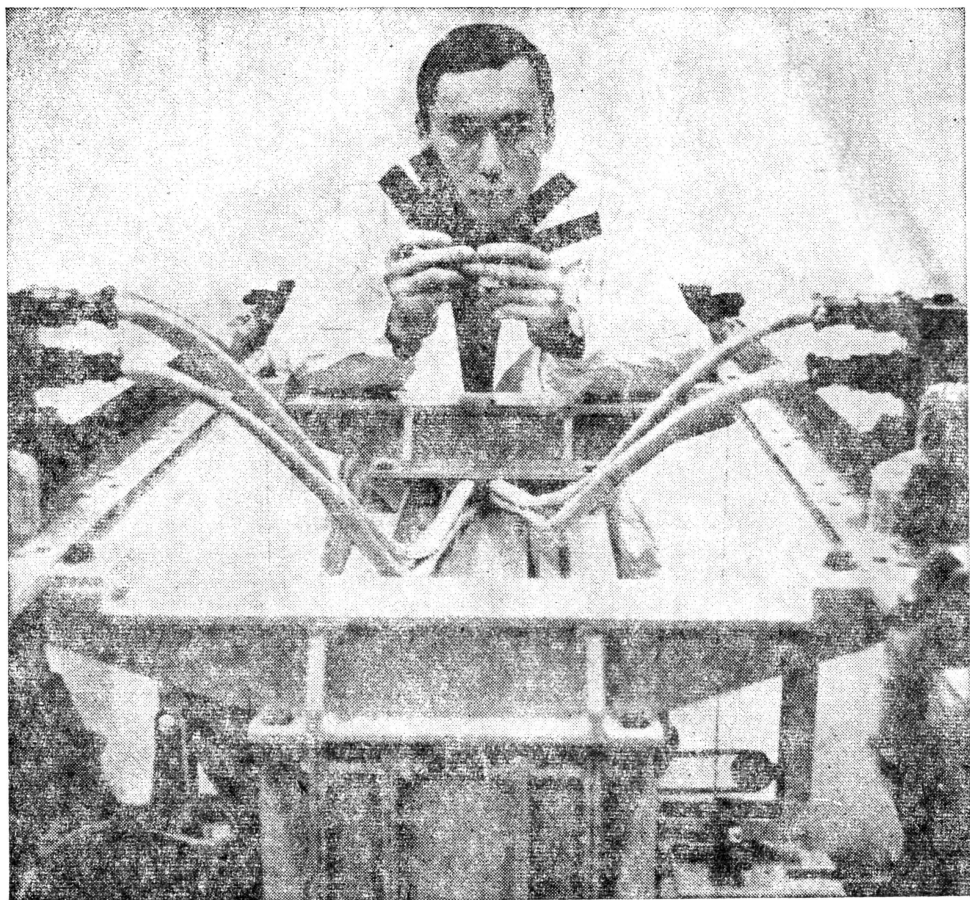
— Уйду из отдела. Сюда, на Т-2. Зовут меня, понимаешь? Не хочется больше в отделе сидеть. К трубам тянет, понимаешь?

Очень хорошо понимаю.

„Развивать производство... устройств регистрации и передачи информации для автоматизированных систем управления...“

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

СКОРОХОД В МИРЕ ИНФОРМАЦИИ

В поиске нужных сведений мы часто действуем по тому правилу из народных сказок: пойдешь туда — не знаешь куда, найдешь то — не знаешь что. В самом деле, не легко ныне сориентироваться даже в потоке специальной литературы — так она безбрежна. Поиск информации — проблема, знакомая и квалифицированному рабочему, и студенту, и академику. В наш век ее уже не решить вручную. Потому инженеры создают новую и новую информационную технику.

Ведущий в стране институт, занимающийся разработкой информационно-поисковых систем — это научно-исследовательский институт управляющих машин и систем (НИИУМС) в Перми. Здесь конструируют и целые автоматизированные системы управления разными отраслями народного хозяйства. Эта техника позволяет повысить качество работы геологам

и горнякам, животноводам и строителям.

На снимке вы видите одну из пермских машин — для скоростного поиска информации. Она хранит в памяти миллион микрофильмов — миллион страниц текста, чертежей, рисунков. Вы задаете машине вопрос, например, о редукторах, через восемь секунд она выдает об этом все микрофильмы. Немашинным, дедовским способом эти сведения одному человеку пришлось бы искать весь рабочий день.

Такая машина может работать в автоматизированной системе управления той или иной отраслью хозяйства.

Фото Алексея Бабушкина

БЫЛО ЕМУ ДЕВЯТНАДЦАТЬ *

**Сергей
БЫСТРОВ**

Рисунок
В. Домрачева

«Николаевские полуротки» — Нижнетуринская тюрьма — были известны среди политических особенно суровым режимом, диким произволом, утонченными пытками. Сюда осенью 1907 года привезли закованного в кандалы члена Нижнетагильского комитета РСДРП, руководителя боевой дружины железнодорожников подпольщика Александра Григорьевича Шамина. Было ему тогда девятнадцать лет.

По документам, воспоминаниям соратников, старых коммунистов, его сестры Александры Григорьевны мы попытались воссоздать образ бесстрашного революционера, организатора и вожака рабочей молодежи Нижнего Тагила в бурные дни 1905 года.

Случай в вагоне

Комитетчики по одному расходились с заседания, Пикликевич задержал Александра и тихо спросил:

— Когда думаешь ехать?

— Завтра, Фома Станиславович, с товарищом попытаюсь...

— Будь осторожен, не горячись. Дело опасное. Поймают — без суда расстреляют. А оружие, сам знаешь, нам позарез нужно. Вчера на станции этот жандарм Мокин похвалялся перед деповскими: «По три комплекта патронов выдали, теперь мы вам всыпем, попробуйте только бунтовать». Круто замешивают! А у нас, у дружинников, пять дробовиков...

— Да и те шомпольные! — с горечью согласился Александр.

— Беспокоюсь за тебя, — признался старый машинист. — Давай еще раз проверим, все ли мы предусмотрели...

Александр с благодарностью взглянул на старшего товарища и еще раз изложил план предстоящей операции по доставке оружия из Екатеринбурга в Нижний Тагил.

— А если тебе в мой паровоз не удастся сесть? — вдруг спросил Пикликевич.

— Тогда поеду в пассажирском вагоне.

— Кто тебя без билета посадит! Ты что же, на глазах у шпиков по вокзалу с чемоданами бегать будешь?

— Билет мне заранее товарищи купят. С ними установлено...

Уже за полночь ушел Александр от Пикликевича. А ближайшим вечером с товарным поездом под видом осмотрщика вагонов уехал в Екатеринбург.

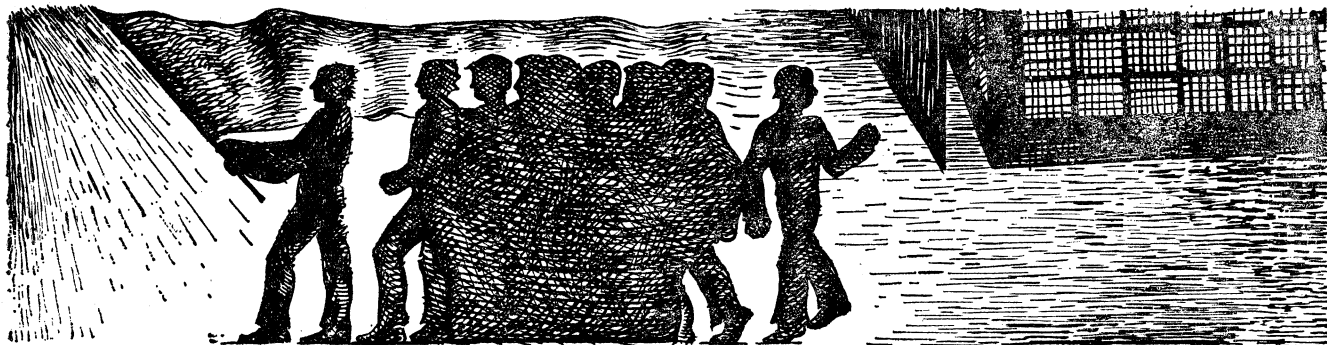
Операция по доставке оружия, закупленного Екатеринбургским комитетом РСДРП, проходила точно по плану. Дважды Александр проводил свой багаж без происшествий. Однако эта последняя поездка едва не стала роковой.

Пикликевич опасался не напрасно, сесть в паровоз Александру не удалось: около него крутились какие-то подозрительные господа, и уж очень присматривались к машинисту стоявшие поодаль два жандарма. Александр сел в пассажирский вагон.

В вагоне было тесно. Артельщики с Авроринских приисков прямо на полу резались в карты, шумели, ругались. Угрюмые и потные бородачи-старообрядцы пили чай из жестяных кружек.

Александр с трудом пробрался в середину вагона, присел на чемодан и сделал вид, что задремал, но глаза его следили из-под прищуренных век за всем, что происходило вокруг.

Не этот ли рыжий, в сером картузе шнырял вокруг паровоза? Он или не он? Если это «хвост», то он потянется за Шаминым и в другой вагон.

Александр поправил картуз, зевнул и, взяв чемодан, направился к выходу. Он не знал еще, что предпримет, если рыжий двинется за ним. «Если шпик, дело плохо, придется прыгать на ходу...»

До Тагила еще четыре перегона. Шамин еле протискивается с чемоданом к тамбуру, незаметно оглядывается назад. Рыжий пробирается за ним.

«Шпик!» Сомнений не оставалось. Надо быстрее в тамбур. Ключом открыл дверь, распахнул ее. Лицо обожгло студеным осенним ветром. Спустился на ступени, захлопнул за собой дверь. Казалось, он несет с насыпи в темную бесконечность ночи. Прыгать нельзя — верная смерть. Александр быстро перебирается на буфер и по лесенке начинает подниматься на крышу вагона. В это время распахивается дверь, на подножке вагона появляется фигура рыжего. Александр замирает на лесенке. Рыжий ловко вскакивает на буфер и тоже замечает Шамину. Тяжелый удар сапогом сбрасывает шпика вниз, на бегущую темную ленту шпал. Крик его глушит звонкий гудок паровоза.

«Спасибо, друг! Вовремя гуднул», — с благодарностью подумал о Пикликевиче Александр и направился в вагон.

В ту же ночь на станцию Нижний Тагил сообщили, что из пассажирского поезда около разъезда Быньги выброшен злоумышленником некий господин Стаканчиков и сильно изувечен при падении.

Ранним октябрьским утром 1905 года в депо пришла тревожная весть: руководителей забастовки арестовали и посадили в земскую тюрьму. Зашумели, заволновались железнодорожники.

— Отправят их в Екатеринбург!
— Чего же ждать, надо выручать товарищей!

— А там солдаты, ожгешься!

На верстак вскочил пожилой рабочий.

— Товарищи! — он басом покрыл все голоса. — Пойдем к тюрьме организовано. Потребуем освободить арестованных. С нами рудокопы, старозаводцы.

Толпа двинулась к дому земского пристава, где томилась забастовщица М. Ячевский, Г. Наугольных, А. Шамин встали в голову колонны. За ними построились члены боевой дружины железнодорожников.

Обыватели со страхом глядели на хмурые, решительные лица деповских. Поравнявшись с горнозаводским училищем, колонна остановилась. Здесь в нее влились учащиеся. Колонна вновь качнулась и покатила по Салдинской улице.

Впереди показался пристав. Он ехал в легкой пролетке. Увидев толпу, хотел повернуть назад, но его быстро окружили.

— По какому случаю шествие? Кем разрешено? — спросил пристав.

Вперед выступил Ячевский и громко, чтобы все слышали, заговорил:

— По какому праву арестовали Пикликевича и его товарищей? Мы требуем освободить их немедленно.
— Кто это «мы»? Да это бунт, мой батенька! За такие речи я тебя, знаешь...

— А ну вылезай из коляски, — потребовал Александр и, взяв пристава за рукав, потянул его. Рабочие плотнее сомкнули кольцо. Пристав заозирался и, увидев полные ненависти взгляды, струсил:

— Что вы, братцы! Да разве я в том повинен? Приказ прокурора.

— Да что с ним рассусоливать! Пошли к земскому! Сами освободим! — кричали в толпе.

Колонна двинулась дальше. Над рядами взметнулось красное знамя. Вначале нестройно, потом сильнее, громче, шире полилась песня:

**Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...**

У земского правления стройной цепочкой поперек улицы выстроились солдаты. Гребень сверкающих на

солнце штыков перегородил улицу. Впереди стоял молодой офицер. Он поднял руку и, пятясь, пригрозил:

— Дальше ни шагу! Прикажу солдатам стрелять! Разойдись!

Люди остановились.

— Не разойдемся до тех пор, пока не освободите наших товарищей.

Офицер побагровел:

— Молчать! — и, повернувшись к солдатам, скомандовал: — Готовсы!

Рабочие, видя замешательство в рядах солдат, придвинулись к ним вплотную. Послышался голоса:

— Где же заключенные?

Из толпы кто-то громко крикнул:

— Их, братцы, давно в Екатеринбург отправили!

Рабочие заволновались. Задние ряды напирали. Послышался выкрики:

— Чего с ними церемониться! Проверить надо.

Чувствуя, что обстановка накаляется, Шамин велел дружинникам приготовиться.

— Если солдаты начнут стрелять по рабочим, мы ответим тем же! — крикнул он офицеру.

Тот круто повернулся и скрылся в ограде. Через несколько минут двое солдат вынесли высокую скамейку, а за ними в сопровождении стражников вышли арестованные.

Солдаты стояли переминаясь, опустив винтовки. Рабочие окружили их, угощали табаком.

На скамейку поднялись Пикликевич, Бессонов и Каменский. Увидев их, люди кинулись к арестованным. Подхватив на руки освобожденных, колонна двинулась по улице.

Комитет решил

За Шаминым жандармы наблюдали особенно пристально. Они предполагали, что это он убил филера, но доказательств у них не было. Досье на Шамину могло бы составить честь даже опытному револю-

ционеру. Много «преступных деяний» числилось за молодым железнодорожником: и освобождение членов забастовочного комитета, и агитация против устоев существующего строя, и участие в боевой дружине.

После подавления октябрьской забастовки железнодорожников в 1905 году терпению жандармов пришел конец. Они решили арестовать Шамину. Только случайность спасла его.

Возвращаясь вечером домой, Александр издали увидел в открытых воротах ограды полицейского. Сомнений не было — это пришли за ним. Он почти бегом направился на Гальянку, к старому другу Андрею-Ке Веселову.

А на следующий день по предложению комитета РСДРП уехал на Северную Двину. Оставаться в городе было нельзя.

Письмо А. Г. Шамина отцу

«Здравствуй, тятя. Приехал в Котлас в пятницу утром и пошел устраиваться на работу. Проработал день, а в субботу мне заявили, что я уволен через жандармское управление. Приходится уехать снова. Я жив, здоров, того же и вам желаю.»

*Сын ваш Александр Шамин.
5 мая 1906 года.»*

Николаевские полуротки

В ноябре 1907 года охранке удалось выследить Александра Шамина в Кушве, где он работал в железнодорожных мастерских. Его арестовали и, закованного в кандалы, доставили в Нижнетуринскую тюрьму.

Полмесяца сидел Шамин в одиночке. Ему не разрешали писать письма, не переводили в общую камеру. Зловещую фигуру надзирателя Урюпина, изредка появлявшуюся в камере, да старика тюремщика, приносившего три раза в день скудную тюремную еду, только и видел за эти долгие дни Александр. Постепенно он стал заговаривать со стариком. Вначале тот отмалчивался, но однажды, озираясь, участливо сказал:

— В общую, к политическим тебе, браток, надо проситься. Захиреешь здесь, — и, поставив обед, ушел.

Однажды Александр попросил его помочь связаться с родственниками. Старик вначале отнекивался, но Александр пообещал заплатить. На следующее дежурство тот принес клочок бумаги и карандаш.

Было воскресенье. В поселке го-

товились к рождественским праздникам. В полдень к Шаминам постучался почтарь и вручил Александре Григорьевне письмо. Взглянув на него, она узнала почерк брата. Дрожащими руками распечатала конверт и бессильно опустила на стул: «Саша в тюрьме!» Кинулась к Веселовым...

А через несколько дней в тюрьме разыгралась кровавая драма. Каким-то образом Урюпин узнал об отправленном письме. Начальник тюрьмы сам допрашивал старика тюремщика, но тот под крестом поклялся, что не ведает, через кого «особый» связался с волей.

Шамин на вопросы отвечать отказался. Тогда пятеро дюжих слугителей свалили Александра, привязали к скамейке. Урюпин схватил плетку-пятхвостку. После первого же удара на спине вспухли багровые рубцы. Второй удар обжег словно раскаленным железом. За ним последовал третий... четвертый...

Наутро, едва забрезжил рассвет, в одиночной камере загремел засов, дверь распахнулась, на пороге снова появился Урюпин.

— Поднимайся! — приказал он Александру. — Начальник требует.

Шамин собрал последние силы и встал, медленно пошел по коридору. Допрос повторился. И снова Шамин молчал.

— Ванну! — приказал тюремщик.

Александра снова повалили, привязали к скамье. Принесли два ведра, доверху наполненных мутноватой водой. Шамин не сразу понял, что с ним задумали делать.

— Спрашиваю последний раз: с кем держал связь? — спросил Урюпин.

— Я ничего не знаю, — впервые за два дня пытки громко проговорил Александр.

— А, не знаешь! Я тебе развяжу язык, заговоришь!

Соленый раствор стали лить на нестерпимо болящие раны. Александр потерял сознание.

Господину начальнику
Николаевского исправительного
арестантского отделения

Согласно телеграмме господина Пермского губернатора разрешается перевезти тело умершего политического арестанта Шамина из Николаевского исправительного отделения в Нижний Тагил. Об этом сообщая Вашему Высокоблагородию на предмет выдачи трупа сестре умершего Шамина Александре Шаминой.

15 декабря 1907 года.
Нижнетуринский пристав.

И мертвый борется

Узнав об убийстве Александра Шамина, политические заключенные Нижнетуринской тюрьмы объявили голодовку. Сидевший в этот период в Николаевских полуротках старый коммунист И. Комшилов вспоминает, как переполошил тюремное начальство этот бунт политических. Чтобы как-то замять скандал, пермский губернатор дал разрешение на перевоз тела из тюрьмы в Нижний Тагил с условием — ни при каких обстоятельствах не вскрывать гроба. На этот счет были даны особые инструкции тагильскому приставу.

Но когда гроб был доставлен в Нижний Тагил, друзья Шамина все-таки вскрыли его, чтобы проститься со своим боевым товарищем. Взору их предстала ужасная картина. На теле Александра обнаружили шестнадцать ран, были выбиты зубы, сломаны два ребра.

...Похороны Шамина состоялись в морозный зимний день 23 декабря 1907 года. Проводить славного сына рабочего класса вышел почти весь Нижний Тагил. После бурных дней 1905 года улицы не видели такой массовой, такой могучей демонстрации. С красными знаменами процессия направилась на кладбище. Снова полилась над заводским поселком революционная песня.

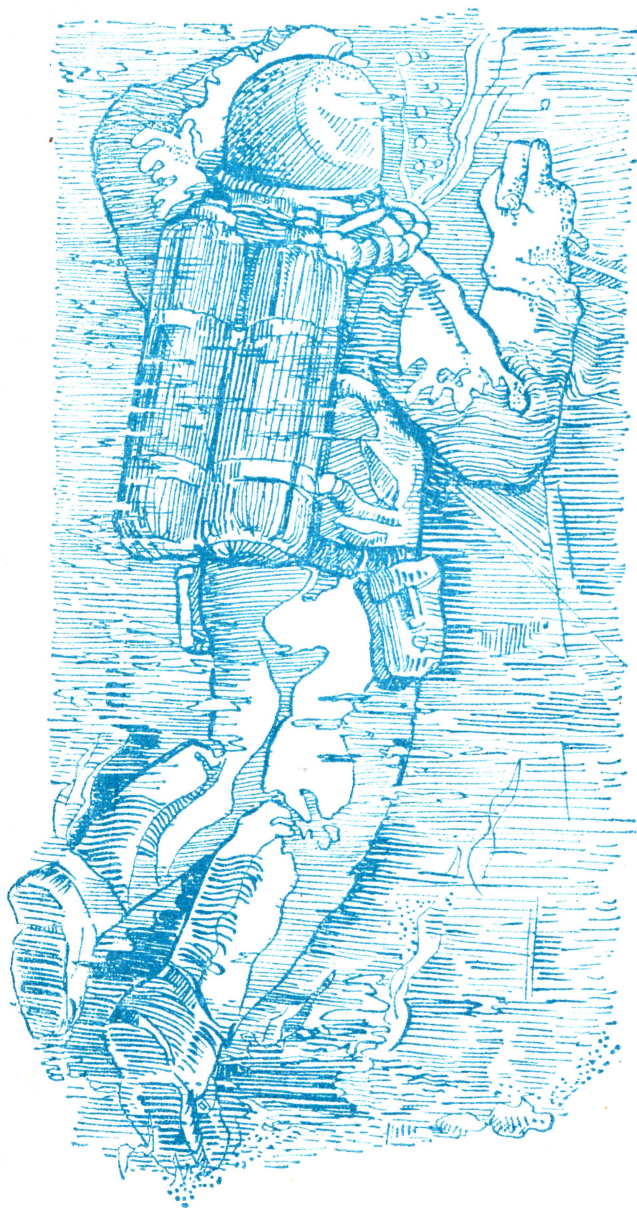
И мертвый Шамин бился с врагами, звал людей на борьбу с царизмом.

Крещение ПОД ВОДОЙ

**Николай
МЕЛЬНИКОВ**

*Рисунок
М. Паукера*

В конце октября 1941 года с путевкой райкома комсомола я пришел в Свердловское городское общество спасения на водах (ОСВОД) и был зачислен на курсы водолазов.

Учеба была недолгой, но напряженной. В январе 1942 года я получил служебную книжку «легкого» водолаза за номером один. Спустил еще некоторое время меня подготовили для работы в тяжелом снаряжении.

Помнится, как в военном сорок втором году, зимой, позвонили из Орджоникидзеvского райкома партии: «Уралмашзавод» мощности для производства танков наращивает, а там, на заводе, только одна градирня работает, вторую подсоединить к общему каналу никак не могут: стенку под водой убрать надо. Спустился я в канал. Сперва ножовкой арматуру пилил, потом долотом доски рубил, потом кувалдой долбил штукатурку, потом ножницами стриг железную сетку — вот такая была эта стенка. Все бы ничего, да в самом начале работы я порвал рукавички у водолазной рубашки, и вода начала поступать в скафандр. Как нагнешься, — она в шлем заливается. Приходилось туловище держать прямо. Неудобно было работать. Под конец совсем замерз. Когда закончил все, начал воздух копить, чтобы до трапа всплыть, а он не копится, через дырки в рукавичках пузырьками выходит. Пришлось за помощью наверх обратиться:

— Подбирайте за сигнальный конец!

Потащили меня, подтянули к трапу, уцепился я за него, а выйти не могу, сил уже не хватает. Да ведь и то: кроме свинцовых-то грузов, еще литров семьдесят воды в скафандре. Как меня вытянули, не помню. Одно в памяти осталось: на улице темно, а от работающей градирни пар идет. Потом мне сказали, что я под водой двенадцать часов работал. Зато на заводе досрочно вторую турбину пустили.

Каких только чудес ни повидал я за свою жизнь под водой, в каких переплетах ни пришлось побывать — всякое случалось, и трагическое и смешное.

Ну, что может значить для большого завода какая-нибудь щепочка? Но иногда прижмет одну щепочку в решетке водозабора, потом другую, третью, а там смотришь, и залихорадило завод. Вот так однажды раки облепили решетку тол-

стым слоем, столько их там набилось — бадьями пришлось наверх вытаскивать. Завод из-за них чуть совсем не остался без воды — настоящие диверсанты, а не раки.

Приходилось мне доставать со дна рек затонувшее во время шторма оборудование, проверять приемные колодцы только что построенных плотин — обо всем не расскажешь. Но один эпизод остался для меня на всю жизнь самым памятным, самым значительным — наверное потому, что это было, так сказать, мое боевое крещение, первое мое настоящее дело.

О нем и расскажу подробно.

Зима 1941—1942 года на Урале была на редкость суровой. Земля глубоко промерзла, и с весны на главной магистрали свердловского водопровода начались неприятности. То в одном месте, то в другом стало вышибать стыки больших чугунных труб. Вода уходила в болото. Заводы лихорадило от нехватки воды. Отключали воду в жилых домах. Это не очень помогло. А фронт требовал оружия и боеприпасов. И населению нужен был хлеб, а крупнейший свердловский хлебокомбинат вот-вот должен был остановиться. Работники городского водопровода с ног валились от усталости, ремонтные работы велись и днем, и ночью. Трое суток возились с одним из стыков, пытались отгородить его от болотного массива деревянной шпунтовой клеткой, чтобы затем, откачав воду, зачеканить его свинцом.

Но вот откачать-то воду никак и не удавалось: напор был очень большой, а перекрывать трубу нельзя. А тут еще в клетку все время болотная вода поступает. Как быть? Решили: без водолазов не обойтись. Но и нам вручную ничего не сделать, а подводных пневматических молотков у нас не было. Председатель ОСВОДа Скалепов вызвал своего заместителя Субача и старшину Трубакова. Посоветовались они и решили испытать под водой «сухопутный» чеканочный молоток.

Немного погодя вручили мне молоток — для «испытания». В бочке с водой опробовал я его — работает. Пошел доложил.

— Порядок, — сказал Трубаков.

— Давайте станцию готовить, — согласился с ним Субач.

Только приготовили — грузовик подъезжает. Погрузили мы на него станцию. А сами уселись в ЗИС-101 председателя горисполкома — такая нам честь была оказана. Едем, начальство вслух ситуацию обсуждает, а я соображаю, как мне лучше к делу приступить. С чего начать и чем кончить.

Приехали на болото. Там уже будка стоит, и дымок из трубы курится. Вокруг будки народ ходит. Какие-то шланги перетаскивают с места

на место. Был там один силач — свинцовые чурки как деревянные бросал. «Ничего себе, — подумал я, — детина, его бы к нам в водолазы».

Глянул я в клетку — по телу мурашки пошли: шум сплошной, вода бурлит, как в котле, деревянная стенка ходуном ходит. Взял Трубаков одну из досок, которая поближе, длиной метров в шесть, опустил ее в бурлящее месиво из воды пополам с торфом — доску как былинку прищелкнуло к стенке. Потянул он ее вверх, а она ни с места. Посмотрел Трубаков на Субача, тот на меня, а я стою и делаю вид, что меня это ничуть не беспокоит. Хотя, конечно, меня попеременно то в жар, то в холод бросало. Помог Валентину Николаевичу доску выдернуть. Обернулся, вижу — станцию нашу выгружают. С дороги компрессор разворачивают, но водой болото размыло, и колеса компрессора вязнут в торфе. Подложили доски под колеса...

А в будке председатель горисполкома горячится:

— Нам каждая минута дорога, убытки большие, а вы работу не начинаете!

Трубаков всю ответственность на себя взял:

— Не буду инструкции нарушать, место еще не подготовлено, а вместо спирта водку привезли, да и та — «сучок»! Что я, водолазов гробить должен, водкой шланги промывать?

Председатель на него:

— Вам, может, коньяк подать?

— Чет, нам спирт надо. Дезинфекцию делать.

Председатель — делать нечего — записку написал и за спиртом человека на своей машине отправил.

А я стал готовить снаряжение. Первым делом к телефону батареи прицепил. Работает. Затем клапанами в шлеме занялся. Смотрю, мои начальники во главе с бородатым Скалеповым водолазную помпу устанавливают на деревянную площадку. Шеи красные от натуги, ноги в болото проваливаются под тяжестью ноши: в помпе 160 кило, небось, тут попотеешь! Привернули шланги к помпе, масленки вазелином набили, штоки и цилиндры смазали. Маховики с ручками надели. Для пробы провернули несколько раз. Порядок! Можно начинать. В стороне компрессорщик свою механику пробует: молоток прицепил и чурку свинцовую долбит.

Подшел ко мне председатель горсовета:

— Ты комсомолец?

— Комсомолец, — отвечаю.

— Ну, так тебя агитировать не надо. Сам знаешь, как это нужно для фронта, для наших товарищей, которые сейчас кровь свою проливают, жизнью жертвуют.

— Конечно, — говорю, — понимаю и сделаю все, что в моих силах.

— Водолазу одеваться! — скомандовал Трубаков.

Еще раз глянул я на чертов водоворот и по-

шел в будку одеваться. В будке подводят ко мне того силача, что свинцовые чурки швырял:

— Познакомься — бригадир слесарей Корнеев, о тебе по твоим замерам свинец будет готовить и подавать под воду.

Затем начальник городского водопровода разъяснил мне задачу:

— Когда свинец подадут, мы начнем главную задвижку закрывать — совсем воду останавливать мы не имеем права. На открытие и закрытие задвижки мы затратим примерно час — значит, в твоём распоряжении будет всего минут двадцать-тридцать, за это время ты должен успеть зачеканить хотя бы два слоя свинца.

Я спросил:

— А если не успею?

— Тогда придется начинать все сначала — с перерывом в час-два, так что на всякий случай готовься к длительной работе. Вытерпишь?

— Постараюсь.

— Вопросы есть?

— Есть. Какое давление в этой трубе?

— Двадцать-пятнадцать атмосфер.

— Ого! — вырвалось у меня.

— Постарайся не попасть под струю.

Вспомнил я про доску, которую мы с Трубаковым еле вытащили, и у меня опять мурашки по телу пошли.

Оделся потеплее, поверх вязаного белья еще брюки и ватник натянул, чтобы не замерзнуть. В водолазную рубаху вчетвером еле втолкнули меня. Надели сигнальный конец, и я неуклюже завывлял к рабочему месту. На дно ямы, рядом с трубой, опустили на толстой веревке подводный светильник — киловаттную лампу на специальной шаровой подвеске. Подключили ее к временному кабелю. Под водой появилось желтое пятно света. Подвесили мне свинцовые грузы, и вот я уже слышу знакомое постукивание ключа, затягивающего гайки шлема. В телефоне что-то затрещало, и сквозь треск донесся до меня знакомый голос Скалепова:

— Как слышимость?

— Хорошая, — ответил я.

Зашипел воздух, поступавший по шлангу в шлем.

— Как воздух?

— Хорош воздух.

Трубаков подбадривающе подмигнул мне. Иду к трапу. Осторожно спускаюсь по нему. В ушах страшный шум.

Вот и труба. Она гудит и заметно вибрирует. Из стыка вырывается струя воды, с силой бьет в деревянную стенку. Свет лампы с трудом пробивается сквозь месиво из торфа и воды. Перед иллюминатором кружат в хороводе какие-то головастики. Осторожно перелезаю через трубу и втискиваюсь в тесное пространство между

трубой и стенкой. Плоская струя воды прямо передо мной. Сообщаю наверх, что я на месте и чувствую себя хорошо. Ответ еле-еле слышу — скорее догадываюсь о том, что мне говорят. Прошу говорить громче. Подкручиваю зажимы светильника, устанавливаю его поудобнее. Пробую поднести руку в рукавице к струе. Рука со страшной силой отбрасывает в сторону. Пинаю струю тяжелым ботинком — ботинок отскакивает как от стенки. Присматриваюсь, примериваюсь, прикидываю и, честно сказать, начинаю сомневаться в успехе.

Но пора приниматься за дело. Запрашиваю по телефону мерительный инструмент. Опускается ведро, в нем — большой кронциркуль. Беру его и осторожно подвожу к стыку, стараясь не попасть ножками инструмента в струю. Произведя замеры, опускаю инструмент в ведро и отправляю наверх. Жду. Струя с прежней силой бьет в спину. Спиной чувствую, как вибрируют доски.

Стоять без дела скучно. Запрашиваю по телефону:

— Когда начнете перекрывать?

— Жди, — отвечают. — Уже пошли. Сейчас подадим свинец, кувалду и ручную чеканку.

Смотрю наверх через верхний иллюминатор, вижу, как медленно, словно на ощупь, ко мне спускается черный предмет. Принимаю ведро с инструментом и устанавливаю на трубе, для верности привязываю его шкертиком к светильнику. Проверяю инструмент и свинец. Шум воды начинает стихать. Струя уменьшается в размере. Теперь надо уловить момент, когда можно будет приступать к работе. Струя все уменьшается и уменьшается. Ну, пора! Кувалда с короткой и скользкой ручкой удивительно непослушна мне: раз — по чеканке, еще раз — по трубе. Кувалда норовит вырваться из руки. Я крепче сжимаю ручку и продолжаю бить. Раз, два... Скользом ударил по руке. Рука гудит, но мне бы только скорей, скорей... Есть!

Хватаю свинец, пристраиваю к стыку. А как быть дальше? Чтобы забить свинец, мне нужна третья рука: одной держать кувалду, другой чеканку, а третьей — свинец. Подставляю под кромку свинца край медной манишки и, неловко вывернув левую руку с чеканкой, начинаю бить кувалдой.

Есть! Один конец свинцовой заготовки заклинил в раструбе. Стало веселее. На радостях я даже запел.

— Как дела? — поинтересовались сверху.

— Порядок! — отвечаю. — Готовьте пневматический молоток!

— Принимай!

В плечо что-то ударило, глянул — пневматический молоток, а вокруг него — облачко из воздушных пузырьков.

Устроился я поудобнее и, оперев чеканку в

свинец, нажал на клапан. Молоток, вздрогнув, весело застучал. Воздух от него сплошным длинным пузырьком пошел наверх. Чеканка моментально, как в масло, вошла в свинец и застряла в нем. «Э, так дело не пойдет,— подумал я,— надо осторожнее». С большим трудом выдернул чеканку и, легонечко нажимая на молоток, начал снова чеканить.

Первый слой готов. Стал налаживать второй. Когда уже добивал и его, услышал нарастающий шум воды. Поближе приткнулся иллюминатором к трубе и почувствовал, как волосы под феской зашевелились: свинец давило обратно, прямо в стекло иллюминатора. Рядом со старым стыком пробивалась острая струйка воды.

Что делать? Бросать работу? Нельзя! Это все равно что на фронте оставить позицию. Умри, а стой до последнего! Задержать свинец. Любой ценой задержать. Ах ты, фашист, думаю! Молоток яростно запрыгал в руках. Свинец уходил обратно в раструб трубы, а я все продолжал бить. Пот заливал мне глаза, капал на иллюминатор. Я жал на клапан молотка до тех пор, пока чеканка не застряла в раструбе.

По телефону опять:

— Как дела? Давай успевай, начали открывать задвижку.

Попытался выдернуть чеканку — не получилось. «Ну и ладно, крепче свинец держаться будет», — подумал я и стал готовить вторую чеканку. И вдруг она выскользнула из рук и нырнула под трубу.

Запросил еще пару чеканок по телефону. Не отвечают. Еще того не легче!

Боком, с великим трудом протиснулся я между трубой и деревянной стенкой, стал шарить руками. Полная темнота. Под руками, кроме торфа и ила, ничего нет. Напрасная трата времени, — подумал я и хотел уже выбираться обратно, как почувствовал, что меня потянули за сигнальный конец. Шлем мой тыльной стороной уперся в трубу, а сам я расклинился между трубой и шпунтовой стенкой. Попытался нажать головой на травящий клапан, но, к ужасу своему, не смог до него дотянуться.

Воздушная помпа гнала воздух в скафандр, а я не мог справиться с излишками. Нижний брасс ослаб. Скафандр раздувало. Меня опять потянули за сигнал и расклинили еще надежнее. Сигнальный конец удавкой резал меня на две части. Кричу в телефон, чтобы не тянули — ответа нет. А петля давит и давит меня в пояс.

Наконец, наверху, очевидно, догадались: что-то не так. Перестали тянуть. Теперь если не стравлю воздух, водолазная рубашка лопнет, и мне каюк. Голова у меня ниже корпуса. Рубашки старые, еле дышат — где сейчас возьмешь новую, война! Собираюсь с силами, резко дергаюсь головой вперед, одновременно подтягиваю шлем и достаю головой клапан. Воздух с

бульканьем, обтекая трубу, пошел наверх. Жму на клапан до тех пор, пока через него не начинает поступать холодная вода. Она окончательно приводит меня в чувство.

Быстрее выбраться из-под трубы! Только выбрался, как заработал телефон: требуют проверить сигнальный конец. Сообщают, что капсуль в телефоне отсырел, меняли.

— Понятно! — возмущаюсь я. — Капсуль отсырел, так зачем же из меня двух водолазов делать?

И вот молоток опять пляшет в моих руках. Слой за слоем свинец уходит в щель. Вот освождена застрявшая чеканка. Работа подходит к концу. Чувствую, как холод от ног постепенно подбирается к спине и груди. Устал до чертиков. Последние удары молотка. Слышу, как вибрирует труба и внутри нее шумит живительная влага, так необходимая и заводам, и людям. Собрал инструмент, отправил его наверх. Следом поднялся и сам. Наверху сумерки. Однако же долго я провозился!

Трубаков отвинтил иллюминатор. Я с удовольствием вдохнул свежего воздуха. В ушах все еще стучал чеканочный молоток, а в будке ярко светила большая лампа и весело трещали сухие дрова в железной печурке. Было тепло и уютно. Зина Соломеина — инструктор — поднесла мне кружку горячего чая с сахаром и большой кусок копченой колбасы с краюхой ржаного хлеба. Кто-то хвалил меня, кто-то поздравлял с успехом. А я просто хотел спать и больше ничего.

Прошло несколько дней. Вызывает меня мой начальник товарищ Субач, кладет передо мной анкету и листок чистой бумаги, подвигает чернильницу поближе и, слегка заикаясь, говорит:

— Вот так, товарищ Мельников, давай заполняй анкету и пиши свою биографию. Представляем тебя к правительственной награде.

Смотрю я на эти листочки и думаю: ну какая у меня может быть биография? Школа, пионерская и комсомольская организации и, наконец, вот эта подводная работа. Уж очень короткая биография. Может, она только-только еще начинается, моя жизнь.

В конце 1942 года я ушел на фронт, а после войны снова вернулся в Свердловск и приступил к подводной работе на водолазной станции треста «Уралспецстрой». Наша станция обслуживала четыре области: Свердловскую, Пермскую, Челябинскую и Тюменскую. Последнее время я был старшиной водолазной станции на боте «Нептун» Ямало-Ненецкого филиала «Главтюменьгеологии», это уже за Полярным кругом.

ИСКУССТВО-ОРУЖИЕ

Евгений
АЛЕКСЕЕВ,
искусствовед

С. КОЖЕВИН (г. Свердловск)

Народ свергнул царизм, совершил революцию. Но враг потянулся к горлу неокрепшей республики. Надо защищать свою пашню, свой завод, свою пролетарскую власть.

С первых дней существования

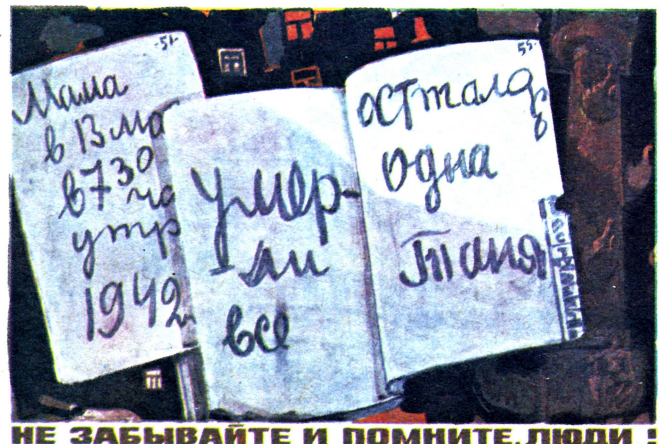
нового государства бок о бок с каждым красным бойцом, рука к руке с каждым рабочим и пахарем встал еще один боец, еще один труженик — товарищ Плакат. В железные ряды строил он защитников

революции, молниями партийных лозунгов указывал цели для удара.

Крылатое назначение — звать к победе — сделало плакат живым и вездесущим участником жизни народа. Многих захватывал его рево-

В. БЕЛЯЕВ (г. Свердловск)

А. ПЯТЫГИН (г. Алапаевск)

люционный порыв, много сердец откликлось на его зов.

Плакат всегда в наступлении. Он участник строительства Днепротранса и Уралмаша, Братской ГЭС и БАМа. Плакат приходит на рабочее

место, поднимает на трудовой подвиг ясным и горячим словом и художественной образностью. Он борется за мир на всей планете, за свободу узников фашизма и колониализма, за счастье детей. За то,

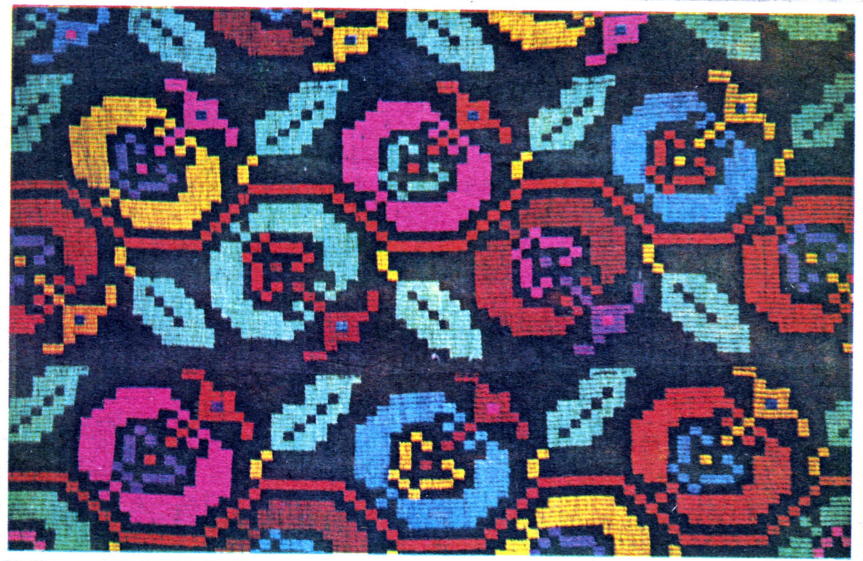
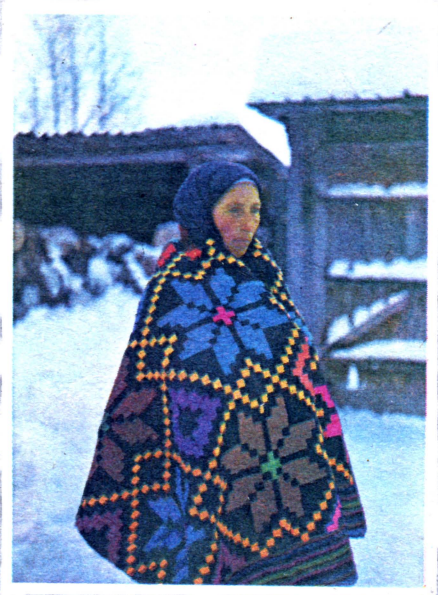
чтобы легко дышалось людям на Земле.

В этом номере представлены произведения свердловских художников-плакатистов со второй областной выставки плаката.

А. МАРЧУК (г. Свердловск)

В. ФИЛАТОВ (г. Свердловск)

ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ

Нина
ЕРМОЛАЕВА

● Давно когда-то жила очень бедная женщина. Было у нее только одно богатство — умелые руки и умная голова. Умела женщина ткать красивые ковры. Каждый вечер садилась она при свете лучины ткать. И забывала за этим делом, что бедная ее изба, что тяжела работа, которая ждет ее утром...

И вот однажды, когда заканчивала она один из красивейших своих ковров, неожиданно сломался ее ткацкий станок. Отправилась она с мужем в лес срубить дерево, чтобы сделать новый станок. Выбрали они в лесу дерево, но только замахнулся топором муж, раздался голос невидимого нюлэсмурта — лесного волшебника.

— Эй, мужик, стой, не трогай это дерево. Здесь мой дом. Разве мало тебе других деревьев?

— Деревьев-то немало, да нет другого такого крепкого. Жене моей нужен новый прочный станок. Это дерево самое подходящее.

Долго спорили мужик с нюлэсмуртом. И предложил тот мужику вместо этого дерева на выбор: или счастье, или скатерть-самобранку, или топор-саморуб. Стали думать муж с женой. Говорит жена:

— Счастье оно хитрое, голыми руками не возьмешь. Да и какое оно там, неизвестно,— для богатого одно, для злодея другое. А я свое счастье знаю — сидеть за станком и ткать такие узоры, чтобы людям весело глядеть было.

Говорит тогда муж:

— Скатерть-самобранка хороша, да не десять ртов у меня, а на пять я как-нибудь сам заработаю. Чем готовому радоваться, лучше самому потрудиться. Вот топор-саморуб будет мне хороший помощник.

Дал нюлэсмурт топор-саморуб. Этот топор мог что угодно вырубить мужику. Мог исполнить любые его три желания. Размечтался мужик. Но тут вмешалась опять жена:

— Пусть вырубит топор для меня новый неломющийся ткацкий станок, чтобы могла я на нем ткать такие ковры, каких ни у кого нет, большие и красивые.

Послушался мужик жену. Вырубил топор по его приказу ткацкий станок.

Осталось у мужика еще два

желания. Хочешь — дворец строй, хочешь — что другое заказывай. А жена говорит:

— Не забудь про нашу старшую дочь. Не за горами время, когда и ей станок понадобится.

И приказал мужик топору сделать еще станок — для старшей дочери. Осталось у него одно желание. А жена опять говорит:

— Вспомни про нашу среднюю дочь. Вырастет, и она захочет такой станок, как у меня. И она захочет такие узоры ткать, чтоб все в селе на них дивились, а муж чтоб ею гордился и мастерству ее радовался.

И правда: пусть и средней дочери станок будет. И стало так по их желанию.

Стали сестры ткать ковры дивные. Потом свое умение своим дочерям передали, и стало племя ковровщиц расти и шириться на земле удмуртской.

Удмуртские ковровщицы они и сказочницы. Ткут — или песню поют, или сказки рассказывают. А многие сказочные мотивы на коврах повторяют.

Мать и дочь Егоровы

Разве не удивительно среди белых снегов увидеть трепетные алые языки пламени: и дожив до февраля, осины не потеряли всех своих листьев, стоят как в факелах...

Неподалеку протянули к солнцу белые пушистые шарик вербы. Обрадовались оттепели на прошлой неделе, а тут ударили вновь морозы, и они обогревают на солнце свои ранние цветы...

От лип, распутив серебристые паруса-листья, летят на ветру семена, упакованные в коричневые круглые коробочки...

Красуются перед другими деревьями зеленым ярким нарядом сосны да ели: бросают вокруг себя ажурные тени, покачивают на разлапистых ветвях тугие шишки...

Двенадцатилетняя Люда Егорова сегодня будто впервые увидела

эту необычную красоту. Пришла из школы, помогла матери и села рисовать. Хочется девочке передать на бумаге чудесное ощущение необычности давно знакомой природы, охватившее ее сегодня. Рисует и рвет нарисованное, рисует и рвет. Не то, не то она хочет. Наконец-то, кажется, получается.

— Мама, ты посмотри,— удивляется вечером семнадцатилетняя Юля,— посмотри, что Люба нарисовала. Вот бы ковер такой выткать?..

Смотрит Надежда Николаевна Егорова, и уже не терпится ей, тянет сестру за станок да и выткать эти безыскусные, яркие, как огонь, осиновые листья, липовые семена.

Немало Надежда Николаевна узоров напридумывала, а такого не сделала. Прабабушка ее ткала, бабушка ткала, мать ткала — такого никто еще не выткал.

Не для себя ткали женщины в их роду. Бабушка помогала соседкам приданое для дочерей готовить. У матери много братьев было, и она, старшая дочь в семье, одежду им шила, узорами самоткаными украшала. Мечталось матери ковров необычайных понаткать, да на них уже времени не оставалось.

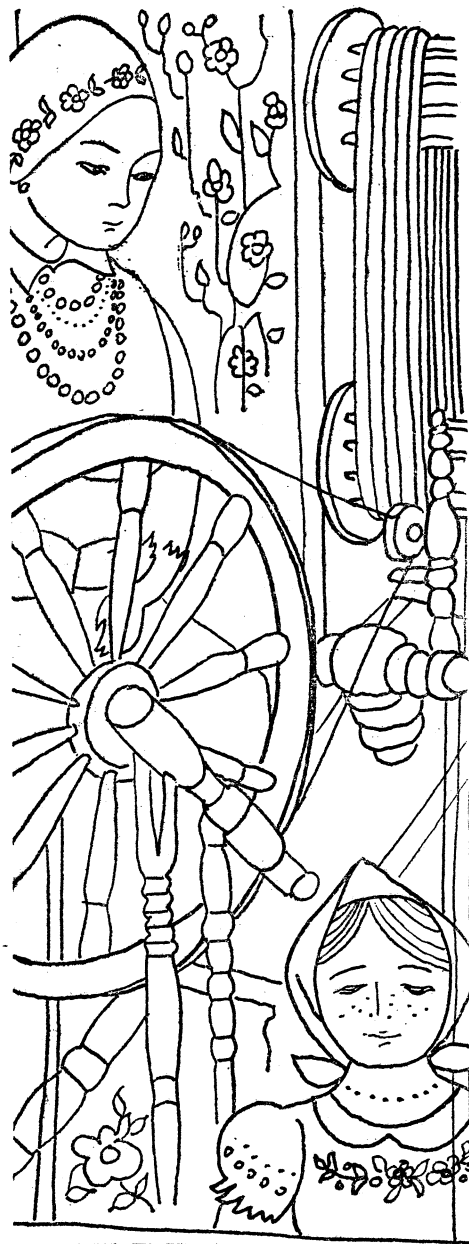
Только зажив своей семьей, мать заимела возможность ткать в свое удовольствие. Ткала ковры за нитью нить. Да умерла скоро. Надежда совсем маленькая осталась. Сестра чуть постарше. Мачеха их стала воспитывать. Славная была женщина, добрая. Дела делать умела и любила. И тоже ковровщица отменная.

Ковры очень много о характере мастерицы сказать могут. Одна узоры любит крупные, броские. Другая — тонкие, сложные, из множества элементов, выводит их тщательно, не торопясь, обстоятельно. Третья завитушки затейливые тклет.

Как узорами ковров роднились две женщины, так и характерами сходились мачеха с матерью.

В 44-м году отец их на фронте погиб. Мачеха осталась верной женой ему и верной матерью им, его детям. Она заметила способности Надежды к ткачеству и учила ее ремеслу.

С тех пор и ведет Надежда Николаевна ковровую летопись. Все

счастливые события в своей жизни коврами отмечает: замужество, рождение дочерей, двадцатипятилетний юбилей работы на ферме, получение ордена Трудового Красного Знамени, Ленинской юбилейной медали, присвоение звания лучшей доярки республики, поездку на ВДНХ, участие в республиканском совещании передовиков сельского хозяйства в Ижевске, путешествие-премию от Перми до Москвы на пароходе...

Можно сказать, немало приятных событий Надежда Николаевна пережила и немало красивых мест повидала. Но другой себе жизни и другого жительства не выбрала бы. Ее профессия — доярки — самая лучшая. И нигде нет такой природы, как на родине.

Помнит вот, из Ижевска домой ехала. Задремала было. Открыла глаза перед Агрызом — и не поверила, что сон кончился. Поезд проносился мимо стройного, как на марше, ряда белоствольных берез, осыпанных снежной пылью. Огни поезда, как ноты за нотой, выхватывали из темноты эту ритмично повторяющуюся белизну. Казалось, белая песня плывет от ствола к стволу. Видение длилось несколько минут, а в сознании Надежды Николаевны запечатлелось на всю жизнь. Удивительно ли, что песню берез она на полотне ковром повторила.

Много увидеть вокруг можно, если смотреть умеешь. Особенно весной. Только порог переступишь, во двор шагнешь, — а весна тебе цветов под ноги понасыпала, небо голубое облаками белыми украсила, воздух вокруг золотой солнечной паутиной заткала. Тки и ты, не ленись.

А захочешь потом, среди зимы весну увидеть, вынеси во двор ковры, раскинь по снегу. Вот и весна шагнула на сугробы, цветущими полянами раскинулась. Фон у ковров всегда черный: это сама земля, ее олицетворяют ковры. По черному фону, как по полю, разбросаны щедроты земли, ее плоды, ее краски.

Надежда Николаевна Егорова, когда чистит на снегу свои ковры, долго стоит, на свои узоры смотрит. Вся ее жизнь перед ней заново проходит, молодость по сугробам шагает под руку с весной.

Ткет Надежда Николаевна ковер за ковром — за свою мать недожившую, за мачеху, свою молодость на них, чужих детей, положившую, за сестер, без отца, в лишениях выросших. Ткет ковры не для себя — так в их роду повелось: для старшей сестры, матерью рожденной, для младших сестры и брата, рожденных мачехой, для их дочерей и для своих дочерей...

Савватевы и их соседи

Дарье Николаевне Савватевой восемьдесят лет. С тех пор, как себя помнит, ткет она ковры. Тогда была младшей среди ковровщиц, собиравшихся в этой избе. Теперь старшая. Вместе с ней коротают вечера за прялками, спицами, станками Елена Ивановна Андреева — подруга и Екатерина Андреевна Савватева — дочь. Соседки на огонек забегают.

Большая выбеленная печь излучает тепло. Блестят старинные отполированные лавки. Блестящие бока самовара отражают фигуры, склонившиеся за рукодельем. Самовар не остывает в этой избе. Гостей сразу к самовару усаживают. За чайком и разговор веселее идет и на душе как-то теплеет.

Все дела промеж себя обсудят. Хоть Екатерину взять. Мало ли что у ней каждый день в телятнике произойти может. Мало ли что обсуждения требует. Все ли ладно идет, корма вовремя ли доставили, привесы у телят хороши ли?

С двенадцати лет начала работать Екатерина Андреевна, в войну это было. На всю жизнь те годы памятливы. Но об этом не говорят: в войну погиб хозяин избы, муж Дарьи Николаевны. И все воспоминания, связанные с погибшим, даже самое печальное, стали одинаково дороги. Вот и хранят их в сердце, каждая про себя, молча.

В избе Савватевых, увешанной чудесными коврами, вытканными Дарьей Николаевной и Екатериной

Андреевной, такими яркими и многоцветными, как в песне поется, меркнут печали. Потому и другие соседки часто сюда захаживают.

Вот уже не песню поют — быть рассказывают. О том, как краски мастерицы у природы, из трав добывали, чтобы многоцветье-то создать. Кто, как не Дарья Николаевна, об этом лучше всех расскажет.

— Из хвоща полевого добывали, бывало, хорошую прочную зеленую краску — из стеблей его, а из корней — серо-желтую. Стебли его я будто в яви вижу. Слово стрелы, высоко торчат среди разнотравья, плотно друг к дружке, и наконецники, как у настоящих стрел, цветом коричневые. Опестышами мы их звали. Это весной они такие. Потом, словно елочки, зеленые становятся и уже до поздней осени не жухнут, так зеленые и стоят.

— Цветы-то у него, у хвоща, какие, не помнишь? Я так вот и не видала их вроде.

— А цветы у него никто не видел. Ни я за свои восемьдесят лет, ни другой кто в деревне. Это растение таинственное и необычное.

— Ребятишки его беличьим хвостом зовут. И впрямь, когда опустишь вниз веточками, точь-в-точь беличий хвост.

— Растение силы чудесной, целебной. От семидесяти семи болезней спасает. Отвар из него и на вкус приятен, и силу дает. Любила я это растение на своих коврах ткать, хоть на вид и неказистое очень. Силу его волшебную хотела выразить. Ткала меж других трав хвоща елочки зеленые, стрелы коричневые. А еще желтые звездочки цветов зверобоя.

— Зверобой и теперь в большом почете. Сердце им лечат, желудочные боли утишают.

— Только вряд ли ведают при этом, что мы зверобоем шерсть да холст в яркий фиолетовый цвет красили. Для этого свежую траву собирали. Сукно, лен, шелк красили в красные, рыжие, песочные и палевые тона. Для этого собирали зверобой, как только-только плоды зазывать начнет.

— Еще луковая шелуха хороша, — говорит Елена Ивановна. — Сделаешь отвар из нее послабее —

в желтый цвет ткань покрасишь, если погуще, покрепче разведешь, — в красный, коричневый.

— Самый чистый да яркий красный цвет чернокорень дает. У природы много трав чудесных. Знать их секреты надо только, у стариков спрашивать...

Наделают, бывало, узоров многоцветных, разных, неповторимых. Платья, платки, рубахи, пояса узорами украсят. На лугу гулянье устроят, не поймешь, что ярче да красивее — цветы ли на лугу, люди ли, узорами разнаряженные.

Состязались молодые-то в мастерстве. Цену девушке ее умение определяло. Когда девушка невестой становилась, все ею сотканное, связанное, вышитое в избе жениха развешивалось, а гости оценивали. Не хотелось ни одной срамиться, и старались друг перед другом. Конечно, и нынче мастерство не перевелось. Очень славные и в нашей деревне молодые коврощицы есть.

Екатерина Андреевна, самая молодая здесь, улыбается незаметно, пряча улыбку накидкой узорчатой. В старые годы молодые-то времена всегда самыми лучшими кажутся. Из шкатулки, покрытой салфеточкой вышитой — она вышивала, достает последние письма от детей. Сын Владимир сейчас в армии. Дочь Марья в Можгинском педагогическом училище подружек своим искусством, от бабушки да матери перенятым, удивляет. Каждое письмо от Владимира и Марьи перечитывается по многу раз. И снова потекла неторопливая беседа.

Фомины

Посмотрела Васса Фомина в вечерующее окно. Пора уже. Девчатовесницы, наверно, все в клубе. Наверно, кружатся уже под гармошку. Конечно, в клубе и радиола есть, да только какое это веселье с одной радиолой. С гармошкой и милее, и уютнее. Особенно, когда играет свой, деревенский парень. Много у них нынче гармонистов в деревне, хоть соревнования устраивай.

Любит Васса потанцевать, покружиться. Время ее такое — шест-

надцатый год. Сегодня она, пожалуй, новый свитер наденет. Мама только-только вязать кончила. Красивый вышел: красная шерсть фигурной вязки хорошо сочетается с темно-зеленым и черным орнаментом. Мастерица ее мать на такие вещи. Все в доме ее руками сшито, связано, выткано.

Зато руками самой Вассы все в доме вышито. Ее узоры соседки тоже хвалят. И ковры она учится ткать. Узоры для них берет старинные, а сочетания этих узоров, расположение сама придумывает. Вот, например, захотелось ей рассказать про одно утро летнее. Счастливого это утро для нее было. Взяла она для ковра, чтобы об этом утре рассказывал, узор кыз йыл — макушка ели, потом узор боры куар — клубничный лист, и узор жакы — птица ронжа, и юсь пуз — лебединое яйцо, и зольгыри пыгы — след воробья, и бубыли — белочка, и ву юсь — радуга. Рассказала на ковре, что утро было росистое, стадо коров, прошедшее по лугу, оставило на нем серебристые дорожки, в небе над верхушками елей угадывалась радуга, словно после дождя, среди клубничных листьев, усеявших лесную прогалину, порхали разноцветные бабочки, по тропинкам прыгали воробьи, оставляя лапками узорчатые следы, над лесом летели большие птицы, а в камышах у озера она нашла лебединое яйцо. Потом ходила на озеро смотреть, не появился ли лебеденок. Лебеди не появились, а утро в памяти все равно осталось. Откровенно говоря, может, и не лебединое было то яйцо, но радость от находки помнится.

Кто другой, наверно, не поймет ее рассказ, увидит в ковре только пестрый набор узоров. Ну и пусть. Она ведь для себя тот рассказ выткала, чтобы то утро в своей памяти сохранить, чтобы всегда ей радостно становилось, когда на ковер посмотрит.

Рисунок
Н. Домрачевой

Матросы с Урала

**Аркадий
КОРОВИН**

31 июля 1906 года особая комиссия «слушала дело о мятеже на крейсере первого ранга «Память Азова» в ночь с 19 на 20 июля». В числе обвиняемых в зале суда находились уральцы — гальванер Василий Кузнецов, его ученик Ефим Потапов и матрос Илья Чечулин.

Всего было арестовано 225 человек. Восемнадцать смельчаков готовили и руководили восстанием матросов. В числе этих 18 вожаков были упомянуты уральцы Василий Кузнецов и Ефим Потапов.

Суд обвинил «гальванера Василия Кузнецова в том, что а) состоял в комитете для управления кораблем, б) подавал беседки с патронами к шестидюймовым орудиям для стрельбы по минному крейсеру «Абрек», в) при подавлении мятежа стрелял из револьвера в усмиряющих, г) будучи столкнут за борт, продолжал стрелять из воды, держась за леер»...

«Ученика гальванера матроса 1 статьи Ефима Потапова в том, что а) прикладом ружья бил по голове лейтенанта Захарова, в чем впоследствии хвастался перед командой, показывая ободренные руки об мушку и прицел ружья, б) в начале бунта стоял с ружьем у каюты командира, в) при подавлении мятежа арестован с оружием в руках»...

«Машиниста 2 статьи Илью Чечулина в том, что а) принимал участие в мятеже, б) при вызове оставшихся на корабле офицеров навстречу настаивал, чтобы их обыскали и обезоружили...»

Постановление суда гласило: «гальванера Василия Кузнецова, учеников гальванера Ефима Потапо-

ва... исключить из службы, лишить воинского звания и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение; Илью Чечулина исключить из службы, лишить воинского звания и всех особых прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения на два года».

Казнить матросов назначили солдаты Двинского полка, но они отказались. Тогда откуда-то привели группу пьяных казаков, которые и свершили гнусное дело.

Матрос Илья Чечулин тоже не вернулся на родину, в деревушку Чечулино, ныне Каменского района Свердловской области. Этот богатырь умер в тюрьме от скоротечной чахотки.

В Свердловске в семье полковника О. С. Петрова любовно хранятся вещи вожака восставших матросов крепости Свеаборг подпоручика Евгения Львовича Коханского.

7 июля 1906 года вспыхнуло восстание в военной крепости Свеаборг. В «Протоколе» за номером 68 зарегистрирован допрос Е. Л. Коханского. Он дважды был на собраниях восставших, а потом руководил обороной.

Вот «Сведения о приговоренных по делу о беспорядках в Свеаборге». В первом пункте сказано: «о чинах свеаборгской крепостной артиллерии подпоручиках Аркадии Петровиче Емельянове и Евгении Львовиче Коханском... обвиненных по ст. 110 Свода военных положений для военного времени, по приговору 28 июля 1906 г. в крепости Свеаборг, 29 июля 1906 года приговор

приведен в исполнение». Коханский в числе семи вожаков восставших 29 июля был расстрелян.

19 июля 1906 года восстали матросы Кронштадта. В числе 19 руководителей кронштадтского восстания был и артиллерийский квартирмейстер Алексей Данилович Кукарцев, 1880 года рождения, из крестьян села Черемисского (ныне Режевского района Свердловской области).

Но и Кронштадт пал. 19 матросов царский суд приговорил к смертной казни, в их числе был и Алексей Кукарцев. 26 матросов сослали на каторгу, 617 — в тюрьмы.

Казнь состоялась 21 сентября 1906 года. Когда читали приговор, то кто-то из героев крикнул:

— Довольно! Долго вы будете нас мучить? — И запыл: — «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Песню подхватили все 19 матросов...

Негасимые огни

Николай
МЕРЕЖНИКОВ

Рисунок
В. Меринова

Отголоски

Различаю голоса
Иволги и сойки,
Шум сливного колеса,
Грохот маслобойки,
И пчелиного крыла
Тонкое биенье,
И замшелого ствола
Мощное струенье.
Слышу рощу,
Слышу луг,
Слышу щучьи всплески...
Словно это все вокруг —
Сердца
отголоски.

Выйду в лес —
А он дремучий,
Выйду в луг —
А он просторный.
Гляну в небо —
В небе тучи,
Как огромные озера.

Не цветок горит —
А купа
Негасимого огня.
Все — размашисто и крупно,
Обступает мир меня.

Не навильник —
А копна,
Не коса сверкает —
Молния.
Тронешь грудь свою —
Она
Сердцем
вся
заполнена!

Встанет день,
Поет и свищет
На полста, считай, ладов.
Мать приладит косовище
На плече —
и в путь без слов.

И войдем мы —
Стать какая! —
В пестрый свет березняка.
Солнце с наших кос стекает
В два бегучих ручейка.

Вот елань —
Теперь напиток —
Благо рядышком вода!
И пойдет трава ложиться
Вслед за нами в два ряда.

И сейчас, годам переча,
Споря с ними на миру,
Молодой траве навстречу
Мать уходит поутру.

Речка щурится спросонку,
Тяжелеет лет грачей.
Только солнце льется тонко
Вслед за ней
в один ручей.

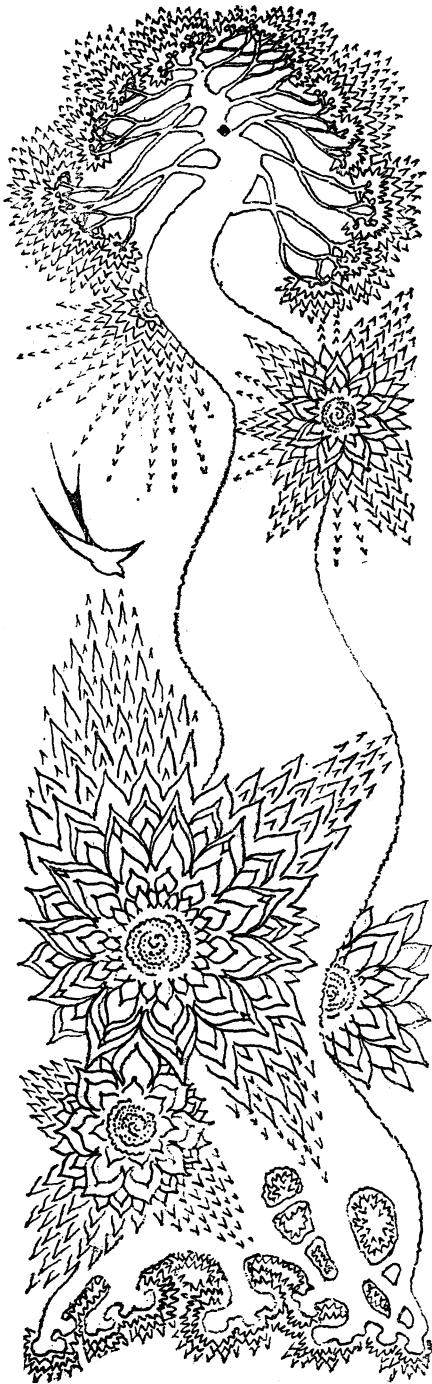
Самому чудно: мальчишка! —
Как в азарт игры вошел.
А ведь мне уж сорок. С лишком.
Слишком сорок.
Снова:
— Го-ол!

Я — вратарь.
Стою в воротах.
Препраждаю шайбе путь:
То по ней ударю с лету,
То возьму ее на грудь.

Снова клюшка в воздух взвита.
Вот игра так уж игра!
Словно вовсе позабыто
То, что было не вчера.

Словно я из тех, военных,
Не игравших в игры дней
Перенесся в современный
Век хоккейных скоростей.

Словно встретились у синей
Стыковой черты вдвоем
Детство нынешнее —
сына
И тогдашнее —
мое.

САМЫЙ КРАСИВЫЙ КОНЬ

Повесть

Борис
АЛМАЗОВ

Рисунки
С. Малышева

Панама — потому что шляпа

Он действительно был немножко шляпой. Начнем в футбол играть, ударит по мячу — мяч в окне, ботинок в воротах. Пойдет рыбу ловить, насадит червяка, махнет удилицем — червяк за шиворот, а крючок за ветку березы зацепится — хоть леску рви.

Ребята, конечно, кричат:

— Шляпа, лопух!

Он поэтому и в пионерские лагеря ездить не любил. Нынче вот в городе проболтался все лето. Ходил на пришкольный участок сорняки полоть. Сорняки оставил, а какие-то полезные корешки повыдергал. Все опять шуметь:

— Понамарев — дурак! Пономарь — лопух!

А один сказал, как припечатал:

— Эх, Панама!..

Так превратился он из Понамарева в Панаму. И пошло: «Панама, Панама»... Он уже привык, откликаться начал. Панама так Панама, у других еще похуже прозвища.

И еще у него была беда. Постоянно Понамарев опаздывал в школу. Просыпался-то рано, в шесть часов, когда отец вставал гимнастику делать, выходил из дому вовремя, а на улице обя-

зательно что-нибудь происходило. Однажды в трамвае мотор перегорел: дым валит, вагоновожатый бегаёт, просит пожарных вызвать. Панама хоть и не досмотрел, чем там дело кончилось, а все-таки в школу опоздал. А как-то над городом журавли летели, он засмотрелся на них и в канализационный люк свалился, в открытый. Еще хорошо, что синяками отделался и перепачкался. Могло быть и хуже.

Вот и сегодня: Панама за полчаса до уроков из дома вышел, а школа-то вот она — рядом. Подумал Панама, что еще рано, решил квартал вокруг обойти. Мимо одного дома прошел, второго, завернул за угол. А за углом, около закрытого ларька утильсырья, лошадь стоит, извозчик — седенький старичок — на огромной платформе сидит, газету читает. Ну, Панама и прилип.

Он обошел лошадь вокруг.

Она была мохнатая, словно плюшевая, на лоб свисала заливчатая челка, и вообще вид у нее был какой-то хулиганский: нижняя губа оттопырена, задняя нога полусогнута — только сигареты и гитары не хватало, а то прямо хиппи из подворотни.

Но возле копыт белели мохнатые метелочки, и из-за этих метелочек лошадь казалась какой-то беззащитной. Тем более, что была она вся перевязана ремнями и веревками, на шее болталась какая-то штука, вроде как солдаты шинели скатывают, а на самих копытах — железные подставки с шипами.

— Дядя, а что это такое, — спросил Панама и показал на ремень, огибающий все туловище лошади. — Извините, пожалуйста.

Вечно он эти слова забывал вовремя сказать.

Старичок посмотрел на него сверху и ответил в пространство:

— Дожились, дите про упряжь ничего не знает!.. Шлея это.

— У!.. — сказал Панама. — Большое спасибо.

Он еще походил вокруг лошади, а старик смотрел на него печально, поверх очков.

— Ну что? Нравится!

— Да! Очень! — ответил Понамарев. — Такая вся красивая, и пахнет хорошо.

— Эх! Не видал ты, парень, красивых-то коней. — Старик сложил газету. — Вот у моего отца тройка была! Кони-птицы, одно слово. Я, слышь-ко, родом из ямщиков, на тракте жил. Ямщикам-то еще от Петра Первого был такой закон положен, чтобы ни подати, ни в солдаты не брать, но зато должен ямщик содержать почтовых лошадей. За что и шла ямщикам земля под покосы, и что проезжий пожалует на чаек — тоже его... А кони были — звери, одно слово! Из ворот как подадут, дак, кажись, стенку поставь каменную — прошибут. Коренник — это который срединный — рысак орловский был, дак его, бы-

вало, в оглобли два мужика заводили. Мотнет головой — они на вожжах, как тряпки, болтаются.

— А вожжи — это где? — спросил Панама.

— Вожжи-то?.. Эх, паренек, — вздохнул возница. — Вожжи!.. Меня-то, бывало, отец вожжами теми порол, дак я их век не забуду. Вот они вожжи, а это вот шлея, гужи, чересседельник, постромки, хомут, опять же удила и, конечно дело, супонь. Запомнил?

— Не-а...

— Ну, это без привычки-то... Бывало, ночь-полночь, зима ли, непогодь, стучат: «Вставай, ямщик, твой черед везти!» Я еще мальчонка был, с печки гляжу — отец встает, тулуп красным кушаком подпоясывает. Кнут берет, кистень — гиря такая на витой кожаной петле — от лихих людей защита. А за окном воеет: не то вьюга, не то волки... Страх... А сгубила ямщиков железная дорога. И хотя поезда тогдашние кое-как тащились, но ямщиков отменили все же. Потому — прогресс начался...

Старичок достал пачку папирос, закурил. А Панама стоял разинув рот, и ему казалось, что он видит тройку, которая мчится сквозь буран, а ямщик, подпоясанный красным кушаком, посвистывает и кнутом поигрывает.

— Подались мы тогда всей семьей, с лошадьми в Санкт-Петербург. Поселились в Парголово. Двух лошадей продали, а на третьей отец извозчиком стал работать.

— Как вы? — спросил Панама.

— Что ты, милый! Я — ломовик, а отец-то был легковой извозчик, лихач. Летом — тележка двухместная, зимой — саночки легонькие, вроде как на такси работал. Понимаешь? Только недолго, пал наш рысак, и пришлось отцу на конку идти.

— А это чего?

— Конка-то? Ну, это, стало быть, трамвай, но на конской тяге. Вагончик, как положено, а на передней площадке — кучер, а вместо мотора — две лошади. Вагон, конечно, по рельсам катит... В те поры, паренек, без лошадки ни в деревне, ни в городе...

— А можно мне вашу погладить? — спросил Панама.

— Чего ж нет. Погладь.

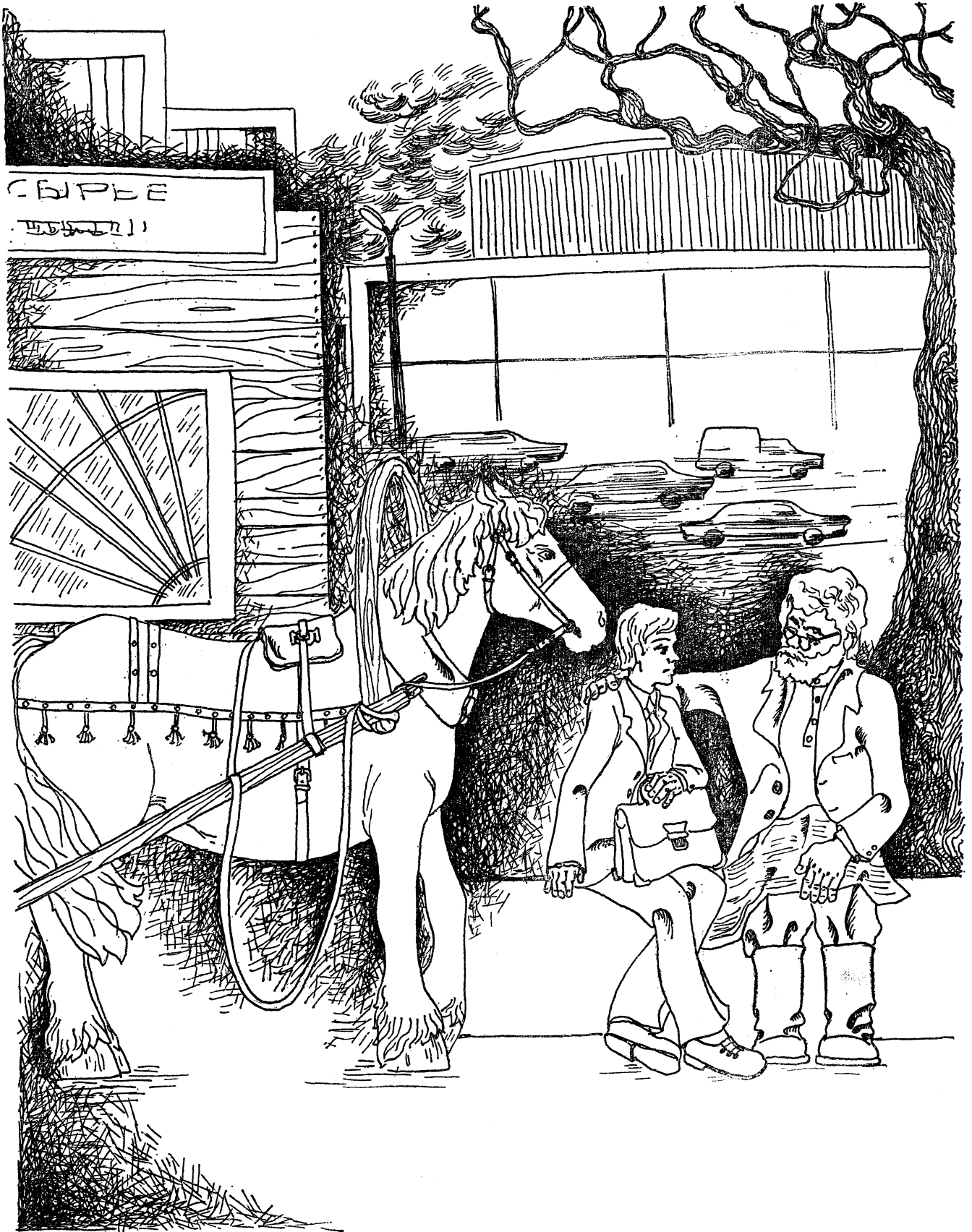
Панама осторожно дотронулся ладонью до меховой конской морды, и лошадь насторожила уши, словно прослушиваясь.

— Лошадь лучше... — тихо сказал Панама.

Этот странный педагог

— Так, говоришь, лошадь лучше? — услышал Панама за собой голос.

— Лучше, — сказал он убежденно, все еще не

в силах оторвать руку от лошадиной морды. — Лошадь — живая. Ее позовешь — она идет. Машина, что? Сел и поехал, а лошадь все понимает. Вон она уже не боится меня больше. Поняла, что я ей худого не сделаю.

— А теперь ответь мне, ученик шестого класса Понамарев Игорь, почему ты не в школе? — спросил тот же голос.

Панама оглянулся и увидел за своей спиной учителя русского языка и литературы Бориса Степановича.

— Ой, — сказал Панама, — а сколько времени?.. Извините, пожалуйста.

— Ты хочешь сказать, который час? Через пятнадцать минут первый урок кончится.

— Но ведь я же на минуточку, — пролепетал Панама. — Я только лошадь посмотреть...

— Парнишка лошадь как увидал, все на свете позабыл, — сказал старичок, улыбаясь.

— Не он один такой! — усмехнулся Борис Степанович. И вдруг зажал портфель коленками, а руками ловко открыл лошади рот. — Так, говоришь, отец, восемь лет кобылке-то?

— Восемь и есть, — закивал старик. — Восемь.

— Рановато ей еще на задние-то хромать.

— Дак, шпат это. Шпат, милай...

— Следить надо было. Кормите черт знает чем. О копытах и не говорю, за такое копыто кузнеца убить мало.

— Дак ведь, милай, — извиняющимся голосом заговорил старик. — Кузнец говорит, инструмента нету. Напильник, скажем, копыто спилить и то купить негде.

— Свести у него нету, а не инструмента, — строго ответил Борис Степанович. — Самого бы его так подковать. А напильник я принесу. Еще приедете сюда, так я через утильщика передам.

— Вот спасибо, вот спасибо... — закивал возница. — А то кузнец говорит — не продают за безналичный.

— За наличный бы купил, копейки стоит! Не трактор ремонтирует — живую лошадь кует... Ну, Понамарев Игорь, как вы сегодня? Настроен посетить учебное заведение?

— Я ведь только на минуточку остановился...

— Ладно. Какой урок прогулял?

— Географию... — убито ответил Панама.

— Ну вот что. Будут спрашивать, скажи — я тебя задержал... Кстати, ты хоть иногда в учебник русского языка заглядываешь? Так, хотя бы из любопытства?

Панама стал рассматривать трещины на асфальте. А уши его, он чувствовал, опухают и становятся такими горячими, словно к голове приставили две олады.

— Ну ладно, смотри, на второй урок не опаздывай, — и Борис Степанович зашагал к школе. Он шел размашисто, широко, и тяжелый портфель в его руке, казалось, ничего не весит.

В прошлом году, когда он появился в школе,

в первый же урок задал контрольную и поставил двадцать две двойки! Никогда ни один учитель столько двоек не ставил. А после этого началось: каждый день — диктовка, какие-то игры на составление слов, весь класс кроссвордами увешал. Вообще-то заниматься у Бориса Степановича интересно, но уж больно легко двойку заработать. Но именно у него получать двойки почему-то очень неловко. Посмотрит, словно насквозь пронижет, и скажет:

— Встаньте, Понамарев. У вас чувство юмора есть?

— Ага...

А класс уже замер, ждут, что сейчас будет.

— Так это вы для смеха написали: «Над городом мурлыкали журавли»? Дайте дневник, хочется мне на память вашим родителям оставить автограф. Кстати, напишите это слово на доске и объясните классу его значение...

Все хохочут, заливаются, а Понамарев готов через все четыре школьных этажа провалиться. Но Борис Степанович сидит, не улыбнется, бородку пощипывает, только в глазах ехидные чертики пляшут.

Портфель у него, словно сундук у фокусника, — никогда не знаешь, что он оттуда вынет. Один раз достал пакет полиэтиленовый с кусочками моркови, другой раз — хлыст какой-то с костяной ручкой, а то еще какие-то железки, ремни, пряжки...

А как-то пришел на урок в сапогах и в красном пиджаке! И штаны — белые. Вообще-то, конечно, красиво, но так по улице не ходят. И ему, наверное, самому неловко было. Как только звонок, он бегом, только каблуками затопал, и в такси. Другого бы учителя ребята сразу спросили: почему он так одет, а тут постеснялись.

Походка у Бориса Степановича странная — идет, носки ног в стороны раскидывает. Старшеклассники-мальчишки стали ему подражать, ходить в раскорячку...

«Обязательно, когда подрасту, бороду такую отпущу, — подумал Панама, открывая тяжелую школьную дверь. — Не для красоты, а просто так».

Столбов и другие

— Ты чего географию-то пропустил? Кино показывали! — встретил Панаму Столбов, его товарищ по парте. — И я тут такую книгу достал про дореволюционных шпионов. Не знаю только как называется: начала нет и конца нет. Написано: «Продолжение в следующем выпуске...»

— Столбов! — Столбов закрывает рот, но не надолго.

— Там, понимаешь, один шпион придумал такое средство...

— Столбов, пересядь к Фоминой.

— Марьянна, я больше не буду...

— Кому я сказала?

Столбов срывает с парты учебник, тетрадку и плетется к окну, где сидит Юлия Фомина. С ней не поговоришь. Она на истории всегда математику делает. Закрывается учебником и пишет. Попробовал Столбов слушать, что учительница говорит, как в Древнем Египте пирамиды строили... Неинтересно. Он еще в начале года учебник истории до конца прочитал.

— Знаешь, — шепчет он Юле, — в одном переулке стояли дома, в одном из домов жил упрямый Фома... Ты — Фомина, значит, ты — Фома...

Юлия молча показывает ему из-под тетрадки чистенький крепкий кулак.

С ней лучше не связываться, она всех сильнее в классе. Еще бы, спортсменка, фигуристка! Того гляди, на чемпионат мира попадет.

Столбов один раз видел, как она тренируется. Как ляпнется об лед. Даже гул пошел. А тренер подзуживает:

— Сама виновата, торопишься, все хочешь рывком взять. Соберись, соберись... Еще разок!

А потом по телевизору показывали — танцует так легко, вроде это одно удовольствие.

— Больно, наверное, об лед-то биться? — спросил тогда ее Столбов.

— Нисколько...

«Вот это сила воли, — думает Столбов. — Ее даже учителя боятся. Нужно на тренировку, так она с последнего урока, никого не спрашивая, уходит. Директор в коридоре встретил: «Ну, Юленька, как наши успехи?» «Наши!» А сам, наверное, и на коньках-то ездить не умеет».

— Спасибо, хорошо, — и глазки такие скромные делает. Как будто тихонькая такая девочка. А на самом-то деле она совсем другая.

Она в чемпионате победила немку одну, на какие-то сотые балла. Немка ревет, вся Европа на ее слезы в телевизор смотрит. Жалко, конечно...

— А тебе немку не жалко было побеждать? — пристал к ней как-то Столбов.

А она смерила его взглядом и говорит:

— Пусть неудачник плачет. Взрослая женщина — нюни распустила...

Вот такая Юлия Фомина. А подружка ее закадычная — Маша Уголькова — совсем другая. Она и с виду отличается. Юлия — высокая, мускулистая, ей и пятнадцать, и даже шестнадцать лет дать можно, а Маша — маленькая, худая и сутулится. А краснеет как! Вызовут к доске, она — раз — и вся красная делается. Ее даже дразнить неинтересно — сразу в слезы.

Кого хорошо дразнить, так это Ваську Мослова. Выбрали его председателем, так он теперь ходит важный, даже лицо такое озабоченное делает, как будто занят весь день...

А ведь он настоящий лодырь.

«Вот в прошлом году был председатель Коля Вьюнков, — завспоминал Столбов, — вот это был председатель! И в кино ходили, и в театр, а газету какую выпустили, нас за нее шестиклассники чуть не побили. И в «Зарнице» победили всех. А этот только заседает — по два часа «пятиминутки» делятся... Жалко, Вьюнков с родителями на Север уехал».

Вывал Столбов из тетрадки лист. Стал Мослова рисовать. Голова у Мослова круглая, нос пупочкой, а глаза хитрые и бегают, особенно, когда трусит. А он все время трусит. То боится, что от старшей пионервожатой влетит, то, что его ребята переизберут. А уши-то, уши! Как это раньше не заметно было?! Нарисовал Столбов председателю длинные ослиные уши. А чтобы с зайцем не спутали, решил подпись сделать. Сначала написал: «Мосел-осел!». Посидел, подумал. Неубедительно. Стал стихи сочинять, получилось! Ни дать, ни взять — басня:

«Наш Васечка Мослов

осел среди ослов!

В начальники прорвался,

но как ослом он был, ослом он и остался!»

Сложил карикатуру вчетверо, написал: «Не вскрывать! Совершенно секретно. Понамареву И. Лично.» и послал записку по рядам. Верно рассчитал. Все «вскрывали» и, конечно, смотрели, посмеиваясь.

— Столбов! Повтори мой вопрос и ответ на него.

«Пропал», — подумал Столбов. Медленно поднялся... И тут прозвенел звонок.

А Понамарев уже покатывался со смеху, разглядывая карикатуру. Вокруг него толпились ребята. Вдруг подбежал второгодник Сапогов, схватил карикатуру, захохотал своим дурацким смехом и потащил листок Мослову.

— Во! А? Во! Эта! Портрет! А?

Васька покраснел, надулся и пошел на Панаму.

— Твоя работа?

— А что? Тут все правильно написано: «В начальники прорвался, но как ослом он был, ослом он и остался!»

— Сейчас же порви! На моих глазах порви! — сказал Васька, а сам трясется от злости.

— Ты что! — не выдержал Столбов. — Это же произведение искусства! Это же сатирическая графика! Сатира графическая! Она, может, лет через сто будет в музее висеть! Ты, Васька, ее сохрани, через сто лет большие деньги заработаешь!

— Хорошо, — медленно сказал Мослов, — я ее сохраню.

— Носи, Вася, на здоровье! — заорал Столбов и вскочил на парту.

Тут в класс вошел Борис Степанович.

— Ясно! — сказал он весело. — Теперь ясно, кто будет парты мыть.

— Да я только вскочил, — возмутился Столбов. — Другие все время бегают!

— Другие будут мыть в другой раз.

— Борис Степанович, вот! — Мослов протянул ему карикатуру. — Вот! — он словно гордился. — Вот оскорбляют...

В классе стало тихо.

— Ну, если это тебя оскорбляет... — задумчиво сказал учитель.

— Значит, ты осел и есть! — крикнул Столбов и захохотал.

Борис Степанович глянул на него внимательно и сказал:

— Кстати, автор этих стихов себя и своих одноклассников тоже считает ослами.

— Это почему же? — удивился Столбов.

— А тут так написано: «Осел среди ослов», и я не понимаю, почему ослов так раздражает, что один из них «в начальники прорвался». Это справедливо, ведь льва начальника они не заслужили.

— Это почему же? — опять спросил Столбов.

— А потому, что они даже не ослы, а зайцы. Стихотворение — без подписи. Кто писал — струсил, как заяц.

Тут Столбов хотел было сказать: «Это я нарисовал и написал», да не успел. Васька Мослов вскочил и заорал:

— Это Понамарев нарисовал. Понамарев!

— Что же он сам себе пишет? — сказал учитель. — Это послание Понамареву адресовано.

— Конспирация!

— Нелогично. Успокойся, Мослов, — Борис Степанович заложил руки за спину и прошелся по классу.

— Меня сильно огорчает не то, что вы не умеете шутить, а то, что вы не умеете отличать остроумие от оскорбления. Как вы медленно взрослеете и как вы медленно умнеете!..

— А Пушкин тоже карикатуры рисовал, — сказал Столбов.

— Пушкин в вашем возрасте свободно владел французским языком, латынью, дружил с умнейшим человеком своего времени, с философом Чаадаевым... А вы, я вижу, живете со дня на день, не думаете ни о прошлом, ни о будущем. Посмотрите, большинство из вас ничем серьезно не интересуется... Даже гражданская жизнь, я не боюсь этого слова, гражданская жизнь вашего класса вас не интересует... Ну, ладно! — Он устало потер лоб. — Уж коли зашла у нас сегодня речь о сатирических произведениях, нарушим программу и поговорим о баснях... Басни писать уметь надо, ибо басня подчиняется определенным законам. В Древней Греции жил старый и безобразный раб по имени Эзоп...

В перемену Мослов подошел к Панаме и, показав кулак, сказал:

— Ты, Панама, у меня еще узнаешь, что такое сатира!

«Такие, брат, дела...»

Панама потерял спортивные трусы. Ну как теперь на физкультуру пойдешь? Все остальные трусы у Панама для физкультуры не годятся. Из старых он вырос, а те, которые постоянно носит, вообще показывать нельзя. Они — в маленьких цветочках. Это у мамы был такой материал, она взяла и нашла Панаме трусов.

Мыкается Панама по коридору. Все на физкультуру ушли. Как раз четвертый и пятый урок физкультура. Мог бы Панама домой пойти, да там делать нечего. Все на работе. Шатается он по школе, боится на завуча нарваться. Вдруг из учительской вылетает Борис Степанович какой-то востропанный — и в класс. В классе сразу тихо. Он чего-то там поговорил, опять в учительскую побежал. В классе, конечно, сразу шум, даже кто-то кукарекать начал. А еще восьмой класс!

Опять вылетает Борис Степанович.

— Ну, что ты будешь делать, — говорит, — никак дозвониться не могу. Как провалился! — и вдруг видит Панаму. — Ты чего делаешь здесь?

Панама объясняет, мол, так и так: трусов нет.

— Это очень кстати... то есть, это скверно, конечно. И вообще, в этом месяце я второй раз вижу, как ты уроки прогуливаешь. Смотри, добром это не кончится.

— Я же не специально... — оправдывается Панама.

— Вот что, — говорит Борис Степанович, — выручить меня можешь?

— Безусловно, — отвечает Панама.

— Это, конечно, непедагогично. Нельзя учеников по своим делам посылать, да тут вопрос жизни и смерти. Такие, брат, дела... Вот тебе деньги, вот тебе адрес, садись на такси. Если охрана пускать не будет, звони вот по такому телефону. И записку эту в собственные руки Петру Григорьевичу отдай. Понял? В собственные руки!..

На стоянке было несколько машин. Видно, стояли они давно, на них успел желтый лист упасть. В первой машине шофер читал книжку. Панама решительно открыл дверцу, сел рядом и протянул бумажку:

— Здравсте, отвезите меня вот по этому адресу...

— Есть! — сказал водитель и начал вырули-

вать со стоянки.— Собака, что ли? — спросил он, когда они понеслись по улице.

— Где? — спросил Панама.

— Да вот лечить-то?

— Кого?

Шофер как-то странно на него посмотрел.

— Я говорю, зачем в институт-то едешь?

— В какой?

— Да ты хоть знаешь, куда едешь?

— Там написано,— глядя перед собой, ответил Панама.

— Там написано: «Ветеринарный институт», вот я и спрашиваю, собака, что ли, заболела?

— Нет,— ответил Панама,— я с письмом...

— А,— сказал шофер,— другое дело... А то я раза три доктора по адресам возил. Смехота! То у щенка зубки режутся, то кошка окотиться не может. Просто, как сбесились все. А один едет, чуть не плачет — рыбки заболели! А рыбки-то эти гроша ломаного не стоят, и на сковородку не положишь.

Панаме почему-то стало очень скверно. И неожиданно для себя он сказал:

— У меня тоже рыбки есть!

Хотя никаких рыбок у него не было.

— Ты — пацан, ты — другое дело. А тут взрослый дядька...

— Все лучше, чем водку пить! — ответил Панама и сам себе удивился.

— Это точно, конечно... — сказал шофер и замолчал.

Панама был рад, когда они доехали. Он выскочил из машины, бодро толкнул дверь института, но сердце у него колотилось в горле.

В большом вестибюле за никелированным забором стояла толстая тетка с громадной кобурой на боку.

— Тетя, извините, пожалуйста, могу я видеть Петра Григорьевича Николаева?

— Пропуск заказан? — рявкнула тетка.

— Нет, тетя, я с письмом,— сказал Панама самым вежливым голосом, на который был способен.

— Звони по телефону!

Панама набрал номер, написанный на бумажке.

— Можно попросить Петра Григорьевича, извините, пожалуйста...

— Его нет! — и трубка загудела.

Панама опять набрал номер.

— А где Петр Григорьевич? Извините, пожалуйста.

— На конференции! — и трубка загудела.

— Тетя,— сказал Панама,— у меня важное дело. Можно, я отнесу письмо?

— Оставляй на охране. Пойдет домой, я передам.

— Борис Степанович велел в собственные руки. Тетя, это очень важно! Можно, я пройду! Я вам портфель в залог оставляю.

— Да на что мне твой портфель с двойками! Сказано: без пропуска не пушу!

Пошел Панама на улицу, получил по спине вертящейся дверью, сел на поребрик. «Никчемный,— думает,— я человек. Борис Степанович такой встревоженный из класса в учительскую носился, а я его письмо передать не могу... Панама я, панамая!»

Вдруг машина подъезжает. Странная какая-то. Пузатая. Автобус не автобус, бочка не бочка. Шофер с бумажками в руках выскочил, в институт побежал. Потом из самого фургона дядька в ватнике вышел и тоже в институт пошел, а дверь фургона не закрыл.

Панаму как кипятком окатило. Встал он, носом пошмыгал и медленно к фургону двинулся. А кровь в ушах — бух-бух-бух... Медленно влез в машину и дверь за собой захлопнул.

Темно в машине и пахнет, как в цирке. И чувствует Панама, кто-то дышит.

«А вдруг тут тигры?» — он чуть не взвизгнул со страху. Всей спиной прижался к железной двери и тут услышал, как впереди, за перегородкой, что-то затопало и раздалось тонкое, залившее ржание.

«Кони! Коней везут!» — Панама пришел в себя, сунул руку в темноту и пальцы его нащупали теплую конскую шкуру. Потом он почувствовал, как в ладонь его стали тыкаться шелковые лошадиные губы...

Машина дернулась, поехала. Стала. Открылась дверь, и в ослепительном свете хрипкий голос сказал:

— Выводи жеребца из первой секции.

Разве это справедливо?

Панама постоял, привыкая к свету. Вокруг него были железные перегородки, а из-за них высовывались конские головы. Он присмотрелся, шагнул и оказался в проходе, как раз позади коня, которого выводили. Конь вышел, а за ним потихонечку и Панама. Никто его и не заметил.

А дальше куда?

Недалеко от машины во дворе стояла группа людей в белых халатах. Они стояли спиной к Панаме и слушали кого-то в середине группы. А тот, невидимый Панаме, говорил:

— В нашем институте впервые в мире создана промышленная установка для получения желудочного сока, а также различных препаратов на основе конской крови. Желудочный сок берут один-два раза в неделю по 6—7 литров за раз. После обработки он идет в лечебные учреждения. Для получения препаратов из крови мы поступаем следующим образом. В кровь совершен-

но здоровых, многократно проверенных лошадей вводятся болезнетворные токсины таких страшных болезней, как столбняк, дифтерия и целого ряда других, которым до недавнего времени медицина ничего не могла противопоставить. В крови зараженных животных образуются защитные вещества. На основе этой крови мы получаем сыворотку, которая не только излечивает больных людей, но и делает человека невосприимчивым к заболеванию. За время использования одной лошади мы получаем шестнадцать — двадцать тысяч доз сыворотки.

— Згажиде, бажалузда,— проговорил огромный врач-африканец, — згольго живед лошадей?

— Кровь мы берем периодически, давая лошадям три-четыре недели отдыха, однако, к великому сожалению, лошадей хватает весьма не надолго... Потом они поступают в зоопарк на корм хищникам,— голос рассказчика вдруг сделался грустным.— Вот сейчас к нам как раз поступила новая партия лошадей, специально отобранных на конных заводах.

Тут все повернулись и увидели Панама.

— Это что за явление? — удивился пожилой доктор, тот что рассказывал про промышленную установку.

— Я не явление! Я Понамарев! Мне Петр Григорьевич нужен, у меня к нему письмо...

— Давай! Я Петр Григорьевич... Проходите, товарищи, смотрите.— Он снял очки и держа бумажку у самых глаз начал читать.

В это время через двор проводили лошадей. Они были все как на подбор, стройные, высокие. Панама таких никогда не видел. Они шли, нервно подрагивая и всхрапывая. Огромный рыжий жеребец вдруг рванулся и стал на дыбы. Конюхи закричали страшными голосами и повисли на веревках, как акробаты. Конь проволока их, мотая головой, через двор, тут с ним, наконец, справились и завели в дверь дома, которая зияла как темная пасть...

— Так... Ясно... Вот разделаюсь с аспирантами — приеду... Э! — сказал Петр Григорьевич.— Да ты, как тебя, Понамарев? Плачешь?

— Да! — закричал Панама, всхлипывая.— Кровь у лошади берете, а потом ее в зоопарк, на мясо. Вы никакие не доктора! Вы хуже зверей!.. Живодеры!

Панама кричал, ревел и размахивал руками перед самым носом Петра Григорьевича. Все присутствующие столпились вокруг них и смущенно переглядывались.

— Перестань орать! — вдруг тонким голосом крикнул Петр Григорьевич, и Панама сразу замолчал, только всхлипывал, глотая слезы.

— Нгуен, идите сюда! Вот-вот! — Петр Григорьевич втащил в круг маленького вьетнамца.— Расскажите, как у вас в госпитале дети от столбняка умирали. Расскажите этому припадочному! И вы, и вы, пожалуйста,— он схватил

за руку огромного африканца,— расскажите, как у вас целая деревня отравилась консервами и погибла, потому что не было сыворотки от ботулизма! — Петр Григорьевич суетился, лицо у него было в красных пятнах, руки тряслись.— Он меня учить будет! Он меня будет укорять! Слунтяй! Научись сначала людей жалеть!

Панама махнул рукой, повернулся и пошел. — Стой!

Но он не остановился, он шел и шел, сам не зная куда.

«А мне, думаешь, не жалко?!»

Панама сидел в большом кабинете, заставленном книжными шкапами, пил чай, а Петр Григорьевич ходил из угла в угол и говорил:

— Так, брат, нельзя! Чуть что и в истерику. Оно, конечно, дело это неприятное... Но что поделаешь? Жизнь, вообще, вещь довольно жесткая. В конце концов, ты думаешь, мне их не жалко?! Да если хочешь знать, они мне по ночам снятся. Я глаза их видеть не могу...

— Петр Григорьевич,— попросил Панама,— не надо...

Глаза у него вновь набухли слезами.

— Ну-ну... я не буду. Конфету дать?

— Нет. Спасибо. Я домой пойду...

— Нет уж, брат. Домой я тебя сам доставлю. Только давай сначала в манеж заедем.

— А это что?

— Манеж — это, брат, самое сказочное место. Там самые красивые кони в нашем городе. Там уже, наверное, и твой Борис Степанович.

— А что он там делает?

— Как что? Тренируется. Он ведь мастер спорта. Так поедем? Он в записке пишет, лошадь его посмотреть надо, что-то она плоха.

— Конечно, поедем! — поднялся Панама.— Надо ехать. Он так волновался, из учительской в класс, а из класса — обратно. Прямо так и бегал...

У ворот института их ждал газик с синим крестом на борту и надписью «Ветеринарная помощь». Панама еще никогда не ездил в газике. Машина катила быстро-быстро, весело подпрыгивая на люках и выбоинах в асфальте. У Петра Григорьевича прыгали очки на носу, а шофер сидел прочно и молча, на рукаве его куртки был синий крест и надпись «Санитар».

Они проехали мимо нескольких станций метро, миновали высокий собор с голубыми куполами, свернули во двор и остановились около дощатых ворот с объявлением «Посторонним вход воспрещен».

Мальчишка лет пятнадцати с повязкой дежурного встретил их в проходной.

— Ох! — обрадовался он. — Наконец-то, Петр Григорьевич. А мы уж прямо не знаем, что и делать...

— Ложится? — голос доктора изменился, стал жестким и деловым.

— Так венчики распухли! Стоять не может. Опой, наверно...

— Посмотрим. Температура?

— Высокая.

— Ну, это естественно, естественно...

Панама еле поспевал за ними. Они прошли двор, где были навалены какие-то пестро раскрашенные шлагбаумы, кубы, полосатые шести, стойки. По двору задумчиво бродил маленький шелудивый ослик. Панама никогда живого ослика не видел, но останавливаться было некогда.

Они поднялись по мосткам и оказались в полумраке конюшни. В длинный коридор выходили двери с решетками, из-за каждой на Панаму взглядывали умные лошадиные глаза.

В конце коридора толпилось несколько человек и слышались приглушенные голоса.

— В деннике? — спросил Петр Григорьевич. Парнишка-дежурный кивнул.

В глубине денника, над открытой дверью которого была табличка «Конус». Чистокровный верховой жеребец. 1968 г. р.», на полу, неестественно завалась, лежал огромный конь. Панама видел, как тяжело у него ходят бока.

— Лампу! — сказал врач. — И давайте его на растяжках в коридор.

Все зашевелились. Появился яркий прожектор. И Панама увидел, что у головы коня на корточках сидит Борис Степанович, бледный, сосредоточенный. Одной рукой он поддерживал коню голову, а другой часто-часто гладил его по челке.

— Подымай, подымай, теперь осторожно выводи!

Длинно и жалобно застонав, конь тяжело поднялся. И, оседая на задние ноги, ступая передними, словно на иглы, вышел. Его привязали так, чтобы он стоял посреди коридора и к нему можно было подойти с любой стороны.

— Счас, милый, счас, золотой. Потерпи, мой хороший, — приговаривал Борис Степанович, и все — и конюхи в ватниках, и дежурный мальчишка, и седоусый худой старик в белых штанах и красном пиджаке — поглаживали коня, приговаривая ласково.

— Ах ты, Конус, Конус... — вздохнул старик. — Конь-то какой. Этому коню цены нет. Глаз-то какой породный!

Панама глянул. Глаза у коня были глубокого темно-фиолетового цвета, а когда он поворачивал голову, глаза вдруг становились солнечно-янтарными.

Конус постоял, постоял и вдруг, качнувшись, повалился на пол, растяжки натянулись, конь оскатил огромные, как клавиши, зубы, а шея его вытянулась, как резиновая...

— Держи, держи, ребята... Боря, возьми губу, не отпускай. Ну-ка, Конус, мальчик ты наш, вставай, вставай, дорогой. Надо встать... Вставай, голубчик...

Жеребца снова подняли. Доктор присел на корточки и дотронулся до ноги над копытом. Конус дрогнул и застонал.

— Что, доктор, опой? — тревожно спросил Борис Степанович.

— Откуда опой? Откуда ему быть? — заговорил небритый конюх. — Я его вчера два часа выводил. Что ж я, не знаю дела? Я с пяти лет при конюшне. Еще у Пашкова служил.

— Такое может быть и не от того, что напоили после езды... — задумчиво сказал доктор. — Корм, скажем, тяжеловат, вот сердце всю кровь и гонит к ногам... Вон как живот вздут... Но тут еще что-то. Тут еще какая-то инфекция. Ну-ка, сделаем для начала укольчик. — Он раскрыл чемоданчик, вынул блестящий шприц, звякнул ампулой. — Боря, закрути!

Борис Степанович своей длинной жилистой рукой скрутил коню губу и конь мелко задрожал.

— Спокойно! — И резко игла воткнулась в круп коня. — Ну вот и все, вот и все... Теперь немножко переждем, чуть кровь пустим, чтобы затек с ног снять. А завтра массаж, массаж, если только не будет температуры... Борис Степанович, ты в конюшне ночевать будешь?

— Да-да, — закивал тот, — куда ж я. Тут буду, конечно.

— Ежли что ночью, сразу мне звони. Звони, пока не разбудишь.

— Вроде падает температура? — Конюх дотронулся до коня. — А?

— Рано еще...

Панама тоже коснулся лошади. Шкура была сухой и горячей.

Когда они вышли во двор, уже темнело. Борис Степанович провожал их до проходной.

— Значит, рацион питания надо пересмотреть... Да, Боря, не везет тебе: третий год перед самыми соревнованиями свистопляска какая-то получается. То Агностик у тебя пал, то у Готлиба такая засечка страшная, а вот теперь Конус...

— Невезучий я, — ответил Борис Степанович. — Еще сегодня удачно. Вы быстро приехали.

— Это вот кого благодари, — Петр Григорьевич положил руку Панаме на голову. — Ты бы знал, как он в институт проник — целый детектив... А какую речь закатил! Такое, брат, в кино не покажут.

— Спасибо, Игорек! — сказал Борис Степанович. — Я тут замотался, совсем про тебя забыл. А ведь ты, небось, и уроков не готовил, и есть хочешь, и дома волнуются?

— Борис Степанович, — сказал Панама. — Можно, я завтра сюда приду?..

Есть у него защитник!

Рядом с пионерской комнатой была маленькая каморка, где хранились барабаны, горны, отрядные флажки и другие полезные вещи, которые назывались звучно — «пионерская символика».

Машу Уголькову попросили нашить на отрядные флажки номера и буквы там, где они оторвались. В каморке было уютно. Пахло краской, из застекленного шкафа весело сияли кубки — школьные призы, косяками свисали вымпелы. Маша работала быстро, а мысли текли плавно, как бы сами собой. Она вспоминала вчерашнюю телепередачу и одновременно мечтала о том, как они в воскресенье пойдут с папой в театр.

— ...Понамарев,— вдруг услышала она знакомую фамилию. Маша выглянула в приоткрытую дверь. В пионерской комнате за столом сидели старшая пионервожатая и Васька Мослов.

— А ты заставь его быть активным! — говорила пионервожатая. — Что-то, извини меня, Вася, мне не очень верится, чтобы Понамарев был таким ужасным, как ты говоришь...

— Честное слово! Карикатуры рисует, уроки прогуливает...

— А ты проводил с ним индивидуальную работу?

— Какая там работа? Он со мной и разговаривать-то не желает! Я считаю, его поведение надо на совете дружины обсудить.

— Ну, так сразу и обсудить! Нет, Вася, нужно сначала с человеком хотя бы поговорить. А еще лучше, знаешь что,— поручи ему какое-нибудь дело...

— Да он завалит любое!

— Вот тогда и поговорим... А друзья у него есть? Может быть, на него через друзей повлиять?

— Он со Столбовым дружит, но этот человек тоже ненадежный... Я считаю так. Поручим ему дело, а если он откажется или провалит, тогда обсудим его на совете отряда. И пусть Столбов как человек, который его лучше других знает, это обсуждение и проведет! Если и после этого Понамарев не исправится и не откажется от своих делишек, тогда уж вплоть до исключения...

— Ну, ты хватил! — сказала пионервожатая. — Я думаю, до этого не дойдет... А ты не боишься, Вася, расколоть класс?

— Это как?

— А так. Часть класса поддержит тебя, а другая — Понамарева, и начнется у вас в классе склока.

— Да кто это будет Понамарева защищать? У него и друзей-то нет. Один Столбов. А Столбов не в счет. Так что этого не будет...

Маша слушала, сжав кулаки. «Ай да Васька, совсем он не «осел среди ослов» — он гораздо хуже. Это ведь он Панамке за карикатуру мстит. А карикатуру-то Столбов нарисовал. Мало того, что этот Мослов шуток не понимает, он еще и невинного человека погубить хочет?» — думала Уголькова. Она хотела прямо сейчас выйти и рассказать, как было дело, да вовремя спохватилась. Во-первых, скажут, подслушивала, во-вторых, Борис Степанович ведь ясно дал понять, что Панама сам себе письмо писать не стал бы, а Мослов все равно не поверил. Он и теперь не поверит! Маша вспомнила понурю фигуру Панамы, его узкие плечи, сутулую спину. И как тот сидит на уроке, подперев голову рукой, о чем-то думает. Его вызовут, он очнется и только глазами своими голубыми хлопает. Маше стало вдруг его жалко. Ишь, заступиться за Панамку некому. Нет, есть кому!..

Сразу из школы она побежала к своей подружке Юле Фоминой, на стадион. Юлька, раскрасневшаяся, потная, носилась по льду, выделявая сложные фигуры. А музыка визжала и мяукала, звук «плыл», и магнитофонная лента все время рвалась.

— Да что ж это такое! — возмущенно кричала Фомина. — Михаил Александрович, скажите вы им! Ведь так совершенно невозможно работать! Сапожника какого-то посадили в радиорубку...

Тренер пошел выяснять отношения. А Юлька, негодующая, подкатила к барьеру.

— Ты чего? — спросила она Уголькову.

— Ой, Юля! — и Маша рассказала все, что слышала.

— Ну вот, все нормально! — к ним подкатил тренер. — Давай с самого начала. Ты уж нас, девочка, извини, нам некогда.

— Я понимаю, — сказала Маша. — Юля! Так что же теперь делать?

— Потом, потом поговорим, — замахала руками Юлька. — Твоя-то какая забота?

Маша еще посмотрела-посмотрела, как Юлька легко скользит по зеркалу катка, потом тихонько повернулась и побрела домой. «Это потому, что она занята очень, а на самом деле она добрая», — уговаривала себя Уголькова. Но чуяла, что-то здесь не так. Юлька — вся на катке, а в классе тоже, как на тренировке...

— Ну и ладно! — сказала Маша. — Все равно у Панамки есть защита. Это — я!

Каждый день, кроме четверга

— Многие слова со временем теряют первоначальное значение. Вот, например, слово «ремонт». Это слово французское и означало рань-

ше «пересесть на свежую лошадь». А «ремонтировать» — это значит «обновлять конский состав». Новых лошадей покупать, одним словом. Ну вот, сейчас копыта замоем, и на сегодня все. Давай воду!

Панама тащит ведро Борису Степановичу. Довольный, растертый соломенным жгутом Конус весело хрупают сено. Он выздоравливает. Сегодня Борис Степанович сделал небольшую поездку.

Ох, и намучились они с Панамой за этот месяц. Конусу делалось то лучше, то хуже. Сидела в нем невесть где подхваченная простуда. И много пота пролили они прежде, чем услышали от Петра Григорьевича: «Завтра начинайте работать коня. Сначала работайте шаг. Шагайте коня минут тридцать, и две репризы по десять минут рысью...»

Панама теперь каждый день ходит в манеж. И странное дело, сейчас, когда у него времени в обрез, он перестал опаздывать на уроки и даже начал лучше учиться. За месяц только две тройки.

Раньше, бывало, сядет за уроки и сидит часов пять. Пишет, на промокашке рисует, в окно глядит. А теперь в окно глядеть некогда, на уроки Панама может потратить час-полтора, не больше, а то в манеж опоздает к вечерней поездке. Поэтому и на уроках сидит, как памятник, не шелохнется, каждое слово ловит: запомнишь на уроке — дома учить не надо.

Только вот с классом отношения испортились. Первым поссорился Столбов, с которым они с первого класса за одной партой сидели. Сколько раз их рассаживали за болтовню, а они опять вместе садились, но тут Столбов сам ушел, да еще стукнул Панаму по голове.

— Знаю, знаю, Панамочка дорогой, — сказал он на прощанье, — чего ты такой замечательный стал, в отличники прорываешься: Юлечке своей хорошенькой понравиться хочешь. Только ничего у тебя не выйдет! Ты ростом — от горшка два вершка, а она — вон жердина какая.

Что мог ответить ему Панама?! То, что в школе у него теперь все само собой получается? Кто ему поверит? А рассказать про манеж он не мог, да и что рассказывать? Как он из денников тачками навоз вывозит, как Конусу компресса делает и клизмы ставит?

И сказать, что он Юле понравиться не хочет, тоже нельзя. Нет в классе такого мальчишки, который бы ей понравиться не хотел. Даже Сапогов — второгодник, — и тот свою дурацкую пасть закрывает, когда Юля входит в класс. Она такая красивая, у нее свитер красный, ее даже по телевизору показывают. И комментатор однажды сказал: «Это надежда нашего города, подрастающая достойная смена», и всякие другие хорошие слова.

Конечно, Панаме она очень нравится, даже

ночью снилась один раз, только как — он не запомнил. Хорошо снилась...

Все у Юли получается ловко и весело. Иной раз выйдет отвечать — ничего не знает, а глаза свои огромные распахнет и начнет говорить, говорить и, глядишь, на четверку ответит... Панама от удивления только в затылке чесал.

— Личное обаяние, — говорил Столбов, — ничего не попишешь. Вот есть обаяние, и делай, что хочешь, а нет — вкальвай, зубри до посинения!.. Обаяние — оно как лазер, от него никуда не денешься, вот, к примеру, лазерная винтовка...

Кончались такие беседы тем, что Столбова ставили столбом — за разговоры.

На одного только Бориса Степановича это обаяние почему-то не действовало. Когда он вызвал Юлю в первый раз и та своей необыкновенно красивой взрослой походкой вышла к доске, учитель оглядел ее с ног до головы и весело сказал:

— Нутес, Фомина Юлия, поведайте миру, что такое народное творчество, имеется в виду — устное. Что мы к нему относим и почему?

— Устным народным творчеством называется, — начала бойко Фомина и пошла крутить: — Народное творчество называется народным, потому что его создавал народ, поэтому оно народное...

Борис Степанович подпер своей длинной ладонью щеку и, не мигая, смотрел на Фомину, пока она не сбилась.

— Все? — удивленно спросил он. — Жаль. В таком стиле можно отвечать часами на любой вопрос, о котором никакого понятия не имеешь. И не смотрите на меня, барышня, так пронзительно... Все равно вознаграждение за ответ будет минимальным.

— Два? — радостно спросил второгодник Сапогов.

— Твоя пронизательность, Сапогов, приводит меня в мистический трепет, — сказал учитель и вlepил в журнал здоровую, жирную двойку.

Фомина стала красная, как свитер, быстро пошла на свое место и раздраженно хлопнула крышкой парты.

— Кстати, садиться нужно тихо, дабы не травмировать нервную систему любого педагога и глубокоуважаемых однокашников... А что такое фольклор, нам растолкует Понамарев.

Панама пошел и заработал четверку, хотя ему сквозь землю хотелось провалиться. Правда, с тех пор Фомина на уроках литературы — тише воды, ниже травы, и так на Бориса Степановича глядит, когда он рассказывает, словно хочет ему в рот прыгнуть.

А сегодня скандал произошел. На большой перемене остались все в классе — объявили экстренное собрание. Председатель совета отряда Васька Мослов говорит:

— Ребята, в школе проходит конкурс стенных газет. Мы должны принять участие.

— Как принять? — засмеялся Столбов. — Мы с начала года ни одной газеты не выпустили...

— Ну и что? Вот сегодня останется актив и выпустит сразу несколько газет. Дадим им в помощь ребят. Вот Понамарева, например.

— Не могу я сегодня.

— Тогда завтра.

— И завтра не могу, — ответил Понамарев. — Занят я, ребята.

— А когда ты бываешь свободен? — ехидно спрашивает Васька.

— В четверг. И то только до пяти, а потом я в баню хожу.

Тут все как закричат:

— А мы, что — не ходим? Все в баню ходят. Понамарев выделяется, хочет особенным быть!

— Знаешь, ты что-то стал себе многое позволять, — подвел итог Васька. — Я считаю, что тебя обсудить надо. Со сбора сбежал, в культпоходе не участвовал... У тебя что, уважительные причины?

— Да, — ответил Панама.

— Тогда объясни коллективу. Вот Фомина имеет уважительные причины, мы ее стараемся максимально освободить. Идем навстречу.

— Не могу я объяснить. А причины есть, — твердо сказал Панама.

Тут опять все закричали. И вдруг встает Маша Уголькова и говорит:

— Что вы пристали к человеку? Я за него останусь.

Все сразу замолкли.

— Понамарев, — говорит она, — не такой человек, чтобы врать.

— Ха! — сказал Столбов.

— А ты вообще, Столбов, молчи! Если Игорь говорит, что у него есть причины, значит, есть... А если кого надо обсуждать, так это тебя, Васечка: за два месяца ни одной газеты не выпустили, а потому в конкурсе участвовать — это показуха!

Тут опять все заорали. А Понамарев смотрел на Уголькову, точно видел ее в первый раз.

Целый день он над этим думал. И сейчас, когда помогал Конусу копыта замывать, вдруг сказал Борису Степановичу:

— А все-таки Маша Уголькова — хороший человек.

— Да? — усмехнулся Борис Степанович. — Из чего ж это следует?

— Из поступков.

— Ну, ежели из поступков, тогда конечно.

— А вы как считаете?

— А я считаю, что Маша — человек очень порядочный, с доброй душой и ясной головой. И потому она — красивая...

— Ну да! — засмеялся Панама. — У нее нос конопатый.

— А ей это идет, — отжимая тряпку, ответил

учитель.— Ты что думаешь, одна Фомина, что ли, красивая? Она особа эффектная, спору нет, но ей много горького нужно будет в жизни хлебнуть, чтобы стать настоящим человеком...

Панама долго не мог заснуть, все думал над словами Бориса Степановича. Даже ночью встал в словарь посмотреть. Раскрыл толстенную книгу, прочитал: «Эффект — впечатление, производимое кем-чем-н. на кого-чего-н.» и ничего не понял.

Жестокое ученье

Конус выздоровел окончательно.

Он весело ржал и топтал, когда Панама или Борис Степанович входили в его денник. Дружески прихватывал их зубами за куртки, когда они затягивали седельные подпруги или застегивали на его тонких пружинистых ногах нагавки — кожаные высокие браслеты, чтобы сухожилия не побил копытами, не поранился.

А потом Конус, поигрывая мышцами, весело шел в манеж. Борис Степанович вдвигал ногу в стремя и махом взлетал в седло, Панама забирался в судейскую ложу и смотрел восхищенно, как умопомрачительной красоты конь, пританцовывая, топчет песок на кругу.

Высокий, темно-гнедой, словно точеный, и в то же время сильный конь, пофыркивая, мягко проходил мимо Панама. Мускулы так и переливались под атласной шерстью. И мальчишке казалось, что это он сидит высоко в седле, что это под ним упрямо ступает жеребец.

Однажды в манеж вошли мальчишки, ведя в поводу разномастных лошадей. Женщина-тренер что-то сказала ребятам, и те вскочили в седла. Тут Панама невольно отметил разницу между юными наездниками и Борисом Степановичем.

Учитель сидел в седле так, точно это была самая удобная для него поза. Гибкая поясница. Мягкие, как у пианиста, руки отвечали на каждое движение лошади. Конь и всадник двигались так, словно это очень легко и просто.

Мальчишки пыхтели, охали, тяжело стукались задами о седла. Лошади шли под ними боком, а то и вовсе останавливались. Один кудлатый конек выскочил в середину круга и начал подкидывать задними копытами. Мальчишка мотался в седле, как мешок.

— Сидеть, сидеть! — кричала женщина-тренер.

Мальчишка цеплялся изо всех сил. Но потом медленно и грузно сполз на песок.

И все-таки Панама им завидовал! Ему казалось, что он никогда не смог бы вот так сидеть в седле, так откидываться назад, так ударять коня в бока каблуками.

— Что, брат, нравится? — подъехал Борис Степанович.— Хотелось бы так?

— Да!

— Ну вот... А я все ждал, когда же ты меня попросишь. И ваша скромность, сударь, превзошла мои ожидания. Мне показалось, что для тебя пределом мечтания стала карьера конюха...

В пятницу Панама надел белую рубашку и новый костюм и они отправились в тренерскую, где в своей отдельной комнате сидел тот самый седоусый старик, которого Панама видел в первый свой приход.

Он уже много про него знал. Знал, что Денис Платонович может быть, самый старый и самый опытный жокей в Советском Союзе, что он еще до революции был известен за границей, и привозил на Родину такие призы, о которых почтительно пишут справочники. Знал, что в войну у него погибли четыре сына, знал, что для этого красивого старика не существует ни чинов, ни званий, что он отхлестал ременным кнутом какого-то принца за то, что тот сломал коню ногу (в те годы Денис Платонович был приглашен на тренерскую работу в Англию, и жил там несколько лет). Знал, что когда старика за многолетнюю работу награждали орденом, благодарственную речь он начал словами: «Свою жизнь я отдал на благо лошадей...»

И когда Панама еще только подходил к тренерской, у него со лба уже падал крупными каплями пот.

— Денис Платонович, позвольте? — спросил Борис Степанович.

— Прошу... — раздалось раскатисто за дверью.— А! Боренька, здравствуй, голубчик.

Панаму старик словно не заметил.

Крошечная комнатка была вся завешена фотографиями, вымпелами, лентами, а на стене висели два серебряных венка. На шкафу, на столе, на подоконнике стояли статуэтки коней с какими-то надписями.

— Конуса я твоего смотрел в езде. Ты напрасно так много работаешь его тротом, не стесняйся — больше прыгай...

— Я не с этим сегодня, — сказал Борис Степанович.— Вы помните, как пятнадцать лет назад к вам сюда привели мальчишку, который каждый день приходил смотреть на коней?

— Рано ты меня в склеротики записал, — засмеялся старик.— Я еще из седла не падаю.— Он глянул в зеркало и пригладил седые кудри.

— Так вот сегодня этот мальчишка привел вам своего ученика. Денис Платоныч, я подзреваю, что он будет ездить.

Старик посерьезнел.

— Нынче я тренирую мало. Слышал, что про меня на совещании говорили? «Старик-де обучает варварскими методами». Нынче время не то — кругом сплошной гуманизм... Я их спрашиваю, мы кого воспитываем — секретарш или

всадников? Конный спорт — это спорт! А им что же — после каждого прыжка седло кружевным платочком вытирать?..

— Потому к вам и привел, — сказал Борис Степанович, — что хотел бы настоящего всадника видеть.

Старик помолчал и глаза его блеснули.

— Кха! — рывкнул он и вытер усы. — Подойдите, мальчик... Вид не глупый! У тебя высокие родители?

— Метр семьдесят пять и метр пятьдесят восемь, — отбарабанил подготовленный к этому вопросу Панама.

— Разденьтесь, мальчик.

Панама начал судорожно расстегивать рубашу, брюки.

— Так, — сказал старик и протянул к нему страшную двухпалую руку (рассказывали, что три пальца ему в молодости откусил жеребец). Пальцы ловко ощупали локти, коленки.

— Руки-ноги не ломал? Головой не ушибался?

— Нет...

— Так. Не дыши. — Старик наклонился и плотно прижал ухо к Панаминной груди. — Ангиной часто болеешь?

— Нет.

— Ну-ко, — старик достал из стола силомер, протянул Панаме. — Сожми. Так, — сказал он, глянул на цифру, пошевелил усами и небрежно бросил силомер в стол.

— Отойди и резко подними ногу как можешь выше! Праз! Вторую — рраз!.. Ну что, Боря, сложен по экстерьеру нормально, но косяк слабый, в суставах хлипко и мускульно слаб.

— У него есть главное, — сказал Борис Степанович, — у него есть душа.

— Ну что ж. Если она не расстанется с телом за период начального обучения, может, что и получится. Ибо сказано римлянами: «Сила духа многое искупает». Итак, слушайте меня, мальчик. Все бумажки — секретарю. С понедельника, нет, лучше со вторника — я суверен — на постоянные тренировки. Первый месяц — два раза в неделю, второй — три, третий — ежедневно, кроме четверга, ежели вы, конечно, выдержите и не сбежите. Предупреждаю, вы зачислены из уважения к вашему педагогу. Более к вам льготы применены не будут. И от вас я о вашем педагоге более не должен слышать. Он сам по себе, вы сами по себе. Пропуски занятий по болезни, по занятости и прочее — исключаются. И предупреждаю, я набираю осенью сто мальчиков, весной у меня остается пятеро, и это не значит, что из них получаются настоящие всадники. За сим, адью... Не смею долее задерживать.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Имя на карте

**Василий
ПЕТРОВ**

Каждого из нас интересует, почему так, а не иначе, называется наша деревня или город, речка, что протекает рядом, гора вдали, роща, овраг?.. Что означает или как переводится это имя на карте родины? Или откуда произошло слово «Урал»? Где взяли свои имена Волга, Кама, Обь?..

На страницах «Уральского следопыта» не первый год живет рубрика «Страна Топонимия». Ведет этот раздел, рассказывающий о биографиях географических названий, профессор Уральского университета А. К. Матвеев — известный ученый, лингвист и филолог. «Страна Топонимия» пользуется неизменной популярностью среди читателей. Редакция получает немало добрых отзывов на эти публикации.

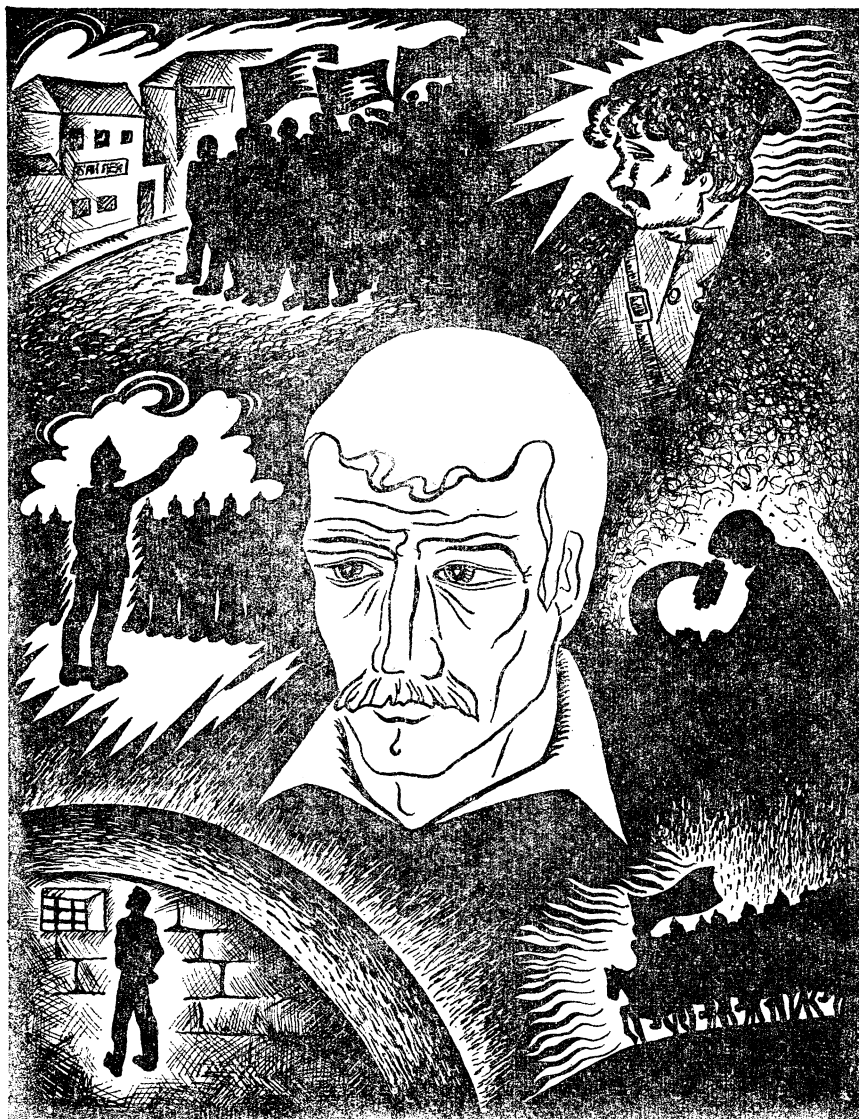
Средне-Уральское книжное издательство преподнесло любителям топонимии хороший подарок — выпустило книжку А. К. Мат-

веева «Геройки караулят Урал». Расшифровывает тему подзаголовков — «Путешествие в топонимию». В книгу вошли многие статьи и очерки А. К. Матвеева, опубликованные ранее в «Уральском следопыте».

На последней странице книги помещена такая аннотация: «Монографическая работа для широкого круга читателей о топонимике и географических названиях». Да, строго говоря, это — монография, все здесь научно обоснованно и достоверно. Но сколько любопытнейшей информации содержится в книге! Иные главы-очерки читаются как приключения.

Книга А. К. Матвеева ценна и тем, что призывает беречь географические названия, они — ценнейшие исторические свидетельства, памятники, оставленные нам народом на века. Автор предостерегает и от того, чтобы в наши дни не появлялись на карте топонимические уродцы вроде поселка с именем Заготскот или улицы Щербаводской, чтобы не росли, как грибы, многочисленные, ставшие шаблоном топонимы типа Светлый, Солнечный, Молодежный...

ХОРУНЖИЙ ТРОФИМОВ

**Александр
АНУШКИН**

*Рисунок
В. Старцева*

Как-то ялтинскому журналисту-книголюбу А. И. Анушкину местный фотограф А. И. Рябцов подарил комплект еженедельного приложения к газете «Русский листок» за 1905 год. Любопытный сам по себе, еженедельник заинтересовал книголюба владельческим книжным знаком — овальной печаткой, на котором значилось: «Из книг Муратовой Е. М. № 3826». Кто она? Затем в фондах городской библиотеки и в некоторых личных библиотеках ялтинцев были обнаружены другие книги с той же печаткой. Начались поиски. Они привели в краеведческий музей, в областной архив, на квартиры ялтинских старожилов, и выяснилось: поселившийся в Ялте перед войной М. В. Трофимов, будучи человеком преклонного возраста, заказал для книг своей библиотеки печатку с именем жены Е. М. Муратовой. В результате дальнейших поисков, занявших несколько лет, и вырисовалось все то, о чем рассказано ниже.

В его мальчишеской натуре уживались две крайности: то он часами сидел на берегу Деркула и наблюдал, как он струится меж кустов, поспешая к Уралу-реке, мечтал, что хорошо бы проплыть до моря-Каспия, а там — еще дальше, то вдруг, словно очнувшись, наскоро сбрасывал одежонку и с озорным гиканьем бросался с берега в прохладную гладь речушки, нырял на дно, проплывал несколько минут под водой...

— Наш дом и сад находились по соседству с усадьбой Трофимовых,— рассказывает жительница Уральска А. Д. Залмунина.— Отец мой был человеком вспыльчивым и, случалось, сгоряча бросал в речку все, что попадало под руку. А находившийся по близости Миша Трофимов, словно того и ждал — мигом раздевался и нырял в Деркул за нашим добром. Вытащит миску или ложки, передаст их нам и с усмешкой скажет отцу:

— Так, дядя Митя, и без посуды можете остаться, да и речку засорять нельзя.

Любил он слушать рассказы отца, бывалых людей о войнах и походах, а особенно — предания о Сте-

пане Разине и Емельяне Пугачеве.

Кончил начальную школу. Довелось поучиться и в гимназии, полного курса однако не прошел — плата за обучение была не по карману отцу-казаку. Но годы учебы не прошли даром.

А там — закрутилась жизнь в безостановочном вихре событий.

В 1892 г. Михаила Трофимова призвали на воинскую службу. Как грамотея назначили войсковым писарем.

1895 год. Зачислен в 3-й Уральский казачий полк.

В том же году зачислен юнкером Оренбургского училища.

В 1897 году, по окончании училища, прикомандирован к уральской учебной команде.

1898 год. Произведен в хорунжие. Откомандирован вместе с казачкой сотней в Маньчжурию на охрану Китайско-Восточной дороги.

И вдруг в Уральске перестали получать вести от Михаила Трофимова — как в воду канул. Через несколько лет отыскался след уральца в далекой африканской стране — Абиссинии.

Как же туда попал казак?

В Чите забастовали рабочие. На помощь жандармерии власти решили бросить войска — казачью сотню Трофимова. Но хорунжий воспротивился этому. Более того — он встал на сторону стачечников и в схватке с карателями выстрелом из пистолета убил жандармского полковника.

Трофимов скрылся, а затем нелегально перешел границу. Абиссинию он выбрал не случайно. Об этой стране «черных христиан», как ее называли тогда в России, он немало слышал и читал, знал, что в Абиссинии обосновалось несколько его земляков, в частности, поручик запаса И. Ф. Бабичев, служивший у паса Маконена советником.

В Абиссинии, по протекции Бабичева, Трофимов получил от паса Маконена небольшой участок земли близ города Харара и занялся огородничеством. Его жена, Любовь, медик по специальности, стала лечить крестьян-эфиопов.

Туземцы и двое пришельцев из далекой северной страны подружись. Только вот с феодалом и его

прислужниками, прежде всего с каньязмачем Баньти не ладилась отношения. И Трофимову пришлось расстаться с арендуемым участком. В августе 1906 года он переехал в усадьбу Бабичева в окрестностях Аддис-Абебы. И здесь Трофимов занялся своим делом — огородничеством и садоводством.

Опытами русского заинтересовались в министерстве земледелия Эфиопии. Не раз и не два к Трофимову навещивались чиновники, а в мае 1908 года пригласили его к министру. Тот предложил уральцу пост государственного агронома одной из провинций. После недолгого раздумья Трофимов согласился, переехал на новое место и занялся совершенно необычным для себя делом — насаждением кофейных плантаций. Дело пошло на лад. Русский поверенный в Эфиопии Б. Чемерзин писал в Петербург:

«На обязанности М. Трофимова лежит разведение кофейных деревьев... Ныне, по словам очевидцев, благодаря его трудам, имеется уже до 30 000 рассад кофейных деревьев».

Сейчас экспорт кофе составляет шестую часть общего товарооборота Эфиопии и приносит ей свыше половины валютной выручки. У истоков этой ведущей отрасли страны стоял русский казак — Михаил Трофимов.

Но вернемся к донесению Чемерзина. Он пишет о Трофимове: «...службой и жизнью в Абиссинии доволен... По личным своим качествам М. Трофимов представляется человеком трудолюбивым, обладающим достаточными познаниями в огородничестве и садоводстве и вообще в сельском хозяйстве, уживчивым, но увлекающимся...»

Прекрасные отношения у Трофимова и его жены устанавливаются с рабочими кофейных плантаций, с окрестным населением. Общительные и внимательные, они пользовались большим уважением. При встрече эфиопы почтительно приветствовали их.

— Ендеми аддеру! — Доброе утро! Добрый день!

О храбрости и находчивости Трофимова ходили легенды. Туземцы рассказывали, как Росс каким не испугался бегемота, невесть как

попавшего на плантацию, как метким выстрелом сразил леопарда...

Таким образом местонахождение хорунжего Трофимова было известно. Да он и сам теперь писал письма на родину. Вспомнили о нем и в Уральском войсковом штабе. Здесь хорунжего Трофимова взяли на учет, якобы он «в запасе, без должности».

Личностью Трофимова, его деятельностью и связями интересуются царские осведомительные органы. 22 августа 1915 г. сменивший Чемерзина русский поверенный в Эфиопии Виноградов в секретной депеше сообщал в Петроград, что в высказываниях о политике царизма «русский подданный М. Трофимов показал себя с очень и очень некрасивой стороны».

В 1916 году Трофимов получил приказ войскового штаба явиться в часть к 20 июля. Он решил подчиниться приказу и в срок прибыл в Уральск. Начальство, то ли закрыв глаза на происшедшее 15 лет назад, то ли еще по каким соображениям, не применило санкций к Трофимову. Он был назначен командиром казачьей сотни и отправлен на юго-западный фронт.

Воевал хорунжий Трофимов честно, но, прав был поверенный Виноградов,—политики царизма не разделял, более того—осуждал ее. Трофимов на фронте убедился, что в сущности своей мировая война антинародна, что сам царизм прогнал, изжил себя. На фронте Трофимов сблизился с большевиками, а в сентябре 1917 года вступил в партию.

Снова — калейдоскоп событий.

После Октября 1917 года большевик. Трофимов в Уральске — строит в родном краю новую жизнь. Но власть здесь захватывает белогвардейский казачий округ, опирающийся на кулачество. Его жену, спутницу скитаний по Африке, убивает белогвардейский офицер. Казацкая старшина, обвинив Трофимова в «красной пропаганде», арестовывает и заточает его в тюрьму. Красная Армия, освободив Уральск от белогвардейщины, освобождает и Трофимова. Его назначают областным военным комиссаром.

Апрель 1919 года. Уральск снова в беде — город окружили бело-

гвардейские части. Героическая оборона продолжалась несколько месяцев. 11 июля кольцо белоказачьей осады разорвала легендарная 25-я дивизия В. И. Чапаева.

Областной военком Трофимов в гущу событий. Он занят мобилизационными делами, заботой о пополнении рядов Красной Армии. В октябре его назначили начальником Упроформа — учреждения, ведавшего формированием и обучением воинских частей.

Трофимов часто бывает в Чапаевской дивизии, встречается с прославленным командиром, с комиссаром дивизии Д. А. Фурмановым. Впоследствии Фурманов подарил Трофимову первое издание повести «Чапаев» с дарственной надписью.

В мае 1920 года, когда Чапаевская дивизия перебрасывалась на борьбу против панской Польши, в ее рядах командиром кавполка был М. В. Трофимов. Комдив И. С. Кутяков, скупой на похвалы человек, не раз скажет о Трофимове, как о мужественном, честном и исполнительном командире.

Отгремела гражданская война. М. В. Трофимов демобилизовался, стал работать директором садовогородного хозяйства «Дагомыс» в Сочи.

Свое увлечение — собирать книги — он не забыл. Может, эта его страсть и звала его всегда в дорогу? Он мечтает объехать весь Урал — от Карского моря до Каспийского, побывать на Крайнем Севере, еще раз на Дальнем Востоке...

И вот, наконец, вместе с женой Елизаветой Максимовной Муратовой он отправляется в дальний рейс, на китобойной флотилии «Алеут».

После плавания Трофимов недолго отдыхал — работал на комбинате «Массандра» в Ялте. Снова его потянуло в путь, на сей раз — в Якутию.

Библиотека Трофимова росла. Номера на экслибрисе приблизились к десяти тысячам. Ранние издания «Классики революционной мысли», трудов В. И. Ленина, Плавт и Плутарх, Шекспир и Байрон, Пушкин и Некрасов, Мамин-Сибиряк и Горький, Бажов и Островский, сочинения историков и естествоиспытателей, литература по искусству — широкими

были интересы бывшего хорунжего Трофимова. Собирал он и редкие книги. В библиотеке были прижизненные издания А. С. Пушкина, декабриста А. Бестужева-Марлинского, журналы начала XIX века, сборники «Знания», первые советские издания, книги с автографами...

Началась Великая Отечественная война. Нависла угроза оккупации Крыма. Трофимов готовился к эвакуации, упаковал книги. Но выехать не удалось — фашисты заняли Ялту.

По рассказам ялтинцев, переживших оккупацию, к Трофимову часто приходили советские люди — почитать книги, побеседовать, поделиться мыслями, а главное — узнать свежие новости: приемный сын Трофимова Степан, работавший шофером, доставал подпольные советские газеты и листовки, сводки Совинформбюро.

Гитлеровцы пронюхали о Трофимове и его библиотеке. Стало известно, что Трофимов находился в дружеских отношениях с городским головой Н. С. Анищенко, которого немцы расстреляли в 1943 году за связь с крымскими партизанами. В начале 1944 года гестаповцы нагрянули на квартиру Трофимовых, арестовали их, разгромили библиотеку.

Дочь ялтинского партизана В. А. Чистова, случайно оказавшаяся вместе с другими жителями города свидетельницей ареста патриотов, вспоминает:

Один из гестаповцев спросил Трофимова.

— Ви есть коммунист?

На это Михаил Васильевич громко ответил:

— Был коммунистом, есть коммунист и умру коммунистом!

М. В. Трофимова и Е. М. Муратову допрашивали, пытали. Перед бегством из Ялты гитлеровцы зверски казнили их.

● Улица
Красных
следопытов

● И ученые,
и школьники...

● Машина
помогает
поиску

Улица с таким названием есть в городе Бокситогорске. Это — большая честь для следопытов, получивших общественное признание за свою трудную полевую работу.

«Флагман» следопытского движения в городе — средняя школа № 1, которой руководит капитан третьего ранга в запасе, кавалер многих боевых наград П. М. Лебедев. Ребята ищут все новые и новые направления поиска. Сначала они составляли списки погибших воинов-земляков, находили их родных и близких. Как и во многих других школах, разузнали о всех погибших учителях и выпускниках — в их честь установлена мемориальная доска. Сейчас у ребят новое дело: они разыскивают тех, кто в годы войны работал в госпиталах. В школе установлен традиционный день Героя, и в один из последних таких дней гостями школьников были бывшие военные медики.

Международная конференция «Юный историк», проходившая в Потсдаме, собрала следопытов из многих стран Европы, из Вьетнама, Кубы, СССР. Поиск, который ведут юные историки, давно «шагнул» через границы. Школьники из немецкого города Люккенвальда разыскивают в Тульской области родных лейтенанта А. Ерофеева — именем советского офицера, павшего смертью храбрых, названа их школа. А ребята из 681-й московской школы собирают ма-

териалы о немецких антифашистах, боровшихся против гитлеризма.

В ГДР готовится к изданию коллективный научный труд по истории совместной антифашистской борьбы молодежи разных стран. Наряду с учеными-историками в этой работе примут участие и юные следопыты.

Архив Министерства обороны СССР... Кто из следопытов не знает его адреса, кто из школьников, разыскивающих героев, не обращался туда за справкой!

Ежегодно в адрес архива Министерства обороны поступает до семи тысяч следопытских запросов. Часто в ребячьих письмах упоминается лишь фамилия солдата — имя, отчество его не известны. А найти надо...

Впервые в архивной практике здесь применены счетно-перфорационные машины для механизированного поиска информации. Работники архива подготовили специальные перфокарты на 11 600 Героев Советского Союза и 2549 полных кавалеров орденов Славы. Раньше, если поступал запрос от следопытов по этому разделу, на поиск уходил месяц. Теперь работникам архива не придется перебирать карточки вручную — машина за двадцать минут безошибочно найдет нужные документы.

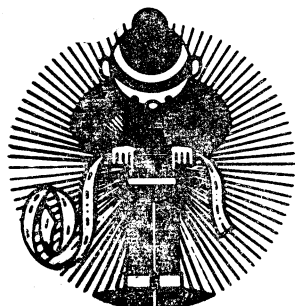
● Операцию «Декабристы» провел городской штаб «Орленок» в Улан-Удэ. Следопыты пионерских дружин города собрали архивные материалы, побывали в местах, связанных с именами декабристов.

● «Гражданин При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» — такая надпись с военных лет сохраняется на фасаде ленинградской школы № 210. В школе есть музей защитников города. В годовщину разгрома фашистов под Ленинградом участники обороны города получили от ребят 210-й школы поздравительные открытки.

● Московское строительное профтехучилище № 48 удостоено премии Всесоюзного штаба экспедиции «Моя Родина — СССР». Следопыты училища собирают материалы о жизни М. И. Калинина; они побывали во всех местах, где совершал рейсы агитпоезд «Октябрьская революция» — всеююзный староста возглавлял его в годы гражданской войны.

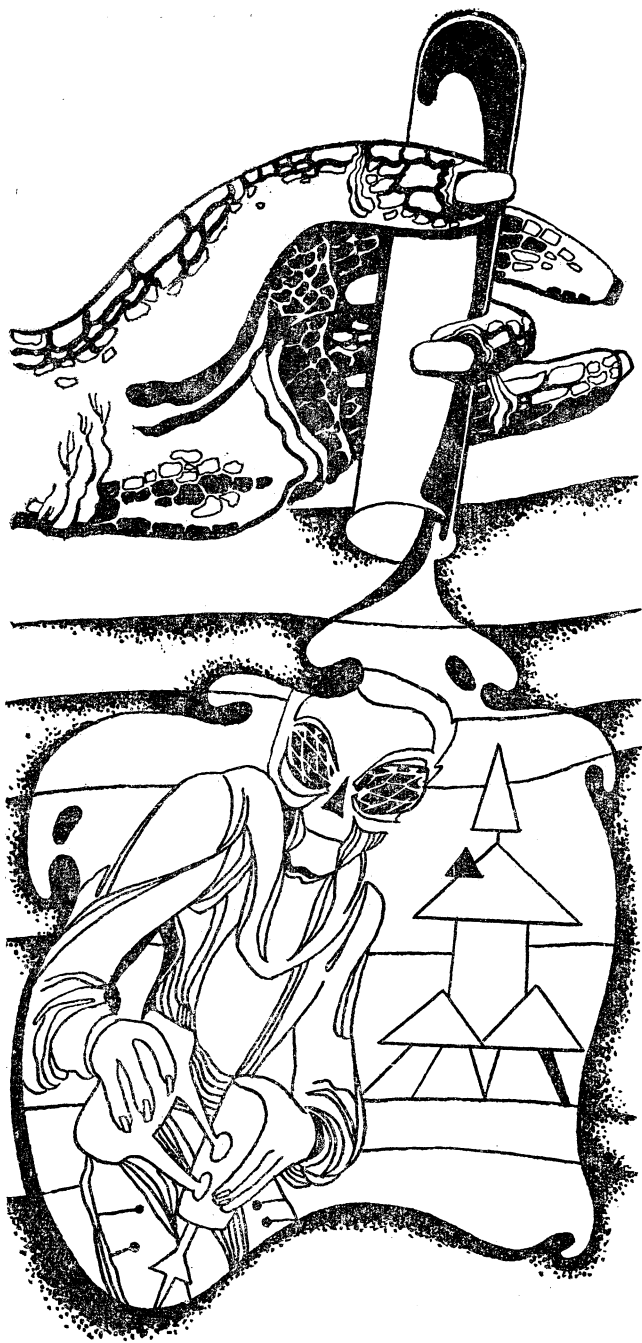
● Тридцать лет исполнилось в этом году музею истории Корсунь-Шевченковской битвы. Музей имеет семь филиалов в городах и селах Киевской области.

● В селе Багаряк Челябинской области находится могила советского дипкурьера Иогана Адамовича Махмасталя, вступившего вместе с Теодором Нетте в бой с налетчиками, пытавшимися завладеть дипломатической почтой. Следопыты Багаряка ухаживают за могилой, на ней открыт памятник герою-дипкурьеру.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Электронный педагог был корректен с ребятами и мягок, как родной дядюшка. Восемилетним малышам он говорил «вы» и смотрел сквозь пальцы на шумок в экзаменационной комнате. Его интересовал только экзаменующийся, из всех голосов он узнавал лишь его голос и оценивал полноту ответа, сверяя знания ученика со сведениями, заложенными в блоках памяти. Не то, чтобы он любил детей, и не то, чтобы дети его любили, но он был объективен и вежлив. Этого было достаточно: устанавливался контакт, и электронный педагог внимательно выслушивал учеников...

Шел экзамен по космографии.

— Шахрудинов Элам! — вызвал экзаменатор.

— Я! — отозвался черноглазый мальчик.

— У вас четвертый билет...

— Открытие Милены и первый контакт с инопланетной цивилизацией, — прочитал экзаменующийся.

— Вы готовы к ответу?

— Готов.

— Будьте добры... — Блестящий никелем и пластиком ящик был воплощением вежливости.

Элам садится в кресло, на секунду закрывает глаза, припоминая, с чего начать, и говорит, обращаясь к подмигивающим индикаторам:

— Открытие Милены. Рассказ очевидца.

— Не так громко, Элам, я вас прекрасно слышу, — предупреждает электронный экзаменатор.

— Хорошо, — соглашается черноглазый мальчик...

В атмосфере планеты кислорода было двадцать четыре процента, но капитан «Радуги» Сергей Петрович Попов не разрешал выходить без скафандров. Капитану подчинялись безропотно, — на то он и капитан экспедиции. Ругали Женьку Бурмистрова, микробиолога. По общему мнению, виновником нелепости был Женька: солнце, воздух, вода, а мы ходим в скафандрах, как на Луне.

Экзамен

Рассказ

Михаил
ГРЕШНОВ

— Ну, друг!..— выговаривали ему.

Но друг был невозмутим и если отвечал, то одним словом:

— Вирус...

Планета состояла из суши, океана и атмосферы. Суша была абсолютно голой—ни кустика, ни травинки. Океан, наоборот, был набит водорослями, как Саргассово море. Водоросли поставляли кислород в атмосферу. В вышине плыли такие же, как на Земле, облака, и грозы были такими же, как на Земле. А реки и озера—другими: совершенно безжизненными. Водоросли в озерах и реках не приживались—вода для них была слишком пресной. Зато океан по засоленности превышал все, что людям было известно. Если в Мертвом море, расположенном в бывшей Сирийской пустыне, нельзя утонуть, то местный океан даже пластиковые детали выталкивал, точно пробку. Это был сироп, почти патока, но водоросли к нему приспособились. В океане не было ни рыб, ни моллюсков—царство растительности... В целом планета была красивой: сине-зеленый океан, желтая суша, бирюзовые реки. По предложению Хосты Тройчева планету назвали Миленой. Название всем понравилось.

А в воздухе Женька Бурмистров обнаружил вирус. Вторую неделю исследует его, и вторую неделю мы не выходим из «Радуги» без скафандров. После четырех лет полета добраться до земли с ветром, с грозами, реками и не сунуть голой руки в воду,—с ума сойти можно!..

— Вирус...— предупреждает Женька.

— Чего же ты с ним возишься?— тормозили его.

Женька возился не зря. Чем больше возился, тем больше росло его недоумение.

Наконец, выложил нам все начистоту.

Каждую трехдневку у нас проводились совещания—что-то вроде планерок. На первых из них по прибытии на планету было много восторгов и восклицаний. Биологи докладывали о водорослях, геологи—о минеральных богатствах, синоптики—о грозах и воздушных течениях. Все укладывалось в обычные нормы: жизнь на

планете существовала на основе углеродного цикла; таблица Менделеева была заполнена геологами вся; синоптики однажды предсказали град—и действительно, град выпал!.. Как на Земле! И только Женька Бурмистров вылил на нас ушат холодной воды.

— Боюсь,—сказал он,—что загорать под солнышком не придется. Без скафандров из «Радуги» нам не выйти.

— Почему?—спросили мы, возмущенные. Женька замялся:

— Видите ли...

— Ты не юли,—перебил его бортэлектроник Санников.— Все знают, что за бортом кислорода двадцать четыре процента..

— Видите ли...— Женька даже не глянул в сторону Санникова.— Этот проклятый вирус не даст нам ни охнуть, ни вздохнуть.

— Женька...— взмолились мы.

— Это совершенно необыкновенный вирус,— продолжал Женька.— Ни на что не похожий...

У него была такая привычка—тянуть жилы, не торопясь. Но тут он, кажется, почувствовал, что перегнул.

— Во-первых,—заспешил он под нашими взглядами,—вирус в биологической основе имеет не углерод, а железо...

Мы отшатнулись, как от удара: кремниевый цикл, даже фторный—было бы непривычно и все же понятно. Но если в основе железо—это чудовищно! Феррожизнь!..

— Во-вторых,—продолжал Женька,—антибиотики и вся наша химия на вирус абсолютно не действуют.

Новость—не лучше первой!

— В-третьих,—продолжал докладывать Женька,—мне кажется...—он смущенно огляделся по сторонам.— Мне кажется, это инопланетная жизнь. Она совершенно чужда Милене.

Сообщение Бурмистрова вызвало впечатление молнии, блеснувшей под потолком. Молчал, молчал—и закатил! Некоторое время мы не находили слов.

Наконец, биолог Частный спросил:

— Ты не ошибся, Женька?

по космографии

Рисунки
Н. Павлова

— Вот расчеты и формулы,— Бурмистров протянул биологу бланк.

Тот посмотрел цифры и формулы. Стоя и механик Гатов заглядывали в бланк через его плечо.

— Поразительно!..— сказал Частный.

— Милена — планета нам незнакомая,— предположил Стоян.— Может быть, жизнь здесь другая...

— Нет,— запротестовал Частный.— Типичная жизнь планеты — в ее океанах. На углеродной основе.

— Тогда почему нет такой жизни на суше? Может быть, феррожизнь не пускает ее?

— Опять нет,— возразил Частный.— Жизни на суше нет потому, что планета переживает период, соответствующий нашему докембрийскому. Жизнь еще не вышла из океана.

— Откуда же здесь феррожизнь?

Частный пожал плечами.

— Похоже, что прав Бурмистров,— сказал Гатов.— Феррожизнь инородна для Милены.

Зашевелились и остальные:

— Занесена метеоритом из космоса!

— А вдруг — не метеоритом?..

— Тогда — кем?

Перед этим вопросом спасовали все. Ответ мог граничить с фантастикой.

— Мы уклонились в сторону,— сказал капитан.— Если мы столкнулись с неизвестной нам жизнью, надо узнать как можно больше о ней самой. Что еще скажет Бурмистров?

— Очень мало,— Женька вертел в руках листок с анализами.— Обыкновенные вирусы размножаются на живом субстрате. Этот вирус живет в атмосфере. В океане и в водорослях его нет. Предположение, что вирус не пускает жизнь из океана на сушу, отпадает: он с нею вообще не взаимодействует.

— Вы хотите сказать — с местной органической жизнью? — уточнил капитан.

— Да, Сергей Петрович, именно это. И хочу подчеркнуть, что земная антисептика против него бессильна.

— Это хуже,— сказал капитан.

Мы тоже понимали, что это плохо. Прозябать в скафандрах на прекрасной Милене...

— А может, вирус не опасен для человека? — спросил добродушный механик Берг.

— В самом деле,— поддержал Берга геолог Трушин,— жизнь в океане сродни земной, а вирус на нее не действует. Может, он и нам не опасен?

Это было соблазнительно. Очень соблазнительно. Экипаж поддержал Трушина одобрительным шумом.

— В человеческом организме находится и железо,— продолжал Трушин.

Один Женька не поддавался общему настроению.

— Может быть, вирус и безвреден для нас,— сказал он. Даже, показалось нам, с безразличием.— Но я за абсолютную осторожность. Все известное потенциально опасно.

— И все-таки, Бурмистров,— спросил капитан,— неужели на вирус нельзя ничем воздействовать?

— Кажется,— ответил Евгений,— вирус с его ферроосновой можно ослабить, даже убить, изменив магнитное поле. Но при всем желании мы не можем изменить магнитное поле планеты.

Убийственный довод! Но, как это бывает, ожесточив всех, он заставил искать обходные пути. Очень хотелось людям настоящего ветра, грозы, воды. Хорошей была планета. На Земле становилось тесно, Марс и Венера для колонизации не годились. А здесь... Насадить леса, заселить реки рыбой, построить города,— это будет вторая Земля, второй наш дом.

— Если поставить ряд опытов...— предложил Частный.— Привить вирус водорослям в лаборатории. Испытать его на земных организмах...

— На ком?— спросил в упор Хоста Тройчев.— На нас самих?

Частный замаялся. Кролики и белые мыши, взятые экспедицией, погибли на третьем году полета. Из земных организмов на «Радуге» были только мы, люди. Да еще любимица экипажа ангорская кошка Муфта... Муфта тотчас встала перед глазами каждого — зеленоглазая, ласковая. Кошке, как и нам, надоело жить взаперти: часами она царапала выходной люк, просилась, чтобы ее выпустили на волю.

— Поставить опыт на Муфте?— сказал Тройчев.— Я возражаю. Лучше поставьте на мне.

— И я возражаю,— сказал механик Берг.— Никаких прививок на Муфте.

— Однако...— Частный протестующе отмахнулся.— С каким результатом мы вернемся на Землю? Или, может, смотаемся за партией белых мышей и — назад?..

Все это правильно. Но Муфту всем было жалко. Не только потому, что мы к ней привыкли...

— Как, друзья, решим с Муфтой?— спросил капитан.

Минута прошла в молчании, прежде чем кто-то сказал:

— Выпустим...

Так и решили: Муфту из корабля выпустить. Вирус привить водорослям в лагуне и контрольным экзemplярам в лаборатории. Если отрицательных результатов не будет — выходить без скафандров. Прививку поручили Частному и Бурмистрову.

Нас было на «Радуге» четырнадцать человек. Четырнадцать разных судеб. Были среди нас люди старые и молодые, Женька Бурмистров моложе всех. Были веселые и серьезные... Это хорошо, что все разные. Дальние экспедиции комплектуются именно такими людьми. Каждый мог

вспомнить и что-то рассказать о себе. Капитан экспедиции Сергей Петрович Попов погибал на «Регуле» в пылевом мешке у Проксимы Центавра, — два года странствовал, захваченный потоками Леонид. Механик Берг еще практикантом чудом остался жив на взорвавшемся бую, котормы нашли через шестнадцать месяцев, нашли случайно, уже отчаявшись. Частный сражался с чудовищами на безымянных планетах Алиота. Врач Гринвуд до сих пор с содроганием вспоминает эпидемию, вспыхнувшую на «Океане», в середине рейса, когда не было и намека на какую-либо тревогу; эпидемия скосила двадцать семь из тридцати четырех участников полета... Тройчев, попавший в вулкан на Венере, Стоян, вышедший посевшим из гравитационных тисков Нептуна... Все это были мужественные люди, сильные, чем-то похожие друг на друга.

Надо было видеть их, когда Муфту выпускали из корабля. Четырнадцать пар глаз следили за кошкой через иллюминаторы. Решалась судьба экспедиции: подарим ли мы Земле голубую планету или вернемся ни с чем? Такое бывало. Встречались планеты, полные солнца и света, но каждый атом их атмосферы был смертелен для человека. На пространстве в одиннадцать парсеков, исследованном вокруг Земли, не было найдено ни одной подходящей планеты...

И вот четырнадцать человек с «Радуги» смотрят, как Муфта отряхивает лапки, ступив на непривычный песок. Кошка сделала шаг, другой, тронула серый камешек. И... упала на бок. Четырнадцать космонавтов ахнули. Но с Муфтой ничего не произошло: кошка играла с камешком, точно с мышью.

Мгновенный испуг людей сменился вздохом облегчения, а потом — хохотом.

С Муфтой ничего не случилось. И когда ей привили вирус — ничего не случилось. И с растениями в ваннах и в лагуне, которым привили вирус, тоже ничего не случилось.

Тогда мы сняли скафандры.

Капитан дал нам три дня отдыха, и мы походили на шайку отчаянных сорванцов. Озера звенели от нашего крика. Хорошие проточные озера, цвета синих бериллов. Они были в километре от «Радуги», и мы пробили к ним тропку голыми пятками. Летали на океан, там тоже было неплохо. Но там не погрузишься по плечи, без камня в руках не нырнешь в глубину, не устанешь и не утонешь. Хорошо, но, как говорили в древности, — не тот табак... Озера же были чисты, прохладны — земные высокогорные зеркала, другого названия не придумаешь. Мы плескались в них и орали от удовольствия. Нас поймут космонавты, на годы заключенные в кораблях, обитатели лунных и марсианских поселков... Мы гонялись друг за другом в воде, брызгались, ныряли, играли в пятнашки. И дышали, дышали железным вирусом.

Десять дней мы блаженствовали. За это время и работа на планете продвинулась. Облетели четыре материка Милены, побывали в батискафе на океанском дне. Взяли геологические, биологические, гидрологические пробы и образцы. Главное — жили раскованно, без скафандров, под солнцем и облаками.

Беда нагрянула неожиданно.

Завтракали. Был редкий завтрак, когда вся команда — четырнадцать человек — оказалась в сборе. Накануне из южной полярной области вернулись Сытин и Лазарев и теперь рассказывали о виденном.

— Царство осени, постепенно переходящее в царство зимы, — характеризовал обстановку Сытин.

Один из материков Милены — условно его называли Южным — подходил к полюсу. Речь шла о границе ледовой зоны.

— А потом сразу — ледники на суше и айсберги в море...

Рассказывал Сытин неинтересно, с паузами, будто выдавливал из себя слова. Поэтому, наверное, слушали его рассеянно. Может быть, рассказчик устал в нелегкой экспедиции, может быть, у слушателей не было настроения, — за бортом «Радуги» начинался серый дождливый день. Так и вел Сытин — от слова к слову. Остальные неторопливо прихлебывали кофе.

Вдруг астронавигатор Кольцов сказал:

— Друзья, мне сегодня снился странный сон...

Все взгляды остановились на нем. Казалось, случайная фраза навигатора заинтересовала команду.

— Капитан, можно?.. — попросил разрешения Кольцов.

— Вы кончили? — спросил капитан Сытина.

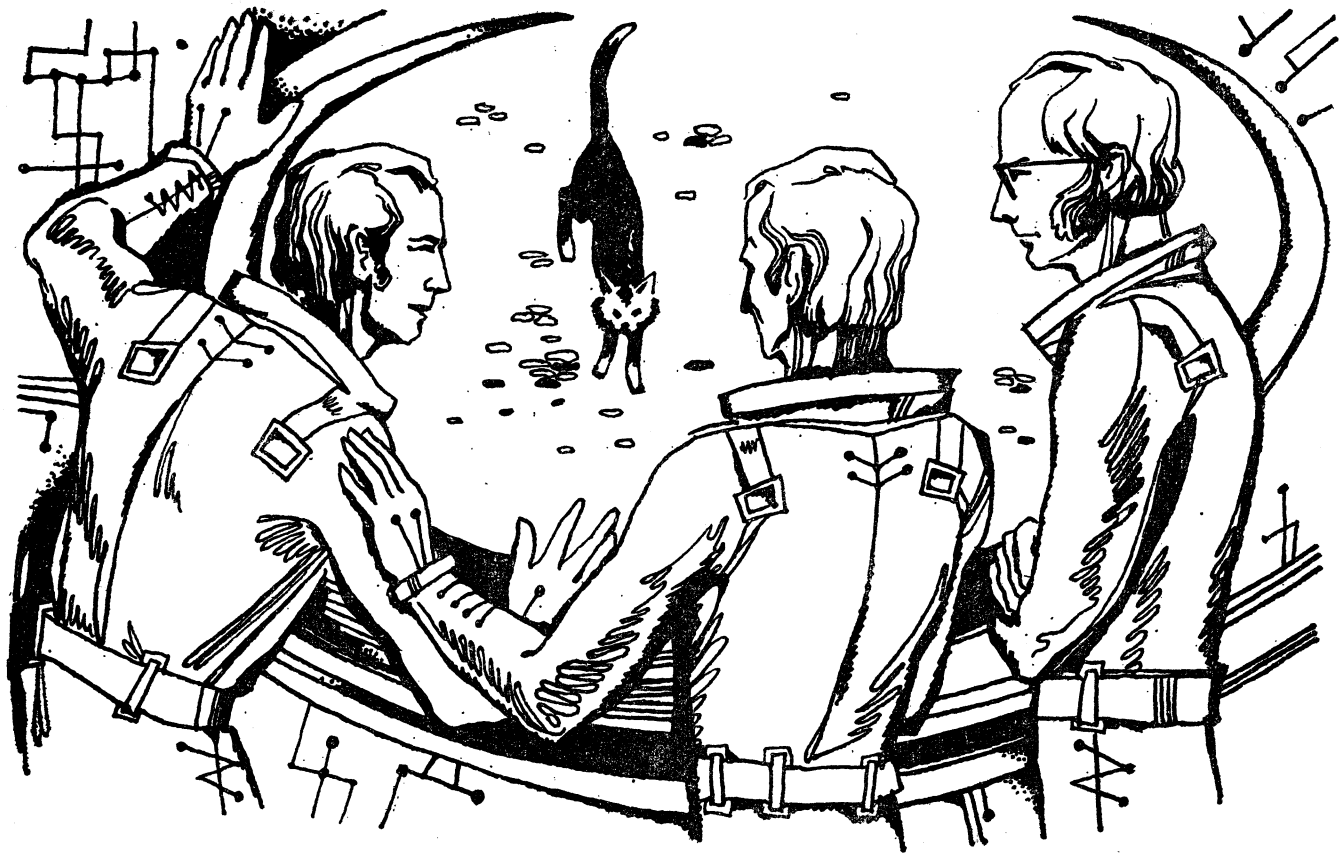
— Да... — ответил тот, неопределенно махнув рукой.

— Говорите, — разрешил капитан Кольцову. Похоже, и капитана заинтересовало, какой же это сон приснился навигатору.

— Мне снилось... — воодушевился Кольцов. — Необыкновенный сон, Сергей Петрович! Я все видел настолько ясно, как вижу стол и всех нас!

Навигатор повертел головой, наслаждаясь вниманием, которое оказывали ему капитан и команда «Радуги».

— Я видел, — продолжал он, — что на планету опустился чужой звездолет — странное сочетание конусов и цилиндра. Опустился он плавно, будто на крыльях, хотя ни крыльев, ни стабилизаторов у него не было. Так может приземлиться гравитационный корабль... Опустился он на таких же песчаных дюнах, — Кольцов кивнул на стекла иллюминаторов, где под дождем мокли округлые, уходившие к горизонту холмы. — Могу поспорить на что угодно, что это были холмы Милены и все последующее, что

мне снилось, происходило здесь, на Милене! Из корабля вышли люди, исследователи. Они были без скафандров, и я мог хорошо рассмотреть их. Рост их немного ниже, чем наш, но головы больше, массивнее. И глаза — большие, выпуклые, похожие на стекла подводных очков. На руках по четыре пальца. Это я заметил по тому, как они держали приборы: три пальца снизу и один сверху, в обхват. Назначение приборов, с которыми они вышли из корабля, я могу определить лишь приблизительно, но это было примерно то же, что и у нас в руках, когда мы первый раз вышли из «Радуги». Один из пришельцев, долговязый, повыше других, не сделав и трех шагов, наклонился и взял пробу песка...

Кольцов не замечал, как слушатели, один за другим, отставив кофе, ловили каждое сказанное им слово. В столовой повисла такая тишина, что стало слышно, как снаружи хлещет дождь по стеклам иллюминаторов. Вряд ли Кольцов рассчитывал на такое внимание: люди перестали дышать.

— Раскрылись люки, — продолжал он, — по наклонным пандусам сползло несколько машин...

— Стой! — прервал Кольцова механик Берг. — Мне снился этот же самый сон!..

— И мне, — сказал Тройчев.

— И мне!.. — оживился Сытин.

Кольцов замер на полуслове.

— И мне снился этот же самый сон, — сказал капитан.

— Одна машина была летательная, с прозрачной кабиной, — сказал Берг. — Ее тут же запустили, и трое пришельцев улетели на ней. Отмечу: ближе к кораблю видимость была лучше, вдали все затягивала дымка. Летательный аппарат исчез сразу — растворился в тумане.

— Совершенно верно! — согласился Кольцов. — Дальше...

— Дальше, — вступил в разговор Сытин, — двое исследователей отошли от корабля. Впечатление было такое, что они шли по направлению ко мне... к нам, — поправился Сытин. — Можно было рассмотреть их лица, глаза...

— Бр-р!.. — не выдержал врач Гринвуд. — Не хотелось бы мне второй раз увидеть эти глаза!

За столом наступило молчание. Стало ясно, что один и тот же сон приснился всему экипажу. Каждый чувствовал недоумение, даже страх, хотя робких на «Радуге» не было.

— Однако что же все это значит? — растерянно спросил кто-то.

Этот вопрос мог задать любой из четырнадцати членов команды...

Весь день только и было разговоров, что об удивительном сне. О корабле, о пришельцах, о машинах, выползавших из люка. Никто никогда не слышал, чтобы одинаковый сон приснился двум или трем людям одновременно, всему экипажу — тем более. В чем причина? В одинаковых условиях жизни? Но в полете условия все время были одинаковыми для всех! В однообразной пище? Вздор! Чужая планета? Может, она действовала на психику людей? Космонавты видели планеты похуже и неуютнее. Может быть, всеми овладел психоз, наваждение? Люди перед сном говорили о чем-то одном, смотрели фильм? Тоже нет. Часть команды была занята разговорами о работе, другие играли в шахматы и в трик-трак. Ничего общего!.. Может, и прежде снились одинаковые сны, но не было о них разговора?..

Никто пока не ставил вопрос, действительно ли четырехпалые посещали Милену, никто еще не связывал сон с прогулками без скафандров.

На следующую ночь сон приснился экипажу «Радуги» снова. Этот же самый — со звездолетом, пришельцами и машинами. Может быть, чуточку ярче, явственнее. Теперь все увидели, что конусы звездолета синие, а цилиндр золотистого цвета. Кожа на руках и лицах пришельцев серая, глаза черные, с синеватым металлическим блеском. Не было дымки на горизонте, о которой говорил Берг. Даль была чистой, словно вымытая дождем. Некоторые из членов команды различали звуки голосов, шум машин, заметили, что пальцы на руках у пришельцев гибкие, точно щупальца, без костных суставов.

Это походило на массовую галлюцинацию, и если прошлым утром нами владело недоумение, то сейчас на лицах можно было прочесть тревогу: что это за штуки и чем это может кончиться?.. Встал вопрос о природе сна: отражение это действительности или наведенное состояние — внушение на расстоянии? Если внушение, то кто внушает, зачем и откуда? Игра это, предупреждение или попытка контакта?

Сон повторялся и в следующие ночи. Совсем как кинофильм, — от и до. С той только разницей, что с каждой ночью становился более ярким, объемным, будто входил в нас и вообще был не сон, а явь, свидетелями которой мы были все до единого. Теперь мы видели не только цвет корабля, машин и приборов в руках пришельцев — замечали вмятины на корпусе звездолета, деления на шкалах приборов, ромбы фасеток в глазах исследователей. Эти глаза! Врач оказался прав: взгляд проникал в душу, оставлял там страх и холод металла. Пришельцы были людьми, как мы, но они были другими: с серой, металлического отлива, кожей, с жесткой щетиной на голове, щелью рта и треугольным отверстием вместо носа. Может быть, мы к ним привыкли бы, если бы контакт был

настоящий, но когда они являлись во сне, манипулируя с приборами, разговаривая между собой и не обращая на нас никакого внимания, когда это повторялось из ночи в ночь — это действовало потрясающе. Мы уже не сомневались, что все происходило здесь, на Милене: пришельцы побывали на планете раньше нас, исследовали ее и сумели оставить после себя запись о своем пребывании. Передавалась ли запись с не замеченного нами спутника или с другой планеты, — неизвестно. Спутник вокруг планеты наши приборы, пожалуй, засекали бы, радиоизлучение тоже бы обнаружили.

Проходили ночи и еще ночи, а сон не оставлял нас. Больше: он не давал нам спать. Заполнял сознание, душу, переселялся в нас. Мы не могли отдыхать. Стоило закрыть глаза, стоило даже днем присесть и задуматься, — перед глазами опускался корабль, открывались люки, выходили пришельцы. Все начиналось сызнова. До последнего слова, до движения пальца на руке долговязого, когда он вынимал щуп из песка у себя под ногами. Этого не назывешь сном, галлюцинацией, — это были кошмары, повторяющиеся с методичностью оборота колес, доводившие нас до изнеможения.

Отгадал ребус Женька Бурмистров. Явился в кают-компанию в белом халате, с глазами, красными от бессонницы, — несколько дней он колдовал над чем-то в лаборатории.

— Это вирус! — Женька держал в руках пробирку. — Все мы заражены железным кошмаром!

На дне пробирки ржавой мутью лежала окись железа.

— Мы перенасыщены вирусом, — доказывал Женька. — Вот результат анализа крови. Процент содержания железа в гемоглобине повысился. Опасности для жизни пока еще нет, вирус действует только на психику. Но будет лучше, если мы покинем Милену.

Это было крушение наших надежд. Стартовать? Бросить все и бежать?..

— Думайте, что хотите, — продолжал Женька. — Это феррожизнь, о которой я говорил. Она принесена на планету четырехпалыми. Странно, что мы не заметили их следов на планете. Но может быть, они ничего не оставили после себя, кроме вируса?

С Женькой можно было не соглашаться, но каждый задумался: не ответ ли это на мучивший всех вопрос? Да и вообще надо было подумать, что делать дальше.

Мы уже исследовали планету. Имели о ней достаточно данных. Мы могли улететь. Однако — при таких обстоятельствах?.. Четырехпалые побывали здесь раньше. Но вирус? Неужели они оставили его на планете сознательно? Для чего?.. Чтобы заставить нас признать их первыми? Заставить обратиться отсюда?..

Об этом состоялся разговор в кают-компании.

— Зловредный вирус, — утверждал Женька. — Не следовало выходить без скафандров!

Женька был хороший парень, с чувством ответственности. Считал, что не удержал нас от опрометчивого поступка. А мог бы удержать — настоять на своем, и никто бы без скафандра не вышел. Сейчас он переживал за всех.

Но в сложившейся обстановке были другие стороны.

— Это первый контакт с инопланетной цивилизацией, — говорил капитан. — Такую возможность нельзя упустить! Наша экспедиция приобретает особый смысл.

— Такой контакт сведет нас с ума, — возражал Гринвуд. — Надо немедленно стартовать! Команда была на стороне Гринвуда. Капитан не соглашался с ним.

— Нельзя допустить, — говорил он, — чтобы контакт остался бесплодным.

— Он и так не остался, Сергей Петрович, — люди измотаны.

— Вижу! — Капитан оценивал обстановку не хуже Гринвуда. — Но прежде, чем улететь, предлагаю сделать записи снов. И рисунки. Воспроизвести речь пришельцев по памяти. С чем мы вернемся на Землю?

Капитан не был бы капитаном, если бы не поставил перед нами этой задачи.

— Чем скорее сделаем записи, тем скорей улетим, — подытожил он разговор.

Рисунки, описание действий пришельцев, даже их речь зафиксировать не составляло труда. Это сидело у нас в печенках. Если один упускал какую-то черточку, она становилась на место в описании другого. Мы воспроизвели встречу с пришельцами в полном объеме.

А Женька продолжал исследовать вирус. Его предположение, что на железистую биооснову вируса действует магнитное поле, оправдалось. В локальном поле, ослабленном наполовину по отношению к магнитному полю планеты, вирус слабел, «размагничивался». За пределами магнитного поля Милены он погибнет, сны прекратятся.

Пора было стартовать. Но тут начался спор:

— Должны ли мы оставить четырехпалым весть о себе?

— Я против! — горячился Гринвуд. — Во-первых, потому, что мы не можем им оставить равноценный подарок. Очень жалею, что не можем этого сделать! Во-вторых, входить с ними в контакт... я против!

— Герман Яковлевич... — пытался смягчить резкость врача капитан.

— Оставить после себя такую пакость, как вирус, — продолжал Гринвуд. — Как они могли до этого додуматься?

— Может, не рассчитали, что эта штука будет действовать так сильно.

— На что же они рассчитывали?..

— Предупредить, что открыли планету первыми.

— Могли бы оставить обелиск, надпись...

— То, что они могли, решать не нам, Герман Яковлевич.

— А что вы предлагаете? — задал вопрос капитану Гринвуд.

Сергей Петрович — да и каждый из нас — был в затруднении. Нельзя упустить контакт с инопланетным разумом. Но что мог обещать землянам этот контакт? Судя по вирусу, — мало приятного.

— Извините, — снова заговорил врач. — Это вторая эпидемия в космосе, которую я переживаю. Никаких знаков о себе четырехпалым оставлять нельзя! Я боюсь за родную Землю.

Капитан видел сильные и слабые стороны доводов Гринвуда. Понимал, что нужна осмотрительность. Никто не давал права ему, Сергею Петровичу Попову, вступать в контакт с чужой цивилизацией. Этот вопрос должна решить Земля. Он, капитан, представит всю информацию о разумных, побывавших раньше нас на Милене. Кстати, это уже не Милена: планета имеет свое название, несомненно, данное ей четырехпалыми. Информация у капитана имеется, четырнадцать свидетельств участников полета. Но, пока все живы, надо выбираться отсюда. Если Земля решит установить контакт с четырехпалыми, на планете будет построена исследовательская станция. Встреча рано или поздно состоится.

Капитан отдал приказ готовиться к старту.

На прощанье облетели Милену. Планета была действительно хороша...

Она и сейчас красива — даже лучше: на ней развели леса, уже насчитывается двадцать два города. Грини — четырехпалые — уступили ее землянам. Они вовсе не такие плохие ребята, как о них подумал экипаж «Радуги». Сейчас об этом знает каждый ребенок... Правда, в их организме больше железа, у них другой цвет лица и другая кровь. И кислорода им нужно минимум, — в богатой кислородом атмосфере грини быстрее старятся. Милена оказалась для них не очень-то подходящей планетой. Грини посетили ее за две сотни лет до прилета землян. За это время они открыли массу планет, более пригодных для них, чем Милена. А Милену отдали нам и даже сняли свое название — Хаттль. И вирус они уничтожили сразу. Ничего страшного в вирусе не было. Он действует только на психику, да и то в определенных границах. По мнению грини, это идеальный способ знакомить с собой гостей из других миров. Сон запоминается во всех подробностях. А с изменением магнитного

поля исчезает. Экипаж «Радуги» освободился от снов, как только выскочил из магнитного поля Милены.

Грини охотно пошли на контакт с землянами. Ведь они люди, такие, как мы. И как галакты с Арктура, — кто теперь об этом не знает? И никто в космосе никого не боится. Потому что взаимное уважение — высший критерий в отношениях между цивилизациями.

Черноглазый мальчик перевел дух:

— Я кончил.

Провел рукой по лбу, стирая испарину. Ему очень хотелось получить высший балл.

После минутного молчания заговорил электронный педагог:

— Хорошо, Шахруддинов. Вы осветили вопрос достаточно. Хотя чуть-чуть торопились и кое-что передали в вольной интерпретации. Например: «Женька Бурмистров...» Его звали Евгений Павлович.

— У меня друг — Женька Задоров, — пытается выправить дело Шахруддинов. — Он все время маячил у меня перед глазами... И космонавты с «Радуги» называли Бурмистрова — Женька.

— То — космонавты, — мягко поправляет ученика педагог, — а то — вы, Элам...

После секундного размышления Элам соглашается:

— Понимаю.

— И еще, — продолжает педагог, помигивая зелеными индикаторами. — Следовало рассказ вести от третьего лица, а вы, Элам, вели рассказ от первого лица. Этим вы оживили повествование, но получилось, будто вы были непосредственным участником экспедиции. Кстати, именно поэтому вам не всегда удавалось выдержать тон повествования. И последнее: следовало бы добавить, что название планеты Тройчев придумал в честь своей невесты Милены Бранко и что у кошки Муфты никаких снов не было...

— Можно, я добавлю сейчас? — спрашивает Элам, видя, что из шестнадцати глазков на панели зажглось четырнадцать — окончательная оценка его ответа. Эламу очень хочется все шестнадцать.

— Нет, — говорит педагог. — Сейчас добавить нельзя. Надо все делать своевременно. Идите и отдыхайте. Четырнадцать баллов — совсем не плохая оценка, Элам. Право же, — очень хорошая!..

ЛЕДНИК

**Виктор
ИВАНОВ**

Забывтый богом и веками,
В тунике льда заледенев,
Угрюмо шевельнулся камень
В седой холодной тишине.

Вздыхнул почти по-человечьи,
Уперся лбом в могильный лед,
Расправил каменные плечи
И тихо двинулся вперед.

И пробудил седые скалы,
Ледник могучий пробудил,
И трещин грозные оскалы
На склон крутой оборотил.

Еще чуть-чуть — и боевые
Низринутся за рядом ряд.
От сотворения немые,
И лед, и камень затрубят.

И в бешенстве неодолимом,
Сверкнув, как лезвие ножа,
Они промчатся по долине,
Все на пути своем круша!

Но терпелива жизнь земная.
...На разоренных берегах,
О тяжких днях напоминая,
Осядут камни на века.

Растает лед, земля оттает,
И по весне у валуна
Взойдет травинка молодая,
Живою силою полна...

- ◆ **Рыба ищет,
где выше**
- ◆ **Предки и природа**
- ◆ **От топота копыт...**
- ◆ **Дружная роща**
- ◆ **Сосновый лес
противопоказан...**
- ◆ **Размышления
перед выстрелом**
- ◆ **Вернусь через
300 лет...**
- ◆ **Голубой огонь
и голубое небо**
- ◆ **Воду
очищает вода**
- ◆ **Наступать,
но без атак**
- ◆ **Учеба
на охотника**

Даже специалистов поражает факт, что форель, завезенная из озера Севан, становится в высокогорном озере Иссык-Куль в пять раз крупнее и достигает двадцати килограммов.

Этому явлению найдено объяснение: не только рыбе, но и тушканчику, архару, козерогу живется там лучше, чем выше место его обитания. На высоте более благоприятная влажность воздуха и радиация, атмосферное давление и температура, а также здесь растут и очень питательные травы.

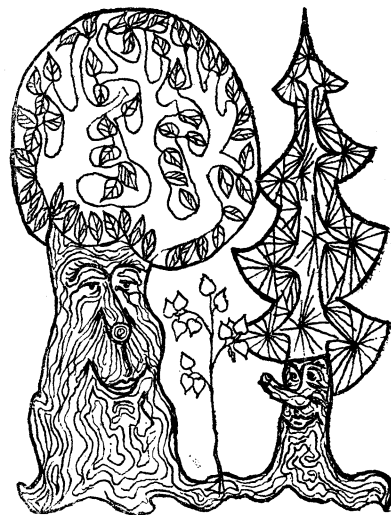
Биологи исследовали палеолитические и более поздние памятники Южного Зауралья. Установлено, что поймы рек уже в раннем железном веке попадали под влияние хозяйства оседлых скотоводов, а степь отошла во владение кочевников. Кто наносил природе больший ущерб — кочевники или те, кто одомашнил овец и крупный рогатый скот?

Растения и дикие животные, обитающие у рек, «столкнулись» с чуждыми им одомашненными животными и вынуждены были пережить экологическое потрясение. Постоянное же передвижение стад кочевых племен в степи мало чем отличалось от поведения стад неприрученных копытных и потому это скотоводство не изменило жизнь степных растений и зверей.

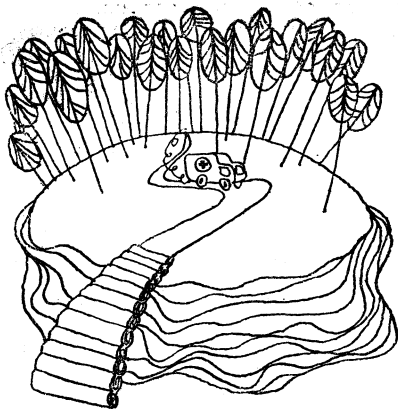
Так, изучая историю хозяйствования пращуров, биологи выявля-

ют логику перемен во взаимодействии человека и природы, извлекают уроки прошлого.

Десять лет экологи Таджикистана изучали те высокогорные пастбища, на которых было чрезмерно много скота. И обнаружено: беда не только в том, что под множеством копыт уменьшается количество съедобных видов растений, а главным образом в том, что на истоптанных лугах возникают сообщества вредных насекомых, и они распространяются, ко всему прочему, на совершенно благополучные пастбища.

Многолетний эксперимент показал, что в чистых лесных насаждениях — или сосновых, или березовых, или еловых — молодых деревьев гибнет на двадцать процентов больше, чем в смешанных посадках. Разные породы «помогают» друг другу минеральными веществами (через почву) и оттого растут гораздо быстрее. Корни питомцев смешанной рощи разветвленнее, мощнее и проникают в грунт на целых полметра глубже.

Уральские ученые доказали, что не всякому человеку полезны для здоровья прогулки в сосновом лесу. Воздух хвойных лесов благотворен для всех здоровых людей, он целобен для легочных больных и тех, кто страдает гипотонией. А вот больным бронхиальной астмой, стенокардией сосновый бор противопоказан. С мая — по октябрь. В это время, особенно в июле — августе, в воздухе сосняков много летучих веществ, которые и вызывают спазм мельчайших бронхов.

Экологи регулируют промысловую охоту...

В Нижнем Приамурье и на Сахалине соотношение полов у речной выдры довольно устойчивое: чуть больше самцов. Молодых выдр — около двадцати процентов. Вывод специалистов: добыча зверей не должна превышать десятой части популяции.

Подобные рекомендации дальневосточные экологи дают и для охоты на соболя, лисиц и бурых медведей.

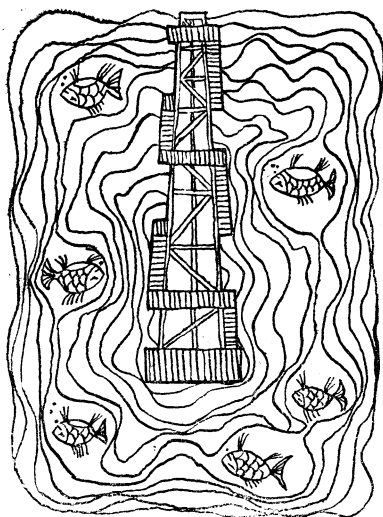
Объектом внимания свердловских ученых были старые отвалы пустых пород Самского и Талинского месторождений бурых железняков, расположенных в тайге на восточных склонах Урала. Исследователи решили дать ответ на вопрос: когда на эту землю, ставшую безжизненной, вернутся трава, кустарники, деревья?..

На отвалах уже возникли растения, образуется почва, но на формирование такой почвы, какой ей надлежит быть в этом географиче-

ском районе, потребуется три с лишним века. Чтобы быстрее вернуть жизнь на эту землю, нужна рекультивация.

Обычно котельная выбрасывает одной только пыли до четырехсот тонн в год на квадратный километр. Дым котельной трудно поддается очистке.

Газ Тюменщины, заменяя в топках уголь и мазут, очищает воздух над уральскими городами. Природный газ сгорает без остатка, и продукты его горения — углекислый газ и вода — безвредны. Ближайшие перспективы: Урал будет потреблять 60 млрд. кубометров тюменского газа.

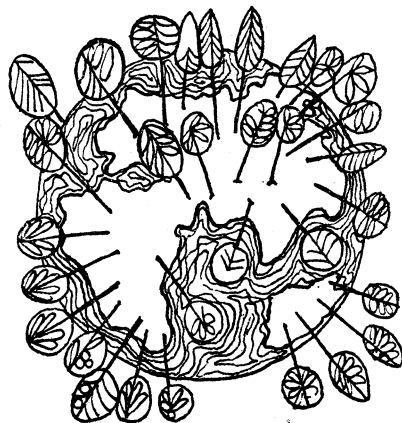

Кислые шахтные воды, оказывается, могут очищать городские сточные воды. К этому выводу пришли научные сотрудники одной из лабораторий Уральского научно-исследовательского института Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Памфилова. Стоки, очищенные таким способом, приближаются по качеству к обычной воде, она годна для технических нужд. Такая очистка в два раза дешевле биологической.

В нашей стране под нивы и пашни уже занято более шестисот миллионов, а прибавится скоро за счет орошения и осушения еще двадцать пять миллионов га земли. На такой огромной территории — окультуренная природа. Каких вредителей растений здесь больше или меньше, чем на земле, не тронутой плугом?

Экологи установили: на сельскохозяйственных угодьях всех районов не в меру распространились плодовые полевки. Тут для них — надежная кормовая база. Справиться с ними можно, утверждают исследователи, надо только планомерно повышать культуру агротехники и настойчивее вести профилактику пашен, а не полагаться лишь на истребительные атаки на грызунов в годы их массового размножения.

Каждый охотник должен знать, где сидят фазаны... Знать, чтобы не выстрелить по этим теперь редким птицам. Лекции и беседы по биологии птиц и зверей, охране и ведению охотничьего хозяйства слушают 16—17-летние ребята в двухгодичной школе юных охотников, организованной в Советском районе Новосибирска.

«Я слышал, что глаза умирающих людей запечатлевают то, что видят в последнее мгновение. Так ли это?»

П. Вескишкин,
г. Барнаул.

ТАЙНА ГЛАЗ

Явление, о котором будет сказано ниже, до сих пор исчерпывающе не объяснено наукой. Речь идет о «феномене последнего образа», когда на сетчатке глаза умершего существа отсается отображение последнего, увиденного живым глазом предмета...

Первооткрыватель сего феномена — ученый-иезуит Шайнер, проводивший опыты в начале семнадцатого века. Однако первую попытку использовать изображение на сетчатке трупа в интересах следствия сделал французский врач Бурион. В 1868 году он сфотографировал глаза убитой женщины и на получившемся снимке увидел преступника, замахнувшегося ножом на собаку, которая бросилась помочь своей хозяйке. «Фотоглаз» вызвал жаркие споры в Парижском обществе судебной медицины. Снимок Буриона сочли расплывчатым, а также вообще была провозглашена принципиальная невозможность оптического феномена.

В 1897 году вышел в свет роман французского писателя Жюльа Кларети «Обвинитель». Сюжет книги был навеян сообщением Буриона, роман имел успех. В Германии он вышел под названием «Глаз мертвеца», в Польше — «Портрет-обличитель», в Англии — «Тайна портрета». Его фабула: в Париже совершено убийство, следователя привлекают глаза убитого, «...еще не остеклевшие, широко раскрытые, чем-то пораженные, горящие яростью, угрожающие, как бы исполненные живой жалобы и мести». Делают фотоснимок сетчатки убитого и обнаруживают портрет. Выявляют круг знакомых покойного и арестовывают одного из приятелей, очень похожего на того, с сетчатки глаза... Однако позже было установлено полное алиби подозреваемого. Неужели вправду ошибка? В конце концов авантюрный роман заканчивается поимкой настоящего убийцы. Он совершил преступление в то время, когда потерпевший разглядывал портрет приятеля, который и отображался в его глазах...

В конце 19 века русский юрист П. Макалинский сообщал о том, что американская полиция успешно применяет фотографии «последнего образа». Это было бурное время множества научных открытий и дешевых сенсаций. Так, на фотовыставках в Москве и в Петербурге в 1891 и 1892 годах некий Фортейль демонстрировал фотоэкспонат, представляющий, якобы, контрнегатив с оригинальной фотографии. На изображении можно было видеть нечто, напоминающее бюст человека. Сообщалось, что оригинал выполнен в 1878 году одним фотографом из Саратова с глаза трупа, и по этому отражению нашли убийцу. Примерно к тому же времени относится га-

зетное сообщение, где описывалось убийство целой семьи в украинском городке Веприк. При фотографировании полтавским фотографом глаз одного трупа выявлено изображение человека в белой рубашке...

Известный русский криминалист и основатель судебной фотографии Е. Буринский с иронией вспоминал, как в 1891 году его пригласил в Петербургскую тюрьму товарищ прокурора. Он просил знаменитого эксперта с помощью фотографирования узнать, кто убил ночью сонного надзирателя, причем удары преступник наносил сзади. Сам Буринский скептически относился к возможности отображения на сетчатке трупа, хотя, не имея медицинского образования, не занимался вообще этой проблемой.

В нашей стране случаи использования подобных фотоизображений относятся к 20-м годам этого века. Так было раскрыто убийство группы лесников в Тамбовской губернии. Однако позднее юристы и судебные медики не пытались изучать это интересное явление. Оно выглядело в глазах специалистов обывательской выдумкой. Отсутствие теории надолго затормозило исследование проблемы, несмотря на довольно простую методику получения предметного образа, доступную даже медикам-студентам. Для «закрепления снимка» глазное дно обрабатывается раствором квасцов.

Прослеживая попытки внедрения «предсмертных фотографий» в следственную практику, можно прийти к выводу: «снимки из глаза» — весьма хрупкая ветвь судебной медицины. Ведь изображение на сетчатке погибшего появляется очень редко. Работники же следствия не могут опираться на столь зыбкий метод. Что ж, «глаз мертвеца» — это лишь курьез из области физиологии?

В последнее время наука меняет привычные представления об органах чувств человека. Английские ученые, например, экспериментально установили, что нервные клетки глаза кролика способны не только «запоминать» местонахождение и освещенность предмета, но также направление и скорость его движения. Это совершенно новое представление о возможностях органов зрения. И, наконец, совсем недавно украинские ученые обнаружили, что глаз записывает изображение предметов и потом воспроизводит их как телевизор... Но это уже иная тема, и здесь исследователей ожидает много удивительных открытий.

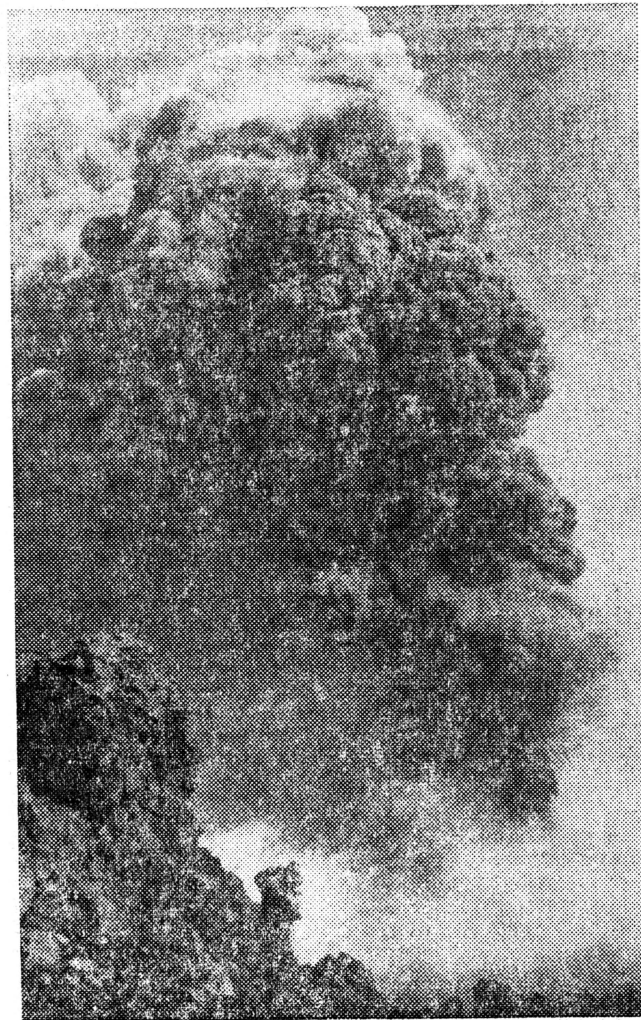
Н. ЕРМАКОВ,
Н. КИТАЕВ

В ГОСТИ К ТЯТЕ

**Анатолий
МОТЫРЕВ**

*Рисунки
А. Кирпикова*

О легендах, традициях и подвигах

...На Курильских островах 39 действующих вулканов. Неповторим по своей красоте и правильной геометрической форме вулкан Тятя, расположенный на острове Кунашир. По виду он представляет два усеченных конуса, строго симметрично расположенных один над другим. Это поистине уникальное создание природы...

Из книги «Область на островах»

В 1956 году человек наблюдал самый сильный из вулканических пароксизмов столетия. Камчатский вулкан со скромным именем Безымянный выбросил столько кубических километров вещества, что, случись это например, в Париже, огромный город был бы погребен под 15-метровой толщей. За день вулкан выделил энергии столько, сколько вырабатывает Куйбышевская ГЭС за год. Его пепел, подхваченный воздушными течениями, вскоре достиг Северного полюса, а на четвертый день вулканическую пыль заметили над Англией.

Но несмотря на ярость извержения, люди не пострадали: к счастью, ни одной живой души в радиусе 45 километров от Безымянного не было.

Тятя — неожиданно «заговоривший» 14 июля 1973 года — иное дело: на Кунашире живут тысячи людей. На ближайшем Шикотане на путине работали студенты.

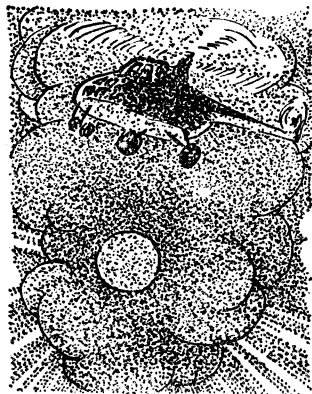
Родители забрасывали их сотнями тревожных телеграмм. И тревогу эту можно было понять.

Слово «вулкан» сразу вызывает у нас в памяти картину Брюллова «Последний день Помпеи». Две тысячи лет назад погиб этот город. Перечень потерь, понесенных с тех пор человечеством от вулканов, занял бы, наверно, десятки страниц. Вулкан Мон-Пеле в несколько мгновений уничтожил 70 лет назад раскаленным облаком цветущий приморский город Сен-Пьер на Мартинике с его 30 тысячами жителей. Бандай-Сан сжег в 1880 году в Японии семь деревень. В 1883 году извержение Кракатау унесло 36 тысяч жизней и вызвало в Яванском море бурю с волной высотой в 30 метров. Пепел Кракатау затмил солнце над Японией, а громopodobный голос вулкана был услышан за 4 тысячи километров в Австралии.

«Дух Эмпедокла» — так образно назвал главу своей книги о вулканологах страстный исследователь вулканов Гарун Тазиев. Этот дух, это стремление к познанию вдохновляли сотни отважных естествоиспытателей. Вам, вероятно, ни о чем не говорят фамилии В. Ф. Попкова, И. З. Иванова? А ведь они впервые в истории, в 1938 году, совершили поразительный подвиг — дрейф по лавовому потоку на слегка затвердевшей коре лавы. Под ними kloкотала 800-градусная река расплавленного камня, а они плыли на ней, на горячей базальтовой «льдине», чтобы измерить температуру лавы и взять пробы газов!

...Извержение на Тяте началось не из основного, а из бокового кратера, образовавшегося на его склоне. Пострадавших не было. Все находившиеся вблизи люди были эвакуированы в первые часы извержения. Лишь вулканолог Сахалинского комплексного научно-исследовательского института во главе с доктором геолого-минералогических наук Евгением Константиновичем Мархининым остались на «своем рабочем месте» — они работали в те дни у подножия Тяты и их первыми озарил он своим огнем. Это им в помощь была сформирована вторая группа вулканологов, в которую вошел молодой сахалинец Сергей Рязанцев, чьи дневниковые записи о походе к свирепствующему Тяте и являются основой настоящего очерка.

Стойкость

Тревожное чувство опасности всегда в той или иной мере таится в сердце каждого, поставившего своей целью быть в непосредственной близости к вулкану, жить в его грохоте, проходить сквозь тучи дыма и газа...

Гарун Тазиев.
«Кратеры в огне».

...Самолет доставил нас в Южно-Курильск. Обстановка здесь, в центре Кунашира, была самая обычная, трудная. Никакой паники. К пробуждению вулкана на острове отнеслись без легкомысленного «авось», но и без страха — трезво взвешивая все возможные последствия. Из ближних к Тяте поселков вывозились люди. Тем временем извержение продолжалось. Правда, лава не шла, но туча поднялась на высоту до 7 километров и отчетливо просматривалась из Южно-Курильска. Ветер донес пепел до соседнего Шикотана, пришлось остановить там консервные заводы — нельзя, чтобы пепел попадал в консервы. На самом Кунашире «каменная пудра» сеялась с неба день и ночь.

Попутным судном идем на Шикотан. У Дома культуры нас встречает афиша. «Сегодня состоится футбольный матч сборной студотряда — «Голубой меридиан» со сборной комбината «Островной». Вулкан был не в силах встать на пути всемогущего футбола.

Тятя прибавил хлопот шикотанцам: мыть, чистить, носить временами марлевую повязку, чтобы не дышать пылью. Да и слухи ходили здесь тогда самые разные. И заявления об уходе с работы подавали — не единицы. Никто все же не уволился. Паники не было. Ей была противопоставлена уверенность, выдержка и мужество. Люди работали и давали по 2—3 нормы. Все шло как обычно.

Для работавших здесь на путине 2600 бойцов студенческих отрядов Тятя стал юмористической мишенью. О нем складывали частушки, на него рисовали карикатуры в стенгазетах. «Нью-Васюки» — шахматный центр Шикота-

на — вывесил заповедь для шахматистов и болельщиков: «Окурки бросай только в пепельницу — в азарте не уподобляйся Тяте!» А штаб «Голубого меридиана» откликнулся на извержение специальным приказом:

«Всем понятно, что Тятя нам во многом поднапортил настроение, плюется, паршивый, пылью своей вулканической, таблицей Менделеева начиненной. Какая bestия разбудила его через 161 год? Спал бы еще лет триста! Но штаб уверен, что все бойцы отряда настроены оптимистически...»

И настроение у студентов было действительно бодрое.

Снова грузимся на корабль, который доставит нас прямо к Тяте в гости.

Слушаем первые рассказы очевидцев.

— Была суббота, — рассказывал рыбак Иван Григорьевич Голик. — Ребята занимались сетями, вязали наплава. А я искупаться решил. Зашел по пояс в море. Вдруг вижу — крабы! К берегу ползут. Насчитал 29 штук. Столько лет рыбаку и никогда тут крабов не видел. Даже в невод не попадались...

Любопытная деталь! Может, крабы почувствовали симптомы близящегося извержения?

Житель Урвитого Виктор Докучаев вспоминал:

— В поселке мы стали держаться сообща. К морю идти было тяжело. Пепел засыпал глаза, стало трудно дышать. А потом пошел дождь и похолодало. Временами раздавался гул. Страшно было, но никто не потерял головы. Связи не было, но мы знали — помощь придет, да и не на век же эта мгла!

Они не слышали, как неслись в эфире и по проводам тревожные слова: антенна в поселке была оборвана, телефонная линия где-то замкнулась и к тому же атмосфера была так насыщена электричеством, что телефонную трубку и ту в руки невозможно было взять — из нее било током.

Люди не слышали гула вертолетов, которые так и не смогли тогда пробиться сквозь начиненную молниями пеплопада завесу.

Но в эти часы сторожевой пограничный корабль, один из многих, несущих дозор на тихоокеанской границе, уже полным ходом спешил на выручку.

Высадившись под грохот вулкана, моряки отправились искать урвитовцев, пытавшихся выйти из пеплопада. Темноту освещали сигнальные ракеты. В такой обстановке перевезли на борт 79 человек. Их накормили, уложили спать. Все матросские койки были отданы детям и женщинам.

К сердцу дьявола

*Шлак под ногами горяч,
Шлаковый конус крут,
Божбы летят, как мяч,
Божбы дымят вокруг.
Пепел — в глаза и в рот.
Взрывы — как свет
зарниц.
Черный, как деготь, пот
Капает с наших лиц...*

Е. Мархинин

Светает. Корабль покачивается на волне. В утреннем тумане слабо различаются размытые контуры берега. Через несколько минут мы прыгаем с понтона на пляж Урвитово. Он песчаный и пепельный.

Нашу группу поведут вулканолог Виктор Бернштейн и геоморфолог Владимир Грабков (он руководитель группы). Тема диссертации Владимира — проблема происхождения Курильских островов. Он, как и геолог Васильев,

побывал у кратера 16 июля — мог ли упустить случай увидеть своими глазами, как в наши дни продолжается процесс, о котором он пишет в диссертации?

На рыболовецком кунгасе добираемся до места, где с 11-метровой высоты падает в море река Птичья. Наш путь от водопада — вверх по реке. Здесь лес, как после обильного снегопада, ветви гнутся под тяжестью — но не от снега, а разломленного «жерновами» вулкана тончайшего каменного порошка. Заденешь рюкзаком за дерево — и пепел летит за шиворот.

Завалы то здесь, то там. Обходим их вброд. Подъем становится все круче, а река все порожистей. Падает в поток Бернштейн, мокрый поднимается и снова купается, но уже в облаке пепла.

В туче пыли карабкаемся по песчаным обрывам, хватаемся за стебли бамбука, за корни деревьев искалеченных, вывороченных. Некоторые стволы разнесены в щепки. Все больше каменных глыб, песка. Это работа вулкана. Но ведь кратер — по другую сторону горы! В чем дело?

Песок горяч. Пахнет не то серой, не то скипидаром. Из-под земли вырываются струи газа — фумаролы. И вот мы видим две гигантские воронки. Так вот оно что! Это маары. Здесь гремели взрывы, но извержение пошло не через эти воронки. Вся мощь подземных сил вулкана прорвалась на другом склоне. Но и этой энергии, которая выделилась здесь, хватило, чтобы на многих квадратных километрах обратить могучий лес в щепки, похоронить овраги и ручьи под толщей песка и каменных обломков, разорвать тело земли огромной трещиной.

Мы идем и идем — то круто вверх, то скатываемся в ложины и овраги. Здесь нет тропы. Здесь нас ведет интуиция Грабкова. Шагаем, как заведенные автоматы. Исчезает чувство времени и опасности тоже. Вот глубокий овраг. Недавно в нем тек ручей. Сейчас на дне — только камни. Овраг преграждает путь. Обойти его можно только по крутому сыпучему откосу. На четвереньках карабкаемся вверх. Прошел Грабков, прошел Кречетов. Полез и я. И вдруг чувствую: масса пепла и песка обнаруживает намерение сползти вместе со мной вниз, в ущелье. Замираю. Бернштейн, страхуя, хватается меня за руку.

Круче подъем. Ближе цель. Последние часы. Последние метры. И вот — конец пути! Перед нами ровное плато. В его центре возвышается четырехметровый холм. Тятя — типичный «вулкан в вулкане». Мы стоим на площадке, которая когда-то была кратером. Затем более свежее извержение насыпало тут новый шлаковый конус.

А впереди клубится пепловая туча, вырывающаяся из нового, самого юного кратера — он расположен метров на 800 ниже нас. Торопимся пересечь площадку. С ее противоположного края кратер как на ладони. Мы видим, как взрывы выбрасывают на сотни метров в небо стаю, кажущихся отсюда маленькими, темными, а на самом деле большими и раскаленных докрасна вулканических бомб... Жутковато!

У входа в ад

*В чреве вулкана
лава бурлит.
Глазом кровавым
кратер горит.*

Е. Мархинин

У наших ног — поистине вход в ад. А здесь, на полуторакилометровой высоте, — рай! С наслаждением умываемся ледяной водой огромного ледника. Кончается июль,

а тут на высоте — десятки тысяч кубометров сверкающего снега лишь слегка подтаявшего, образовавшего кристально-прозрачное озерцо. Оно не замутило пеплопадом. На черной равнине бывшего кратера зеленые пятна кедрача, лиловая россыпь незнакомых горных цветов. Свежий ветер. Солнце и голубое небо. Поют птицы. Как странно слышать их щебет.

Темнеет. Поднявшись на сомму — возвышенность, которая кольцом окаймляет эту площадку, — мы, как завороченные, смотрим вниз, в новый кратер.

При свете дня не видно пламени. А ночью, вслед за взрывами, кратер изрыгает алые столбы огня. Глаза слепят бесчисленные вспышки молний, грохочет гром. Мирады частиц, улетающих к небу из кратера, электризуют пепловую тучу, она вся блещет сполохами.

А где же лавовый поток? Его нет. Первые очевидцы приняли за него это красноватое свечение газов.

Нагрейте бутылку шампанского — пробка со взрывом вылетит, и газ увлечет за собой содержимое. В гигантских размерах здесь происходит то же самое. Глубоко под земной корой в расплаве магмы растворены газы. Но вот их давление превысило чудовищное давление пород — и произошел взрыв. Вырвавшиеся из кратера, этого «горлышка бутылки» диаметром в сотни метров, газы увлекают за собой содержимое недр.

Мы охвачены глубоким волнением, ведь стоим сейчас на самой «живой» точке планеты. Мы присутствуем при работе «планетарного насоса», перекачивающего вещество из мантии Земли на ее поверхность. Так идет строительство мира.

В этом пламени перед глазами встает все огромное «огненное кольцо», опоясывающее Тихий океан. Алеутская цепь вулканов смыкается с Камчатско-Курильской дугой, южнее — вулканы Японии, Филиппинская дуга, вулканы Индонезии. А по ту сторону океана — дуги Анд, Кордильер... Здесь, на стыке океана и материков, толщу Земли прорезают гигантские трещины. Плутон-созидатель продолжает свое творчество.

«Мы не можем противостоять землетрясениям, наводнению, извержению вулкана, — писал Гарун Тазиев. — Миллионы лошадиных сил или киловатт, прирученные наукой, — ничтожный пустяк по сравнению со всемогуществом, проявляющимся в малейшем содрогании земного шара. И, вместе с тем, природе человека чуждо смотреть, сложа руки, на то, что кажется превыше его сил. Он покорила море, победил полюсы, он близок к завоеванию гор...»

Чтобы завоевать, надо прежде всего познать. И наутро ученые спускаются к кратеру. Потом Володя Грабков будет важничать: «Какие я сделал снимки!» Поздно вечером, уставший, весь черный придет к костру Борис Иванович Васильев и, прихлебывая чай, скажет:

— «Чемоданы» там летели приличные. Один шлепнулся между нами. Хорошо хоть, что вулканические бомбы не взрываются. Но вообще-то впечатление уже не то, что в первый раз...

— В первый раз страшно было?

— Страх — нет, не то слово. Было какое-то... приподнятое настроение. Особый подъем. Слово идешь на медведя.

На медведя ему приходилось ходить.

Но зачем же все-таки человеку ходить к кратеру, что он там забыл? Испытать себя, проверить свое мужество? Нет, просто нужно взять пробы пород и газов, выброшенных вулканом. Затем как можно точнее определить параметры кратера. Записать шумы действующего вулкана. Зафиксировать фазы извержения на кинолентку.

Для ученого здесь нет экзотики. Есть работа. Очень опасная и нелегкая. Но есть в этой работе какой-то властный зов, неудержимо влекущий человека сюда, на передний край миротворения.

Анатолий Шкунков бегал с кинокамерой по дымящемуся фумаральному полю, а для пущего эффекта заставил нас надеть каски. Шкунков кричал:

— Ну, давай, давай! Ну, давай!

Ему нужен был взрыв, а вулкан медлил. И он погнался его как лошадь.

— Ну! Вот сейчас бабахнет, и ты иди в кадр! Николай Николаевич! Черт собери, да не смотри в объектив. На кратер смотри!

Взрыв.

— Ну пошел! Стоп! Делаем дубль...

А взрывы гремели и гремели. Шкункову было сейчас плывать на летящие бомбы, на все, кроме будущего фильма. Он не видел даже того, что рядом с ним стоял магнитофон геохимиков. И когда у костра мы решили прослушать запись голоса вулкана, из магнитофона вслед за паровозным пыхтением, уханьем, грохотом вдруг раздался крик нашего темпераментного оператора: «Черт возьми, куда же ты выходишь из кадра!...»

Между тем поведение вулкана стало заметно меняться. Туча над кратером уменьшилась. Резче стал гул взрывов. Тяжелее таранные удары. Тело горы прорезала трещина. Вечером я чуть не свалился в нее, а ведь еще утром трещины тут не было. Что предвещает все это? Конец извержения? Излияние лавы? Взрыв главного конуса?

Мы смотрим туда, где далеко на горизонте в лучах заката поблескивает море. Путь, которым мы прошли, скрыт сейчас клубящейся серой пеленой. Что там происходит: ветер поднял пепловую бурю? А может, началось извержение мааров?

Наконец, лагерь затихает. Засыпают ученые. Засыпают в их рюкзаках уже застывшие образцы продуктов извержения, еще несколько часов назад бурлившие в глубине Земли. Звездная ночь опускается на вулкан.

Путь через кратер

И все же, хотя человеческая жизнь и дороже всего, но мы всегда поступаем так, словно в мире существует нечто более ценное, чем человеческая жизнь. Но что?

Сент-Экзюпери.

Прошло четыре дня, как мы вышли из Урвитова. Продукты взяли лишь на трое суток. Мархинин так и не пришел. Что встало на его пути — взрывы мааров, пепловый туман?

«Если я через два дня не приду, принимайте решение самостоятельно», — сказал он на прощанье.

Пора принимать решение.

Его подсказал Тятя. Когда мы утром поднялись на сомму, то увидели внизу, в голубоватой дымке, овальные четкие очертания кратера. Увидели впервые — раньше он был закрыт тучей взрывов. Теперь только белые фумарольные струи били вверх по кромке его конуса. Да изредка из жерла вылетало светлое облачко и глухо доносился взрыв. Это была уже не беспрерывная канонада, а отдельные выстрелы. Туча, висевшая над кратером, уходившая в небо на километры, причинившая столько забот людям, исчезла. Подземные глубины перешли

на «бездымный» порох, да и он, кажется, иссякал. Так вот что означала вчерашняя перемена в поведении кратера! Извержение угастро на наших глазах. Вулкан устал.

И мы решили спуститься вниз, пройти вблизи кратера к берегу моря, а затем по побережью кружным путем вернуться в Урвитово.

Конус кратера — гора, насыпанная за две недели, диаметром у основания, наверное, больше километра и высотой до 150 метров.

А что если залезть на самый конус? Интервал между взрывами, по нашим подсчетам и наблюдениям, теперь примерно полчаса. Правда, неизвестно какой силы будет очередной взрыв и в какую сторону полетят камни... Но можно ли отказаться от соблазна подняться на только что возникшую гору — туда, где еще ни разу не ступала нога человека, — и заглянуть в самое жерло?

И мы решились. Поднялись. Парят фумаролы. Рядом с моим рюкзаком из-под горячего шлака струятся белесые дымки. А внизу, в жерле, тяжело плещется алая лава...

— Последний взрыв был 25 минут назад, — замечает Васильев.

По кругу идет фляжка: жарко... 25 минут назад... Значит, через пять минут...

— Володя, веди свою группу — вон за тот холм, — там безопасней.

— А вы, Борис Иванович?

Спускаемся с края воронки. Взрыв. Никого не задело. Вулканические бомбы упали на внутренние стенки кратера. Теперь можно не опасаться каменной картечи — в запасе, по крайней мере, полчаса. А где же Васильев и его геологи?

Наконец появляются геологи Васильева.

— А что я мог сделать, — лукаво разводит руками Борис Иванович. — Это все Шкунков. Решил снять кратер, а в кинокамере что-то заело, стал перематывать пленку, да в спешке перемотал не той стороной. Кричит: «Бейте меня ногами, делайте со мной что хотите, но подождите, сейчас снимаю!» Мы ему были нужны для фона, как статисты...

Шкунков стоит рядом с самым невозмутимым видом. Швейк в бочке с пироксилином! Но только так, наверное, и достаются редкие кадры!

Мы продолжаем путь. Перед нами разворачивается потрясающая панорама. Тут только три краски. Синяя — небо. Черная — шлаковые холмы. И белая — полузасыпанные, изломанные стволы и ветви. Это не земной ландшафт. Наши сапоги поднимают пыль с поверхности, как будто на незнакомой планете. Наверное, так шагали по Луне космонавты.

Идем по черному каньону. Мелкий шлак и пепел засыпал какой-то ручей. Спускаемся в черное ущелье. Идти легко, как по асфальту, но и жарко, словно в асфальтовом котле. Быстрее вниз, к побережью. Умерший ручей окажет нам последнюю услугу — выведет напрямик к океану.

С наслаждением ныряем в холодные волны. Поем во все горло: «И на Тихом океане свой закончили поход!..»

Рано поем! Наш поход далеко не закончен: до базы еще много километров. И каких! Мы идем по лесу. Полуметровый слой пепла тяжким грузом пригнул к земле ветки елей и пихт.

Но оказывается он, этот пепел, — источник жизни! В самой вулканической стране — Индонезии, где в среднем раз в три года происходит катастрофическое извержение, где вулканы погубили десятки тысяч жителей, крестьяне, тем не менее, упорно стремятся к опасному соседству с огнедышащими горами: необычайно плодородны вулканические почвы! Вулканы-губители кормят многие миллионы людей.

В пепле извержения — огромное количество легко растворимых солей азота, калия, кальция. Это великолепное «удобрение Плутона». Не случайно на Камчатке после извержения собирают особенно обильные урожаи. Вулканы-разрушители. Вулканы-жизнетворцы.

Мы — дети вулканов

Но всего чудесней, что там, на выгнутой спине нашей планеты, поднялся человеческий разум, в котором мог отразиться, как в зеркале, этот огненный дождь.

Сент-Экзюпери.

Наконец-то пришла долгожданная группа Мархинина. С ними ничего не случилось: просто они поднялись на вулкан позже, задержались у мааров. Усталые, промокшие, голодные, — продукты кончились, да и костер залило дождем, — жевали они сухую гречневую крупу. И однако Евгений Константинович не пошел сразу ни в натопленную баню, ни в столовую, а пустился в спор с Грабковым о происхождении тех воронок.

— Я говорю: все идет от них. — Евгений Константинович делает выразительный жест. — Вот вы откалываете от горы кусочек известняка, возникший из панцирей древних ракушек, и спрашиваете: «Разве их тоже выбросил вулкан?!» И я соглашусь: да, известняк, конечно, не вулканическая порода. Но вот этот пепел вулкана... Прополощите его в воде — и вымойте соли, в том числе и соли кальция. Кальций попадает в море, ракушки строят из него панцири, а потом — понимаете?..

Студентом-геологом Мархинин впервые услышал, что есть в Москве лаборатория вулканологии, и с тех пор мысль о ней не давала ему покоя. Окончил институт, уехал работать в Среднюю Азию, вел разведку угольных месторождений, а думал о вулканах. И своего добился — профессор В. И. Володавец, видный советский вулканолог, стал руководителем молодого аспиранта Мархинина, и в 1958 году Евгений Константинович защитил кандидатскую диссертацию по вулканам Кунашира.

Вскоре Мархинин стал начальником вулканологической станции в Ключах на Камчатке, а затем — сотрудником вновь созданного института вулканологии в Петропавловске.

Наблюдая грандиозные картины извержений, он не раз задумывался: какую же роль играют вулканы в жизни Земли? Ведь если подсчитать — за год в среднем огнедышащие горы поставляют на поверхность нашей планеты не менее трех миллиардов тонн материала!

Но тогда... тогда за 4,5 миллиарда лет геологической истории планеты должно было бы накопиться столько «продукции» вулканов, столько выброшенных материалов, что их масса почти равнялась бы массе земной коры всех материков! Значит, континенты...

Так Мархинин шел к своей «вулканической» гипотезе. Годы исканий, годы расчетов. И вывод: континенты построены вулканами. А сколько воды выносят на поверхность огненные горы? Оказалось: половина всей воды океанов создана извержениями, другая половина — горячими источниками и фумаролами. И воздух, которым мы дышим, тоже ведет свою «родословную» от вулканических газов.

— Можно смело сказать, что и континенты, и океаны, и атмосфера, а в конечном счете сама жизнь созданы вулканической деятельностью, — утверждает Мархинин.

Мы — дети вулканов? И уже не как парадокс, а как шутка, в которой заложен глубокий смысл, воспринимаются лукавые стихи Мархинина:

Не из ребра Адама —
Из пепла извержения

Родилась прапрадема
В веселый день творенья!

Известно, что в термальных водах при температуре около 100 градусов существует жизнь. Не исключено, что в этих условиях она и возникла, что цепочка развития жизни идет отсюда, от источников, согретых вулканическим теплом.

Мархинин и его коллеги замахиваются на великую загадку происхождения жизни, организуют новые исследования.

— То, что сделано нами, — говорит он, — сделано пока еще в общих чертах. Надо разобраться в деталях образования горных пород, ответить на тысячу «почему»...

Теперь становится понятно, почему огонь настраивает на философский лад. Вот человек, высочайший продукт развития материи, пришел к вулкану. Он видит, как изливается первичная материя, та, из которой создавались океаны, воздух, жизнь.

...Призывно гудит на рейде наконец-то прибывший за нами «Оберон». Мы тащим к кунгасу рюкзаки. Мы прощаемся!...

Вулканы едят новые главы

Экспедиция, в которой участвовал Сергей Рязанцев (от чьего лица велось повествование), не подозревая, шла к интереснейшему открытию: подтвердилась теория Е. К. Мархинина — в горячем пепле Тяти были обнаружены аминокислоты, основа белков. Мархинин опубликовал популярное изложение своей гипотезы о вулканах-жизнетворцах в журнале «Природа». В Москве ученый сделал сообщение о своих выводах в двух институтах, в одном из которых его поддержали, в другом — отнеслись скептически (а вдруг аминокислоты попали в пепел уже после извержения?).

Конечно, гипотеза Мархинина пока нуждается еще в дополнительных подтверждениях. Но так или иначе, данные, добытые у кратера Тяти, согласуются с опытами Харада, Фокса и других американских ученых, которые в запятой реторте пропускали электрические разряды сквозь смесь метана и других газов, вулканического пепла, и в результате в реторте возникали аминокислоты.

Вулкан — источник большого количества химических соединений, способных взаимодействовать между собой. Это в первую очередь — вода, углекислый газ, окись углерода, металл и аммиак. Вступая в химические реакции, эти вещества образуют молекулы — предшественники сложных органических соединений: синильную кислоту, альдегиды, амины.

В последнее время экспериментально подтверждено присутствие синильной кислоты в горячих газовых струях конуса прорыва «Олимпийский» на вулкане Алайд. Это наблюдение ученых, возглавляемых Е. К. Мархининым, имеет большое теоретическое значение, потому что именно цианистый водород — главное промежуточное соединение в синтезе аминокислот и других молекул, абсолютно необходимых для любых живых веществ... Таким образом, получено прямое указание на то, что вулканические процессы могли быть источниками основных биологических соединений. Понятен растущий интерес ученых к «деятельности» вулканов, все отчетливее предстающих перед нами источниками жизни...

РЮКЗАК С ДЕНЬГАМИ

**Виктор
БАНЬКИН**

Рисунок
В. Домрачева

Санька поднял весло, намереваясь столкнуть лодку с захлавленной корягами узкой береговой полосы, когда на песчаном обрывистом мысу, вынырнув из чащобы орешника, появился тощий чернявый парень с глубоко провалившимися глазами — тоже черными, настороженными. Это уж потом, в лодке, разглядел Санька, какие глаза у парня, невесть откуда свалившегося на его голову. В ту же первую минуту его поразила лишь худоба незнакомца.

— Э-эй, обожди! — как-то пронзительно загорланил парень, едва замаячив над обрывом. Не дожидаясь ответа, бесстрашно прыгнул на илистую отмель.

Он шагал широко, напрямик, не обходя луж, перепрыгивая через коряжины. Под его ногами, обутыми в кирзовые сапоги с заляпанными грязью голенищами, сочно, с причмокиванием, хлюпала липкая взбаламученная жижа.

— Тебе куда? — как можно строже спросил Санька незнакомца, сжимая в моластных руках весло.

И дернуло же его пристать к глухому этому берегу ради причудливого корня, так похожего на тонконогую цаплю...

Несколько дней назад километрах в десяти отсюда было совершено дерзкое ограбление. Возвращалась из райцентра с крупными деньгами, предназначенными для зарплаты, кассирша животноводческого совхоза, и двуколку ее остановили в Промойном буераке двое в масках. Подпаску, правившему лошадь, и кассирше грабители приказали сойти с подводы, связали их веревочными вожжами и, забрав кожаную сумку с деньгами, скрылись в непролазных зарослях. Милиции до сих пор не удалось задержать преступников.

— Тебе куда? — снова спросил Санька, в упор уставясь на чужака в измятом пиджаке.

— С тобой я до Волги... до пристани доберусь? — как бы не слыша обращенного к нему вопроса, проговорил тот чуть шепеляво, с присвистом. И зачем-то улыбнулся.

«Эге, у свистуна двух передних зубов не хватает», — отметил про себя Санька, кривя в добродушной усмешке губы и на время отходя сердцем. Кивнул:

— Усолка в Волгу впадает.

И тотчас добавил:

— Подопри-ка лодку плечом.

Парень сопел, тужился, с городской несноровистостью упираясь обеими руками в обитый жестью нос лодки, днище которой засосали суглинки.

Саньке самому пришлось положиться на свои силы, отталкиваясь от берега веслом то с левого, то с правого борта. Наконец лодка завихлялась, стронулась с места.

— Прыгай! — крикнул Санька.

По тому, как парень повис на носу лодки, болтая над мутной водой длинными ногами, Санька окончательно решил, что неожиданный его попутчик — чужак, не из местных. И снова насторожился.

Едва парень вскарабкался в лодку, как Санька, насупись, спросил:

— Грести умеешь?

— А чего бы нет.

— Тогда садись, — сказал Санька, опустив в уключину весло. — Я за кормовик возьмусь. Мы под тот берег пойдем. Там течение — сила. Само понесет.

Эдакого буйного разлива Усолки не помнил и Санькин отец. А мудрый дед Никандр сказывал: на его памяти лишь полста лет назад была точь-в-точь такая же большая вода.

Вертлявая, быстрая по весне речка, льнувшая к нагорным холмам, к осени кое-где на перекатах чуть ли совсем не пересыхавшая, в нынешнее половодье расхлестнулась куда как щедро и широко, затопив всю левобережную заповедную пойму.

В ночь над Усолкой пронеслась страшная гроза — с проливным дождем и шквалистым ветром. Утро же наступило тихое, знойное, точно в июле.

Пока пересекали наискосок снуло-ласковую реку, парень, то слишком далеко назад забрасывая весла, то опуская их сразу же, несколько раз окатывал Саньку брызгами.

Холодные эти брызги, летевшие из-под весел, приятно охлаждали разгоряченное Санькино лицо. Щурясь от солнышка, засматривающего ему в глаза, он добродушно язвил:

— Ну, ты и мастак... верно, первый разряд по гребле имеешь!

Парень или не слышал подковыристые Санькины слова, или пропускал их мимо ушей, знай себе махал, как попало, веслами и под монотонный скрип уключин сосредоточенно думал о чем-то своем.

Но вот и противоположный берег. Лодку ходко понесло вдоль нагорных кряжей сильное течение, в веслах уже не было нужды, и по совету Саньки парень опустил их вдоль борта.

— Я утром с бригадиром поцапался: не хотелось на пристань за почтой мотаться, — заговорил неожиданно с обезоруживающей улыбкой

незнакомец, слегка откидываясь корпусом назад, а ладонями опираясь о сиденье. — А плыву с тобой сейчас... чем, думаю, не выходной? — Сухой беззубый рот его растянулся до ушей, показывая крупные, щербатые зубы. — Пусть они там, работяги, лазают себе по столбам, провода натягивают. — Перехватив недоверчивый Санькин взгляд, разъяснил: — Электрики-монтажники мы. Новую линию тянем... там вон, за лесом, — он махнул рукой в сторону противоположного берега. — Жаль только, пожарить ничего не прихватил! Кепку и ту забыл... а порубать стоило бы!

«А я-то! Невесть что в голову полезло: кто он, да откуда, да почему в глухом месте появился?» — укорил себя Санька, проникаясь даже некоторой симпатией к неряшливому шепелявшему чужаку.

И с охотой предложил:

— Вытаскивай из носового отсека кошелку. У меня там от ужина горбуха ситника осталась, пирожки с ливером... и яйца еще.

— Вот спасибо! — обрадовался парень. Не заставляя лишний раз себя упрашивать, поставил на лавку клеенчатую кошелку и принялся усердно за еду.

— Там есть и спичечный коробок с солью, — сказал Санька, стараясь не глядеть на чавкающего громко парня.

— А я... это самое... нашел, — кивнул тот, очисшая от скорлупы круто сваренное яйцо. — Ты на пристань по делу? Встречать кого-то?

Санька потряс головой.

— Не-е... я в самой Березовке живу. Дед Никандр вчера говорит мне после школы: «Слышь-ко, Александр, подсобил бы Моргунцову — это наш колхозный моторист — отвезти в Печеры изделия артели? Чего тебе стоит прокачаться?» — помолчав, Санька добавил с той же радостной доверительностью, опуская между тем за борт кормовое весло, чтобы отвести лодку от показавшегося впереди лобастого камня с огненными прожилками. — Деду по зиме ровным счетом семьдесят исполнилось, а он до сих пор в столярной мастерской за главного. Чуть ли не всю округу мастерская обеспечивает и дубовыми кадками, и дровнями, и к тому же еще и колесами к телегам и всякой утварью. Ну, загрузили мы катер и отправились после обеда в Печеры. Сдали товар в сельпо и ночевать остались. В Печерах нынче базар. Моргунцов, он такой у нас хват, кадку с мочеными яблоками прихватил. Чтобы деньжат выручить. Жена наказала ему и то, и другое купить. Да только я не стал его ждать. Встал поутру, и за весла. Кумекал порыбальить у Жабина омота. Вдруг соменка на счастье заарканю? Сомы там водятся. Я и снасть всякую прихватил, и кусок солонины...

Посмеиваясь, Санька зорко, из-под руки, оглядел речную гладь, онемевшую от покоя и живительно-янтарного света, лившегося с про-

сторного неба. Голубеющая гладь была пустынна до самого горизонта.

У берега, на гриве, надрывно кричали утки. Слабые дуновения ветерка доносили с лугов колдовские запахи дружной и расточительной в этом году весны: и трепетно-молодой листвы, и не прогретого еще солнцем жирного чернозема, и первых ландышей, любивших сырые низинки.

Лодка проплывала мимо стройных кленов и тонких осин, засмотревшихся в глубокие омуты, обсыхающих островков с колкой травой, словно бы обрызганной купоросом — до того она казалась синей, мимо нагромождений известняковых и доломитовых глыб с греющимися на солнце пеке ужами.

— Ну, и черви козыри! — протянул озадаченно минуту-другую спустя Санька. — Вода прямо-таки на глазах убывает! А ведь ночью изрядно ливануло. Вечером у этого вербовника лишь маковки виднелись, а сейчас — даже не верится — чуть ли не весь обнажился!

Про себя подумал: «В оба надо глядеть. И лодку подальше от берега держать, а то недолго и до беды: на камень напорешься или на корягу. В два счета пробойну получишь!»

Основательно закусив, парень поднял из-под ног деревянный черпак, которым Санька отчерпывал утром воду из лодки. Глянул вскользь на отполированную временем ручку — утиную голо-

ву с круто изогнутой шеей — и высосал, сладко причмокивая, полный черпак забортной зуболомной воды.

Санька надеялся: после плотного завтрака у парня развяжется язык. Но тот, хмурясь, беспокойно поглядывал по сторонам, оставаясь совершенно равнодушным и к вертлявой, зацелованной майским солнцем Усолке, к ее живописным, меняющимся на каждом повороте берегам.

Даже горные кряжи, мимо которых скользила лодка, одни — неприступно обрывистые, слепящие глаза кичливой белизной, другие — покатые, что тебе хлебные караваи, поросшие кудрявым кустарником, даже их не замечал скучный Санькин попутчик.

— Мимо Змеевой горы проплываем, — вырвалось раз у Саньки, не любившего долго молчать. — Такой другой нигде не встретишь!.. Приметил: вся в извилистых бороздках. Правда, вроде змеи прочертили?

Лениво покосившись на гору, парень не промолвил и слова.

Когда же спустя полчаса лодка поравнялась с дыбившейся к эмалево-синему небу мрачной скалой, как бы изъеденной ржавчиной, Санька не утерпел и снова заговорил:

— А вот пещера Разина Стеньки. С незапамятных пор слух идет: тьму-тьмушую разного богатства схоронил атаман в пещере. Да раздать

золото-серебро простым людям не успел — спали атамана царевы слуги, а потом казнили.

— Треп,— сказал насмешливо парень.— Пустые басни!

— Почему? — обиделся Санька.— Дедушка Никандр уверяет, будто его дед знал того мужика Силантия из Комаровки, который с дружкой закадычным спустился раз на веревках с маковки горы в пещеру Стеньки. Спустились, значит, прочитали заклинанье, и глыбы многопудовые раздвинулись. А пещера вся бочками заставлена. И в каждой бочке — вровень с краями — или золото, или серебро, или камня драгоценные. Руки протяни — и бери, да не выполнил дружок Силантия зарока молчания. «Смотри, Силантий,— сказал,— больше моего не моги брать! Поровну чтоб!» И только сказал, как загрохотал гром, сверкнула молния, и сила страшная выбросила мужиков из пещеры. Очнувшись они у подножия горы. И три года оставались немymi...

Санька смолк, уже сожалея о рассказанном. Ему pomysлилось: парень и на этот раз не слушал его. Да ошибся.

В упор уставясь на хозяина лодки, парень с презрительной усмешкой процедил:

— Ты, лопух, какой класс кончаешь?

— Восьмой, а что?

— А я подумал: у тебя мамкино молоко на губах не просохло. Пора бы забыть дедовы сказочки. Не в тот век живем. Вокруг земли орбитальные станции кувыркаются, на Луне люди побывали. А ты: бочки с золотом! Бочки с серебром!... Деньги, брат, самому ковать надо.

Растерянно, через силу заулыбался Санька. Ему что-то не по себе стало от напористых слов этого парня.

И тут лодка ударила носом то ли о топляк, то ли о коряжину. Санька заработал что есть силы кормовиком, намереваясь отвести свое суденышко в сторону, но парень сердито закричал:

— Бросай грести! Лодка чья-то в аварию попала!

Вскочил Санька — а впереди полузатонувшая моторка. Она чем-то походила на вздыбленного скакуна: высоко вздернутый нос, и ушедшая под воду корма с подвесным мотором.

— Кажись, там... человек?! — вскричал встревоженно Санька.

Молча, ухватясь руками за борт потерпевшей аварию моторки, повисшей распоротым днищем на выступе подводной скалы, парень подтянул к ней вплотную Санькину посудину.

Через минуту-другую, стуча, как в лихорадке, зубами, Санька с трудом проговорил:

— Вы... вы что делаете?

Парень, не слушая его, бесцеремонно качнул скрюченное под водой бездыханное тело и, углядев зацепившийся за штырь старый намокший

рюкзак, втащил его в лодку и оттолкнулся от полузатонувшей моторки.

— Привет покойничку,— хрипло засмеялся парень и принялся развязывать рюкзак.

У ветхого, с заплатами, рюкзака оборвалась тесемка, и в лодку посыпались разбухшие от воды пачки денег. Бумажные полоски, туго стягивающие пачки, расплзались, и ассигнации полетели на облепленные рыбьей чешуей слани.

— Вот это да! — присвистнул парень, мешковато опускаясь на скамейку.— Это, брат, не сказка про пещеру... Богат был покойничек.— И трясущимися пальцами принялся подгрести к себе десятки, трешки, пятидесятирублевки...

Санька никогда в жизни не видел такого изобилия денег. У него рябило в глазах. Не мог он смотреть и на дрожащие мокрые пальцы парня, торопливо подбиравшие чужое добро. К горлу подкатывался тошнотворный комок.

Пятясь, он чуть не упал, споткнувшись о кормовое весло. Поднял. И, как бы приходя в себя от столбняка, все крепче и крепче сжимал рукоять весла.

А захлебывающееся в скороговорке татаканье движка, вдруг долетевшее из-за поворота, от Змеевой горы, как бы подхлестнуло его решимость.

Сердце подсказывало: медлить нельзя. И Санька, вскинув над головой весло, закричал устрашающе:

— Ложись, паразит!

Выронив из рук намокшую пачку денег, парень оторопело вскинул на Саньку налившиеся кровью глаза.

— Ты... с ума спятил? Да? — заюлил он.— Мы же поровну поделим. Это же — счастье привалило!..

— Кому говорю: ложись! А то башку размозжу! — приходя в ярость, орал Санька.— Вон люди едут. Там разберемся, что ты за птица!..

СОБАЧЬИ ИМЕНА

**Сергей
ПОПОВ**

Известный арктический исследователь и ученый В. Ю. Визе как-то воскликнул: «Поистине — мученики Севера, эти полярные собаки! Ведь без их самоотверженной работы человечество не могло бы гордиться такими грандиозными открытиями, как достижение обоих земных полюсов!» Собаки принесли неувядаемую славу Амундсену, Пири, Врангелю, Челюскину...

Даже в наши дни, когда в Арктику пришли мощные тракторы, вездеходы, мотонарты, далеко не всегда удается полностью обойтись без четвероногих друзей и помощников. Одна-две мороженые рыбины или полкилограмма нерпичьего мяса в сутки, и собака помногу часов, в стужу и вьюгу, исправно тянет на десятки, а то и на сотни километров поклажу.

Не раз и не два чутье, слух и самоотверженность собак помогли заблудившемуся в белом безмолвии путешественнику выйти к жиляю, остановиться перед гибельной проурью, избежать встречи с хищником...

На первый взгляд, несколько удивляет сравнительно небольшое количество «собачьих» названий в Арктике. Река Собачья на острове Большевик, бухта Собачья на острове Октябрьской революции на Северной Земле, небольшой островок Собачий в проливе Костин Шар у берегов Новой Земли да еще река Ыт-Юрях на побережье губы Бурхая, что в переводе с якутского означает «Собачья река». Если даже прибавить к ним ручей Нартовый, впадающий в бухту Ткачен на Чукотке, мыс Нартовый на востоке Таймыра и мыс Каюра в Таймырской губе, то все равно становится ясным, что в сравнении с почти сотней «оленьих» и таким же количеством «гусиных» названий собака на карте Арктики не заняла достойного себе места. Но это лишь на первый взгляд.

Нетрудно заметить, что в болотистой местности люди обычно не называют географические объекты «болотами» — тогда трудно будет отличать один объект от другого. А в Арктике почти нет названий со значением «снежный» или «морозный». Точно также в краю, где со-

бака всегда рядом с человеком, нет предпосылок для возникновения «собачьих» названий.

Иначе обстоит дело с «оленьими» и «гусиными» названиями. Олень и гусь — объекты промысла. Человеку надолго запоминаются места, где он видел или добыл много оленей или гусей. Вот поэтому в Арктике и обилие таких названий.

Приведенные выше «собачьи» названия — недавнего происхождения, почти все они даны картографами, новичками в Арктике, которых удивило и поразило использование собак в качестве транспорта.

Якутский казак Иван Ребров, открывший реку Индигирку, в своей челобитной в 1649 году писал, что с Яны он отправился морем «на новую сторону на Индигирскую реку, а Собачья тож». Второе название Индигирки — река Собачья. Однако это имя не прижилось, а к концу XVII века и вовсе исчезло. Дело в том, что пришедших с запада казаков-первопроходцев на Индигирке поразили ездовые собаки, использовавшиеся местным населением в качестве транспорта. Вполне возможно, что казаки увидели это впервые, так как в более южных районах, откуда они пришли, ездили на оленях. Спустя некоторое время русские основательно заселили Индигирку, ездовая собака перестала поражать воображение, и русские стали называть реку именем населявшего ее племени — индигиров.

И все-таки человек отдал должное памяти своего верного четвероногого друга. Названиями физико-географических объектов на карте Арктики становились... клички собак.

Среди островов Вилькицкого в архипелаге Норденшельда в Карском море кличкой передовика собачьей упряжки пса Тугута командир яхты «Заря» Ф. Матисен в 1901 году назвал остров. Кстати, Тугут был прямым потомком сеттера Циклон, которого за четырнадцать лет до этого завез в Арктику другой полярный исследователь — А. Бунге. Именами собак той же упряжки каюра П. Стрижева были названы расположенные неподалеку острова Грозный и Корсар.

Любопытно, что недавно одна из исследовательниц картографиче-

Каюр Русской Полярной экспедиции П. И. Стрижев
с псом Грозным, 1901 год.

Фото из архива Академии наук СССР.

ского наследия Русской Полярной экспедиции Э. Толля, не разобравшись, продолжила этот список, утверждая, что соседние острова — Пет и Джекман — также названы по кличкам собак упряжки Стрижева. Это вызвало веселое оживление среди гидрографов, так как Артур Пет и Герберт Джекман были английскими мореплавателями, которые еще в 1580 году пытались пройти Северным морским путем. Память о них и хотел увековечить Э. Толл.

Именами каюров Русской Полярной экспедиции жителя Усть-Янска П. И. Стрижева и якутского казака С. И. Расторгуева названы несколько небольших островов, от-

крытых во время их санных поездок в морях Карском и Лаптевых.

Примером того, как была в прошлом популярна в Арктике трудная профессия каюра, может служить имя С. П. Журавлева. Участник первой сплошной описи Северной Земли, награжденный за это орденом Трудового Красного Знамени, Сергей Прокопьевич Журавлев около тридцати лет прожил за Полярным кругом. Именем Журавлева названо много мест в Арктике: бухта и мыс на острове Большевик, залив на острове Комсомолец, река на востоке Таймыра. Близ южного побережья Новой Земли есть остров Журавлева, названный в честь его отца,

промышлявшего здесь зверя еще в начале века.

Но вернемся к собакам. В 1939 году в архипелаге Норденшельда появилось еще одно «собачье» название — остров Матрос. Так команда экспедиционного судна «Норд» увековечила на карте своего любимца — веселого пса Матроса.

Залив Дика находится на западном побережье Таймырского полуострова. А на восточном побережье Таймыра есть мыс Дика. Но эти «Дики» — разного происхождения. В 1893 году Фритъоф Нансен назвал залив по фамилии норвежского коммерсанта К. А. Дикка, снабдившего его фотоаппаратами. Позже на русских картах название несколько исказилось — выпала одна буква «к». А вот мыс Дика был назван в 1936 году топографами по кличке лучшей в экспедиции собаки. Кстати, неподалеку находятся мыс и остров Псов, названные так этой же экспедицией. Вообще-то сначала мыс назывался мысом Голодных Псов, так как именно здесь кончилась собачий корм. Пришлось срочно сворачивать работы и возвращаться на базу, на полярную станцию в бухту Марии Прончищевой. По дороге взбесившийся пес покусал двух участников экспедиции. В следующий раз топографы взяли с собой доктора, который бы лечил их от бешенства. Тогда на карте восточного побережья Таймыра и появилась лагуна Немцова — по фамилии того самого доктора.

На западном берегу северного острова Новой Земли, недалеко от Русской Гавани, есть гора Верти. Долго можно ломать голову, разгадывая, откуда взялось это название. То ли это фамилия забытого иностранца, то ли еще что? Заслуженный геолог И. Ф. Пустовалов, однако, легко разрешил споры. Оказывается, это название дала возглавляемая им экспедиция по кличке собаки. Эта вертлявая, подвижная беспородная дворняга пристала к экспедиции в Архангельске. Она не только развлекала геологов своими проделками, но и спасла жизнь начальнику экспедиции, учув занесенную снегом трещину в леднике...

О собачьей верности и преданности сложены пословицы, написаны книги, собакам поставлены памятники. Не забыты и славные дела ездовых северных лаек.

У ВЫСОКИХ ГОР

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Шофер ткнул рукой: «Там Пржевальск!» А «там» — не город, а лес, улиц на большом расстоянии не видно из-за деревьев...

Город у беловершинных гор, у глубокого озера. Город, где улицы — огромные аллеи, а на деревьях живут кукушки и белки, живут не потому, что не могут вырваться отсюда, а потому, что здесь им выгодно. В такой город Геннадий Андреевич Прошурин, фронтовик, офицер в отставке, приехал с Камчатки и построил дом. Свой дом, свой не по деньгам, а по духу. Был в десяти странах и все увиденное в достроительстве мимоходом, но цепко обобщил. Все тут необычно — от планировки комнат до конструкции дверных ручек. Семь лет поднимал дом, вполне освоил двадцать специальностей. Электрику или сантехнику может и посоветовать кое-что. Три принципа воплотил: комфортабельность, дешевизна, красота жилища. Подробное описание самодельных палат Прошурина не уложит и в толстый том. Лишь кое-что «процитирую» из оригинального коттеджа.

Из гаражей отработанное масло увозят на свалку в горы. Он старается залучить к себе машину с бросовым маслом, чтобы наполнить подземную емкость во дворе, и тогда дом год с теплом, в кранах горячая вода, принимай ванну.

От емкости в подвал идет труба, на конце ее — простейшая горелка. Она прилажена под котлом. Остальное ясно. Отопление одной комнаты в сутки обходится в одну копейку. Теперь копейную систему отопления позаимствовали кое-кто из жителей Пржевальска и даже сантехмонтажная организация.

Дом — из шлакобетона, приготовленного по своему рецепту, и это недорогой строительный материал.

Доказал расчетами, что трехфазный ток кое-где просто выгодно продавать населению (нагрузка в линии распределится равномернее). Зачем ему промышленная электроэнергия? Трехфазный крутил бетономешалку, включал портативный кран и деревообрабатывающий комбайн, делал все, как ему и полагается, не утомимо. Так вдвоем с трехфазным

и построили дом, в котором есть что-то от большой машины. Воду подают в комнаты и в сад насосы, оборудование мастерской моторизовано. А люди вскидывали в удивлении брови: «Один построил такую домину?»

А дом не более соседского. Но изобретательно емок. На трех уровнях. В подвале просторная кухня и комната, где консервируют овощи и фрукты, и тут ванная, мастерская, гараж. Гараж под домом — удобно!

Первый этаж элегантен. Полы линолеумные. Спальня с двумя встроенными шкафами. Гостиная с широким полукруглым окном («сбросил иго прямого угла»). Зимняя и летняя веранды. На третьем уровне японская планировка: крохотная спальня спрятана за раздвижной перегородкой. Входишь и видишь только небольшой кабинет. Как поднимешься по лестнице, на манер корабельной, — подвесные полки с книгами и кресло. Романтичный уголок. Дальше: открытая площадка «для вздохов и вдохов — сад же внизу». Площадка с вогнутым полом. Сюда можно быстро напустить воды для ребячьих забав. Бассейн на крыше!

Трудно пересказать семилетнюю работу Прошурина. Все сделано со вкусом, остроумно. Ну неужели хоть кому-то не под силу вместо скучного правильного косяка двери приложить отполированную половинку сучковатого бревнышка? Он поставил то, что пускают на дрова, и любо поглядеть на косячок, живущий в доме деревом, а не унылой доской. Так дом играет и светится выдумкой сверху донизу.

Прошурин сказал себе, вывернув древние валуны морены и вложив их в фундамент: в моем доме не будет ничего нелюбимого и бесполезного. Он принял вызов стандартности в индивидуальном строительстве, я так отношусь к этому эпизоду в его жизни. И он показывает теперь свой дом профессионально, как прораб. И дверцы шкафов, будто в детективном фильме, мягко открываются. Полы не скрипнут под ногой, будто земля. Сервант уходит в нишу. Трюмо расплывается на стене. Пустая пачка сигарет, шурша, исчезает в стене — мусоро-

провод. А ступеньки крыльца не-приметно переходят в каменную лестницу, уходящую в шумный арык, что бежит перед домом.

Его руки, крупные и ловкие, показывают большой дом с легкой небрежностью. В ловкости его движений угадываю характер Прошурина... Лет десять назад шел зарубежный фильм «Любовь под вязами». Помнится, был там герой — крижистый, молчаливый старик фермер. На каменистом месте поднял он пшеничное поле. Сложил дом. Зажил к старости крепко. Хвала бы труженику, но сам он с годами стал тужел, как седой валун. Близких угнетал хозяйской волей. Я Прошурина, нет, не сравниваю, я о нем думаю. Много труда вложил в свой дом, а без мрачной озабоченности, как-то играючи. И дом от того получился легкий, очеловеченный.

Потому в ловкой небрежности, с какой он обращается с вещами, вижу, что ему удовольствие обладать ими, они его расторопные, надежные помощники. И посмею предположить, и саму жизнь он держит от себя чуть-чуть на дистанции, что ли, с улыбкой экспериментатора, не отягощая души серой монотонностью бытия. Это дар чудака-человека, который в самоутверждении с приятной простотой выдерживает масштаб своего «я» один к одному. Не возносясь, не уничтожаясь.

Прошурин разнообразен в своих идеях. Не пугается подковырок бдительных знатоков и действует. Ему не по нраву тот, кто полжизни строит планы на будущее, потом остальную половину жизни, случается, ломает их.

На чердаке его дома живет колония шиншилл — зверьков чрезвычайно редких, с самым дорогим мехом. Лишь сверхбогатые женщины мира могут позволить себе шубу из жемчужного меха этой неприхотливой полубелки-полукролика, которой в сутки нужно всего лишь «горсть веточек и ложку крупы». К нему из-за редкостных шиншилл приезжают потолковать профессора. «Как вы ухитрились, дорогой, сохранить исчезающий вид?»

Аклиматизирует венгерский сорт винограда. «Он не боится перепадов температуры в Иссык-Кульской котловине». В его саду цветет черная роза. «Редкая потому что». Умеет найти в горах знаменитый горный воск, мумие, целебная мощь которого загадочна. Собирается писать книгу о войне. Был в тылу врага, прошел всю Отечественную, от 22 июня до 9 мая. Есть впечатления и право вспомнить былое. Думает, что книга получится, «только б найти время оглянуться»... Прошурин верит, как охотевод, что с браконьерами, этими проворными душниками, можно управиться. И не

испугался однажды лезть под ружейные дула мародеров природы, сам стрелял и ранил одного обнаглевшего... В его доме увидишь снап конфискованных ружей.

— Геннадий Андреевич на виду у людей. Охраняет природу и в самом городе. Кто-то отважился рубить деревья в роще — он заметил пакость, — говорил мне о Прошурине председатель Пржевальского горисполкома Н. П. Аксенов. — Добился того, чтобы в роще установили дежурство. А его рассказы о природе! Тут школьники в его полной власти. В заповедник «Каракольская щель» запустил полсотни фазанов. Подкармливает их, оберегает. Предложил комиссии по Сарыкамышскому землетрясению своеобразный способ крепления домов с трещинами. Некоторые идеи с ходу пошли в дело!

Не каждый бы решился совать-ся — ведь не строительный инженер — с идеей крепления домов в напряженные дни после землетрясения. А вдруг, полужайка, предлагаешь чушь, арбузами мостить дорогу? Но ему чужды изурительные сомнения. Он во всяком деле глубоко, по-народному находчив.

Служа на Камчатке, отпуска проводил с ружьем. Пошел в этот раз на медведя. На какой-то день охоты наткнулся в тайге на людей, заблудившихся, растерявших силы в глубоком снегу. Геологи... Он не знал, что их уже давно искали. Отогрел, отпоил. И тем временем смастерил им лыжи по-канадски. Толстый прут согнул в эллипс, научил ставить ногу на ремень, посредине. На этих штуковинах и вывел их тайги геологов, будто больших детей... Министр обороны наградил офицера карабином. Он тотчас приладил к нему оптический прицел. Ну будто Теркин — Прошурин!

Ведь вот и домом своим он невольно показал, что всегда и всюду, а в этом случае из «щелок», которые летят от производства в тлени реализуются в полсилы, можно чистую людскую радость делать. Была республиканская комиссия от строителей, его дому с радостью поставили «пятерку». Прошурин шутит:

— По словам Гете, ошибку можно совершить в жизни, но нельзя ее допустить в строительстве...

...Прошло несколько лет. Нынче встретились с Геннадием Андреевичем.

— Теперь я не охотевод, — рассказывал он. — Старый стал по горам лазить. Перешел на ночной образ жизни. Теперь я рыбный человек, начальник оперативной группы Иссык-Кульской инспекции рыбоохраны. Как нерест форели, так на озере битва с браконьерами. Погони, пальба. Два-три задержания в ночь. За лето отняли десятки сетей. Наша

рыба — не бедный карасик, даже не лещ, а королевская форель. В голубом Иссык-Куле плавают пяти-семикилограммовые рыбины-красавцы. Браконьер проявляет просто чудеса изобретательности, чтобы халпнуть золотой рыбки. Чует наживу. Прикиньте: килограмм свежей форели стоит четыре рубля, копченой — восемь. То-то и оно... У одного браконьера раз вытряхнули из мешка около сорока рыбин. Иск ему предъявили на полторы тысячи. На «Волгах», на грузовиках прут к озеру. Самосвал ЗИЛ-130 — широкий (не обгонишь на узкой дороге!), быстрый (не догонишь!), массивный (таранит — перевернешься!). Но догоняем, задерживаем и тех, что на грозных самосвалах. Пользуемся портативными радиостанциями. Перешепнемся через эфир и перекрываем путь от озера моторизованному браконьеру. Иногда беру в милиции прибор ночного видения. Хорошо помогает в глухие ночи. Стреляют? Да... И в меня стреляли. Влепили в лобовое стекло. Однажды преследовали браконьеров, которые, отстреливаясь, уходили от нас в горы. А у меня еще жив карабин — подарок министра обороны. Я трассирующими положил беглецов на снег. Вскочат — я опять над головами трассирующими. Так и задержали. Бояться-то боишься, но кому лезть под выстрелы, если не нам, фронтовикам!

Есть у меня оружие и посильнее... Магнитофон и кинокамера. Задержим браконьера, и он мечется, бегаёт босиком по верблюжьим колючкам, бормочет оправдания, а пойманную рыбу норовит выбросить. Запишешь его лепет на магнитофонную пленку, а потом возьмешь у него интервью на службе, в его кабинете, где он спокоен, и представишь, важен. Так-то вот столкнешь в радиопередаче человека с самим собой — думаю, поучительно получается, а?

— Как дома-то, Геннадий Андреевич, все живы-здоровы?

— Жила студентка-пелемяница — закончила учебу, улетела. Сын тоже выпорхнул — на учебу. А дом? Водят ко мне экскурсантов, показывают... Копируют люди... Нравится многим, что у меня на участке ни гаража, ни сараюшек нет. Все под одной крышей. А вокруг — сад.

...Есть на свете мужчины! Хозяйва на земле — не хозяйчики. Их дома крепки, но это не крепости, не бастионы индивидуализма. От злой руки они не только умеют защититься, а и защитить. Природу, людей. Они не прожигают, они живут. И в своем доме, и в своем крае, и в своей стране...

ПОД СИНИМ НЕБОМ

**Олег
ПАВЛОВСКИЙ**

*Рисунки
М. Паукера*

Блюститель порядка

Жили мы тогда в Молдавии, на окраине Кишинева, в домике с прилегающим к нему большим старым садом. Хозяйством не занимались, но держали с десяток кур, которые весь день копались в саду, выискивая червей, склевывали со стволов деревьев всяких жучков и паучков.

Разумеется, одними червячками и паучками курица сыта не будет, и жена моя дважды в день высыпала перед крыльцом плошку кукурузного зерна.

Первой, где бы она ни была, мчалась к крыльцу, приспустив крылья и слегка припадая на правую ногу, невзрачная курица с глазами навывкате и острым хищным клювом. Она громко

и воинственно квохтала, отгоняя всех, кто пытался склонуть зернышко. И пока она не набивала свой зоб до предела, ни одна другая курица не осмеливалась подойти к зерну.

Мы пробовали урезонить нахалку, даже стегали тонкой лозинкой — ничего не помогало. Она лишь недовольно взмахивала крыльями, подскакивала, кудахтала, но от зерна ни на шаг. В конце концов мы махнули на нее рукой — кукурузы хватало всем, и не так уж важно, кто наклюется первым.

Как-то мы решили приобрести еще и гуся. Долго ходили по базару, выбирали, торговались и купили гуся — тощего и какого-то облезлого, но зато, как уверяла жена, за сходную цену. Пришли домой, развязали тесемочку на покрасневших его лапах и выпустили во двор.

Гусь мне не нравился. Каким-то вялым, безразличным ко всему казался он мне. Стоял, лениво переминаясь, оглядывал равнодушно и дом, и сад.

Вышла жена с доверху наполненной зерном плошкой.

— Тип-тип-тип... Тега-тега... — позвала она,

Гусь не обратил, на призыв никакого внимания, зато нахалка тут же вывернулась из-за угла дома, в момент разогнала сбежавшихся к зерну кур и стала жадно клевать.

Куры ходили вокруг, поквохтывали в ожидании, когда она насытится и уступит им место.

Гусь смотрел на нахалку, разинув клюв, словно никогда ничего подобного не видывал. Затем вытянул шею, переступил с лапы на лапу и сказал: «Га-га-га...», что на его языке означало, видимо, неодобрение.

Нахалка продолжала клевать. Кроме крупного золотистого кукурузного зерна для нее сейчас ничего не существовало.

— Га-га-га, — снова сказал гусь и похлопал крыльями.

Нахалка даже глазом не повела.

И тут произошло невероятное.

Переваливаясь с боку на бок, гусь подошел к прожорливой курице, схватил клювом за загривок и поволок в дальний угол сада. Ошеломленная курица даже не сопротивлялась. У забора гусь трепанул ее из стороны в сторону и отпустил, что-то еще добавив на своем гусином языке.

В этот день гусь пообедал вместе с остальными курами, словно давно был с ними знаком, а наказанная нахалка долго еще охорашивалась у забора и сердито поквохтывала.

На следующий день она, видимо, забыла об уроке и снова, как прежде, попыталась изобразить из себя полновластную хозяйку.

Но не тут-то было. Гусь сейчас же схватил ее за загривок, и как она ни сопротивлялась, как ни кудахтала, оттащил к ограде и потрепал побольше, чем вчера.

Так продолжалось до тех пор, пока нахалка не оставила прежние свои привычки и не стала есть наравне со всеми.

В нашем дворе воцарилось спокойствие и порядок.

Находчивый Тарзан

Тарзан был дворнягой.

Крупный, с густой шерстью, толстыми крепкими лапами и оскаленной мордой, он наводил страх на соседских ребят, гостей и почтальонов. Громко и свирепо лаял, вставал на дыбы, грозился порвать кованую стальную цепь и вообще разнести в клочья всех и вся.

На самом же деле это был добродушнейший пес, и грозным-то он, наверное, старался казаться потому, что хотел скрыть от людей врожденное свое добродушие.

Рядом с его конурой была сложена из кирпича примитивная печка. Летом мы готовили на ней пищу. Тарзан в это время не сводил с плиты глаз, повиливал хвостом, жадно вдыхал

запахи и иногда даже поскуливал: не забудьте, дескать, и про меня. Appetit у Тарзана был, кстати, отменный. Большую миску остуженного борща с хлебом он съедал в три глотка, а кости грыз — только хрустело.

Как-то жена задержалась на работе и я, проголодавшись, задумал наскоро сжарить яичницу. Растопил печурку, поставил сковородку, принес яйца. Тарзан громыхнул цепью: что ж ты, мол, друг, себе только готовишь, а до меня и дела нет?

И я решил дать Тарзану яйцо. Сырое. Целиком. Меня заинтересовало — унюхает Тарзан через плотную скорлупу его содержимое или почитает за обыкновенный камушек.

Выбрал яйцо помельче и положил перед собакой, не сказав ни слова. Тарзан обнюхал его, тронул лапой, тяжело задышал и взглянул на меня так, будто сказал: нехороший ты человек, хозяин, и шуточки твои для голодного пса совсем неуместны.

Мне стало неловко, я хотел было взять яйцо, но Тарзан прикрыл его лапой: не тронь! Раз дано, считай — не твое.

— Ну и майся,— сказал я Тарзану.— Все равно ничего у тебя не выйдет.

Но я ошибся.

Тарзан лег на живот, вытянул передние лапы так, что яйцо оказалось между ними, и стал осторожно их сдвигать. При этом он искоса поглядывал на меня: наблюдаю я за его фокусами или нет.

Яйцо как бы само оторвалось от земли и очутилось в плотно сомкнутых лапах Тарзана. Тогда Тарзан нежно лизнул его, раскрыл пасть с огромными белыми клыками, весь как-то поджался, напрягся и...

Я даже не заметил, как это произошло. Видимо, не клыком, а другим, самым острым зубом Тарзан легонько продавил в яйце маленькую дырочку и стал торопливо вылизывать, а точнее — высасывать содержимое.

После я показал жене целехонькую скорлупу и рассказал, как это произошло. Жена не поверила. Пришлось попросить Тарзана повторить фокус.

Все операции с новым яйцом Тарзан проделал в том же порядке, но уже гораздо быстрее.

Этот случай произошел со мной лет четырнадцать назад. Я только перебрался в Кузбасс из южных краев, не бывал в тайге, слухом не слышал о курумниках и даже о кедрах имел самое смутное понятие.

В июле друзья мои — Иван Петрович и Женя — решили показать мне сибирскую тайгу, предложили порыбачить на одной из красивейших, по их словам, речек Кузнецкого Алатау — Казыре.

В дословном переводе с шорского Казыр — это непокорная река. Весной, в половодье, она, говорят, и впрямь свирепо бушует, грохочет многотонными валунами, подтачивает и обрушивает монолитные скалы. Сейчас же перед нами была сравнительно мирная и спокойная речушка шириной метров пятнадцать-двадцать, и образ грозного Казыра в моем воображении несколько померк.

— Ну вот, здесь и перекусим,— объявил Иван Петрович, свернув с тропы к огромному, в несколько обхватов, дереву.— Ничего себе кедрочка, а?

Так вот он какой — таежный красавец! Гордо и независимо возвышался кедр над всем остальным лесным миром, словно подчеркивая

царской осанкой свою близость к солнцу. Свето-зеленая хвоя его длинна и мягка.

Я скинул рюкзак, пригнул нижнюю ветвь, провел ею по лицу. Хвоя не кололась, она будто бы сама нежно и матерински ласково потрепала меня по щеке, приветствуя мой приход и принимая за своего.

Иван Петрович отломил сухую ветку, припал в костре кончик, прикурил от него, затушил, молвил блаженно:

— От кедрашки прикурить — смак.

— Скоро от осины будешь прикуривать и радоваться, — усмехнулся Женя.

Иван Петрович промолчал, а я поинтересовался:

— Почему?

— Охотников на кедр слишком много поразилось. Одни шишкарки чего стоят...

— Какие шишкарки?

Женя глянул на меня, как учитель иногда смотрит на тупого ученика, — жалея и негодуя. Но сразу погасил взгляд и кивнул на Ивана Петровича:

— Его спроси, он лучше меня о них знает.

Не буду дословно передавать рассказ Ивана Петровича, скажу только, что услышанное так меня поразило, что весь остатний путь я только о шишкарках и думал.

Ведь что они, негодники, делают! Даже кузнечными кувалдами бьют в надежде, что созревшие шишки упадут от сотрясения на землю. Накидывают на вершинки молодых кедров петли, тянут, сгибают дерево, часто ломают его.

Попадают среди шишкарки и такие, которых иначе, как преступниками, не назовешь. Браконьер — слишком мягкое для них словечко. Вооруженные топорами и пилами, они просто-напросто сваливают дерево, обирают шишки, а кедр оставляют гнить. Так вот и гибнет таежный красавец, кормилец белок, глухарей, рябчиков и многой другой живности...

Почти двадцать километров прошли мы в тот день по окатистым курумникам — превратившимся в каменную осыпь скалам, по едва заметной, нехоженой еще в тот сезон тропе, пока добрались до развилки, где сливались Большой и Малый Казыр. Перебрали на зеленый мыс водораздела, выбрали местечко, где побольше сухостоя для костра, и разбили лагерь.

Быстро темнело и прохладнело. Товарищи меня похвалили. Оказывается, прежде они покрывали это расстояние с ночевкой, и только на этот раз, решив проверить мои «ходовые качества», рискнули одолеть путь за один переход. Измаялись все так, что с трудом дождались, пока сварится гороховая похлебка, поели и завалились спать.

Проснулся я первым, и хотя спал каких-то пять-шесть часов, ощутил себя хорошо отдохнувшим, бодрым, готовым на дальнейшие «подвиги».

Вылез из палатки, пошел к речке ополоснуться. Только-только начинало светать. Все кругом было еще пасмурным, расплывчатым. Парная дымка тумана обволакивала прибрежные кустарники, скрывала торчащие из воды валуны, и только по бурлящим звукам стремительной реки можно было догадаться о их существовании.

И все это — дымка, речной клевет, начинающее розоветь небо, первые робкие трели просыпающихся птиц, знобкая утренняя прохлада и ледяная, необыкновенной чистоты вода создавали какой-то совершенно новый для меня мир, о величии и простоте которого я и не подозревал.

И вдруг весь этот мир разрушился: туман уже немного рассеялся, и на том берегу я увидел... шишкарку.

Что он, подлец, творил с деревом! Здоров и ловок был этот шишкарка. Он проворно взлез на самую вершину, молодое дерево не выдержало тяжести его тела, согнулось почти до земли, а шишкарка, намертво вцепившись, тряс дерево изо всех сил.

Клокочущая река глушила звуки того берега, но мне казалось, что я слышу хруст ломающихся ветвей, глухие удары шишек и ликующие возгласы браконьера. Я различал лишь массивную его фигуру, а мне казалось, что вижу даже его глаза в жадном прищуре.

Он отпустил, наконец, вершинку. Дерево, выпрямившись, затрепетало, словно жаловалось небу на такое бесчеловечное с ним обращение, а шишкарка, как ни в чем не бывало, стал на четвереньки и начал шебаршиться в траве. «Шишки, гад, собирает!» — подумал я. Первым моим побуждением было броситься в воду, перебраться на тот берег, схватить шишкарку, связать. Но вспомнив о его недюжинной силе, я отрезвел и кинулся к палатке.

— Братцы, вставайте!.. Вставайте, братцы!.. Тут такое, такое... — я тормошил сразу обоих и злился, что они медлят.

Очнувшись ото сна, друзья не на шутку испугались, — мало ли какой сюрприз может преподнести тайга! — выскочили из палатки, причем Иван Петрович не забыл прихватить и двустволку, предварительно проверив, загнаны ли патроны в патронник.

— Ну, что? — шепотом спросил Женя, озираясь по сторонам.

— Вон, глядите! Браконьерничает...

Шишкарка тем временем сделал какое-то умопомрачительное сальто и снова полез на дерево.

— Видите?!

Друзья мои, присмотревшись, начали медленно оседать, упали в траву и хохочут. Иван Петрович громко, раскатисто, Женя — тонко, со всхлипами, придерживая челюсть, будто от смеха она могла у него отвалиться.

Я с недоумением смотрю то на них, то на

шишкаря, который успел уже изрядно трепануть пригнутую к земле вершинку. И тут я неожиданно вспоминаю, что кедровые шишки — это Иван Петрович рассказывал — вызревают в сентябре, а сейчас — июнь, и шишкарям вроде бы в тайге делать нечего...

Мой браконьер, к счастью, оказался пестуном — двухгодовалым медведем, решившим поутру поразмяться. Да и дерево оказалось не кедром, а обыкновенной березой.

Ну, о том, как потешались над моей оплошкой друзья, вы сами можете представить. Но вот что интересно — сколько потом я ни бродил по тайге: и в Саянах бывал, и на Алтае, и на Севере, где медведей, по рассказам жителей, как собак нерезаных, а повидать косолапого не удалось.

Дикая собака Динка

Виталий сказал, что она сама пришла в лагерь, на дымок костра, голодная, усталая, и увидев человека, подбежала к нему, тонко и радостно повизгивая.

Собака была невзрачная, неизвестной породы, лохматая, низкорослая, цвета совершенно неопределенного, но по повадкам виделась в ней бывалая таежница. Возможно, кто-то в ее родословной был настоящей лайкой. Она не боялась людей, доверчиво шла к каждому из нас, к столу и продуктам не подходила, а садилась в отдалении и даже морду отворачивала, как будто еда нисколько ее не интересовала. Ела жадно и как бы с благодарностью. Оставшиеся куски уносила в тайгу и закапывала в укромном местечке.

За десять или одиннадцать дней рыбалки мы не встретили ни одного человека — ни охотника, которому летом в тайге делать нечего, ни рыбака, потому что не каждый полезет в эту глушь. Ближайший поселок был в километрах сорока — пятидесяти. Так что появление у нас в лагере собаки долго оставалось тайной, как и ее прозвище.

Каких только имен мы ей ни придумывали, как ни называли — и Белка, и Стрелка, и даже, совсем отчаявшись, мадам Бовари, — она и ухом не вела ни при одном оклике.

— Дикая собака Динго! — с пафосом произнес один из нас. — И потому давайте звать ее Динкой.

Ну Динка так Динка!..

Каждый из нас, уходя утром на рыбалку, — кто вниз по реке, кто вверх, — желал взять Динку с собой, звал, приманивал, но собака оставалась в лагере, с дневальным, и весь день не отходила от него ни на шаг, словно боялась опять оказаться в одиночестве.

Настал и мой черед дневалить. Проснулся я, как положено дневальному, раньше всех, стал готовить завтрак. Динка лежала на траве возле кострища, свернувшись калачиком. При моем появлении встала, подошла ко мне, виляя хвостом, потерлась о голенище сапога, словно сказала: «На сегодняшний день я в твоём полном распоряжении», и снова улеглась на прежнем месте.

Позавтракав, ребята разбрелись кто куда, а мы с Динкой остались в лагере. Я помыл посуду, развесил просушить на солнце спальные мешки, подмел в палатке, и, так как времени до приготовления обеда было еще порядочно, решил порыбачить прямо тут, возле лагеря.

Динка следила за каждым моим движением, и когда я взял удочки, подбежала ко мне и преданно посмотрела в глаза, выражая готовность идти со мной хоть на край света.

— Да лежи, — говорю, — дурочка. Я же недалеко, не бойся, больше ты одна не останешься.

Мы уже договорились взять Динку с собой и подарить ее какому-нибудь охотнику. В городе такие собаки не приживаются. Теплая городская квартира с удобствами для нее все равно, что клетка.

Динка спустилась со мной к воде. Река у берега была мелкой. Я стал забредать. Динка взволновалась, забегала по берегу и вдруг кинулась за мной вплавь. Пришлось вернуться.

— Ну, чего же ты? — спрашиваю. — Чем ты думаешь? Ведь я же в воде на ногах стою; у меня голенища вон какие. А ты что — возле меня круги станешь делать? И рыбу распугаешь, и захлебнуться можешь.

Динка, повиливая намокшим хвостом, слушала меня со вниманием и, казалось, все понимала.

Я снова пошел в воду. Динка тоже хотела было плыть за мной, но тут я разозлился и строго приказал:

— Сидеть! Сидеть, говорю!

И Динка послушалась. И хотя в ее глазах появилась тоска, она не решилась нарушить приказ.

Я добрел чуть ли не до середины реки, до русла. Оно было тут глубоким, каменистым, течение стремительным. Самое хариузное местечко. Все дневальные коротали здесь свободное время. Витальке удалось однажды поймать даже ленка. Небольшого, граммов на четыреста, но все же...

С первой закидки я вытащил средненького хариуса. «Если так и дальше пойдет, — думаю, — то смогу в обед угостить ребят жареной рыбой».

Заброс, другой... И еще одна рыбина затрепыхалась в перекинутой через плечо холщовой сумке.

Я сменил червяка, спустился на несколько метров вниз по течению и тут, сквозь шум бурлящей воды, услышал жалобное повизгивание.

Динка, скуля и как-то неестественно вытянувшись, металась по гальке, словно искала брод, и найти ей нужно было его срочно, сейчас же, будто может случиться непоправимое. И что самое странное, она смотрела не на меня. До меня ей уже не было никакого дела. Динка смотрела на противоположный берег, где — я не сразу его приметил, — шел по тропе человек. Шел ходко, не оглядываясь. По всему видно, он был геологом. Ни ружья, ни удочки, только полупустой рюкзак за плечами. Значит, где-то в верховьях стояла геологическая партия или просто небольшую группу бросили на разведку.

Динка, как будто рассчитав, насколько может снести ее течением, пробежала вверх по реке метров сто и смело ринулась в воду. Сначала она плыла легко и быстро, но, достигнув главной струи, где течение было особенно сильным, стала сдавать.

А человек по-прежнему шел, не замечая ни меня, ни плывущей к нему собаки.

Динка все никак не могла преодолеть этот неширокий поток, присущий всем горным рекам, где вода злобствует с особой силой. Я хотел было окликнуть Динку, приказать вернуться, но

вовремя сообразил, что делать этого никак нельзя. Собака может обернуться на зов, расслабиться, потерять темп, и тогда уж беда придет неминуемо.

Динка сделала последнее отчаянное усилие и выплыла на спокойную воду. Течение все-таки снесло ее, и она вылезла на берег гораздо ниже идущего по тропе человека. Вылезла, отряхнулась и, не отдохнув, не отдышавшись, бросилась ему навстречу. У нее, видимо, не было сил, чтобы радостно взлаять, только хриплый, негромкий скулеж вырвался из ее горла. Динка чувствовала себя почему-то виноватой перед хозяином, она подобострастно виляла хвостом и старалась заглянуть ему в глаза. А он даже шага не сбавил, не остановился, чтобы приласкать собаку, которую давно не видел.

Наверное, геологи свертывали работы, готовились к отъезду, и собака была теперь лишь обузой. И Динка, будто что-то поняв, не побежала впереди этого человека, как, вероятно, бегала всегда, а понуро поплелась сзади.

Я позвал Динку, но она даже не оглянулась. Тогда я крикнул:

— Эй, товарищ! Как зовут собаку-то?

По-прежнему не сбавляя шага, он обернулся, произнес какое-то короткое слово, но я не услышал — расстояние между нами было порядочным, а переспрашивать не хотелось: слишком хмурым и злым показалось мне его лицо.

Знай мы сразу настоящее имя Динки, может быть, она осталась бы с нами, не пошла бы за этим геологом. Впрочем, нет, пошла бы. Для собаки хозяин всегда хозяин, даже если он и плохой человек.

ПОД ПАРУСОМ И НА ГРЕБНЫХ СУДАХ

**Виктор
ХАРИТОНОВ**

Наверно, такие случаи в истории исключительны, когда родоначальником какого-то вида спорта считают царя. Зарождение водного спорта в России связывают с именем Петра Первого. Это он в 1718 году основал первый в мире речной яхт-клуб «Невский флот», положивший начало парусному и гребному спорту в стране. По инициативе и при личном участии Петра проведен первый водный переход на карбасах из Архангельска к Белому морю и трехсотверстный проплыв на яхте по Балтике.

После смерти Петра Первого наступило затишье более чем на столетие. Лишь в 1860 году в Петербурге и в 1867 году в Москве открылись морская и речная яхт-клубы.

Несмотря на обилие рек и морских пространств, гребной спорт в Российской империи развивался слабо. И все-таки имена наших соотечественников вписаны в списки выдающихся гребцов мира. В 1889 году москвич Митрофан Свешников первым из русских гребцов вышел победителем на международных соревнованиях по академической гребле в Петербурге. Звание чемпиона Голландии в 1909 и 1910 годах среди сильнейших гребцов-одиночек континента завоевал чемпион Невы и России петербуржец М. Кузик. Выдающийся гребец А. Переселенцев в 1912 году в состязаниях лучших спортсменов Европы и Австралии вышел победителем, опередив чемпиона из Англии Киппера. На чемпионате Европы 1913 года победа на одиночке досталась тоже русскому спортсмену Никите Найденову, ставшему также чемпионом России по конькам, а позже — заслуженным летчиком новой республики Советов.

...Трудно остановить выбор на каком-либо из многочисленных водных путешествий 20—30-х годов. Много их было — на яхтах, морских ялах, вельботах, шлюпках, байдарках, и все они по-своему интересны и своеобразны. Помог случай. Телефонный звонок известил о приезде в Москву ветерана астраханского водного спорта Александра Ивановича Оксмана, а он был участником одного из интереснейших шлюпочных переходов в 1928 году. Несмотря на свои восемьдесят с лишним лет

он и сейчас подвижен, бодр, крепок — результат систематических занятий водным туризмом. О водном переходе по маршруту Астрахань — Москва, подробности которого А. И. Оксман помнит до сих пор, стоит немного рассказать.

Летом 1928 года десять астраханских чекистов-динамовцев во время своего отпуска отправились на десятивесельной шлюпке с парусом в более чем 3000-километровый поход по Волге. Волжский переход начался там, где в далеком прошлом проплывали ватаги Стеньки Разина.

Первый этап пути от Астрахани до Сталинграда оказался самым тяжелым. Поход совпал с периодом спада воды, когда течение Волги заметно усиливается, встречные северо-западные ветры затрудняют продвижение; и даже когда команда сидит на всех десяти веслах, течение все-таки отбрасывает вельбот назад...

В тяжелых отрезках пути выручал давно забытый способ волжских бурлаков и «Дубинушка». Двое-трое динамовцев, перекинув через шею лямку, на бечеве тянули свое суденышко. Под Саратовым, около села Золотое, пробирались сквозь затопленный лес, приходилось тащить вельбот на бечеве с берега, прыгая чуть не по деревьям с обезьяньей ловкостью и сноровкой. А однажды, буксируя вельбот у скалистых берегов Волги, путешественники совершенно сбили на острых камнях ноги и обувь. Пришлось в Ульяновске сделать солидный запас — скупить все имеющиеся на рынке лапти...

И так — шестьдесят два дня. За редким исключением, когда вельбот гордо входил в «порты» под полными парусами... Через шестьдесят два дня команда в составе командира перехода Филиппа Трубицына, старшего рулевого Александра Оксмана, «матросов» Михайла Петрухина, Виктора Сахарина, Александра Мангушева, Ивана Скороскокова, Николая Короткова, Ивана Нечаева и Георгия Щепетильникова пришвартовалась к пристани водной станции московского общества «Динамо».

СПОРТИВНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Водные дальние путешествия

- 1846 год
19 мая — 16 сентября. Совершено первое в России дальнее плавание на яхте по маршруту Кронштадт — Севастополь. «Неренда» под руководством лейтенанта М. Атрыганьега по пути следования посетила Копенгаген, Гибралтар, Неаполь, Пирей, Констанцу.
- 1876 год. Саратовские любители водного спорта С. Карпинский и его товарищ совершили тысячеверстный поход на байдарке по Волге, Дону и Азовскому морю до Таганрога.
- 1890 год. Группа самарских марксистов, в числе которой был В. И. Ленин, на лодке «Нимфа» совершили двухсоткилометровое путешествие по Волге и Усе вокруг легендарных Жигулей в районе Самарской луки.
- 1914 год,
июнь — июль. Петербургские гимназисты П. Прибытков, А. Митягин, К. Григорьев на простой рыбацкой лодке с парусом прошли из Вологды в Архангельск по рекам Сухонь, Вычегде и Северной Двине.
- 1924 год,
август — октябрь. Из Ленинграда в дальний водный путь до Севастополя отправилась шестивесельная шлюпка с семью спортсменами: Криворотченко, Гусаровым, Успенским, Жихаревичем, Бухаловым, Александровым и Вишняковым. Маршрут: Нева — Тихвинская система — р. Сясь — Волга до Царицына, по железной дороге к берегу Дона, затем морской переход на Керченский пролив и по Черному морю до Севастополя.
- 1927 год. Член спортобщества «Водник» Л. Альбинский на одноместной байдарке проплыл от Перми до Севастополя по рекам Мама, Волга, Дон, Азовскому и Черному морям.
- 1928 год,
13 мая — 15 июня. Большой шлюпочный переход из Смоленска в Севастополь. 20 спортсменов на двух шлюпках прошли на веслах свыше 2200 километров.
- 1928 год,
25 июня — 28 августа. Десять астраханских динамовцев совершили на морском вельботе проплыв от Астрахани до Москвы. Водный переход в 3312 километров по Волге против течения явился выдающимся спортивным достижением.
- 1928 год,
19—22 августа. 35 физкультурников ленинградских профсоюзов на яхтах «Революция», «Рабочий» и «Металлист» совершили заграничный поход в Финляндию.
- 1934 год. Ленинградские яхтсмены на быстроходных судах «Пионер» и «Ударник» совершили водный пробег вокруг Скандинавии, покрыв 4000 морских миль.
- 1935 год,
25 мая — 4 июля. Пятеро свердловских спортсменов — Нерета, Рябов, Хонякевич, Удников и Зентгеллер (командир пробега) осуществили смелый переход на байдарках от Свердловска до Москвы, пройдя 3214 км по Чусовой, Каме, Волге, Оке и Москве-реке.
- 1935 год,
12 июня — 24 июля. В честь 15-летия комсомола состоялся шлюпочный поход омских спортсменов из Омска до заполярного города Новый порт. 34 спортсмена под руководством Ф. Ф. Симонова прошли по Иртышу 3000 км и еще 300 км по морю.
- 1935 год,
12 мая — 30 октября. Беспримерный байдарочный переход по 15 рекам из Байкала в Москву. Авиаторы Губанов, Евдокимов и Макаров и студенты Иркутского педагогического института Гершенсон, Овсянников, Завьялов, взяв старт в Ангарске, за 87 ходовых дней преодолели около 9000 км, из них 3110 — против течения.
- 1935 год,
июль — октябрь. Инженер Одесского завода имени Ленина Партенский и токарь Аннелем на двухместной байдарке за два с половиной месяца пересекли всю европейскую часть страны по озерам и рекам, от Белого до Черного моря.
- 1936 год. Рыбак Зыков с женой совершили трудный переход из Салехарда до верховья реки Юрибей: 1000 км на нарте с парусом и 700 км на лодке с парусом. По неизведанным рекам они добрались до Гады-Ямо — самой отдаленной фактории Омского управления Севморпути.
- 1936 год. 8 октября в Москве состоялась торжественная встреча туркменских рыбаков-колхозников, закончивших переход на легких лодках-таймуках из Красноводска в столицу. Проплыв длился три месяца. Маршрут: Каспийское море — Волга — Ока — Москва-река. Все участники перехода награждены орденами «Знак Почета».

ТРУЛЮ

**Феликс
КРИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

ОСТРОВ
ВТОРОЙ,
представляющий
собой
величину
переменной,
из-за чего
существование его
поставлено
на карту

Капитан Трулюлюп считал себя человеком бывалым, хотя неизвестно, когда и где он успел побывать, потому что родился-то он буквально на глазах у своей команды.

Конечно, он знал немало, но ему еще больше хотелось знать, и в минуты отдыха он одолевал вопросами свою команду.

Продолжение. Начало см. в № 6.

ЛЮПОВЫ ОСТРОВА

— Как правильно писать: Океан или Акеан? — спрашивал он и, получив ответ, на этом не успокаивался и задавал новый вопрос: — А как правильно писать: ОкЕан или ОкИан?

Как настоящий служака, он четко отличал главные члены предложения от второстепенных. А все придаточные Трулюлюп отделял от главных запятой, потому что должно же что-то отделять матроса от капитана.

Зато чего он категорически не признавал — это алфавита.

— Матрос Фон-Этик, — говаривал он, находясь в хорошем расположении духа (у него был закон: все плохое говорить в хорошем расположении духа, а в плохом — только хорошее, дабы и в том и в другом случае не перехлестывать через край), — матрос Фон-Этик, вот вы все носитесь со своим алфавитом, а ведь он что такое? Сумбур. Полное отсутствие порядка и дисциплины.

— Капитан! — вскрикивал в ужасе Фон-Этик.

— Да-да! Вот вы говорите: гласные и согласные. Это я понимаю. Одни подают голос, а другие нет, потому что они всегда и со всем согласны. Разница? Так зачем же их перемешивать, почему не выстроить их по порядку? Занимаемое положение должно определяться личными качествами. Я бы сделал так: на первом месте — гласные, те, которые не стесняются подать голос: А, Е, Е, И, О, У, Ы, Э, Ю, Я. А потом уже все остальные. А если у вас в алфавите больше ценится, чтобы со всем соглашаться, то начинайте с согласных: Б, В, Г, Д, Ж и так далее. А гласные — в самый конец, хотя лично я так бы не делал. Я уважаю тех, кто имеет собственный голос, будь он матрос или капитан.

Леваруля!

Праваруля!

Сказать короче, труляля!
Я мореход,

И книголюб,

Сказать короче, Трулюлюп!

Фрегат неся на всех парусах, разрезая неразрезанные страницы, и в один прекрасный день номера страниц стали смешиваться с какими-то другими номерами, что навело капитана на мысль о близости острова Математики. Нашелся вскоре и человек, подтвердивший эту прозорливую мысль.

Он сидел в лодочке, углубившись в книгу, на которой крупными буквами было начертано: «ГЕОМЕТРИЯ». Книжка, видимо, его захватила: он то и дело издавал различные междометия и этим приводил Морфа в полный восторг, а также целые предложения, чем вызывал восхищение Синта.

— Ах! — восклицал одинокий мореплаватель. — Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов! Эх, как здорово! Ой, как хорошо!

Естественно, капитан Трулюлюп тут же поинтересовался, что такое гипотенуза. На его месте каждый, услышав про гипотенузу, поинтересовался бы, что такое гипотенуза, а узнав, что такое гипотенуза, поинтересовался бы, что такое катет, квадрат и так далее. Обо всем этом капитан расспросил подробнейшим образом и, лишь удовлетворив свою любознательность, счел возможным перейти непосредственно к знакомству.

— Пьер Пендикуляр, — представился любитель геометрии.

— ПендЕ или ПендИ? — проконсультировался Трулюлюп у Морфа, и услышав, что ПендИ, улыбнулся новому знакомцу. — Хорошо звучит. Не совсем ясно, как это бывает с безударными гласными, но хорошо. Рад знакомству.

— А вы знаете, что две величины, порознь равные третьей, равны между собой? — спросил Пьер Пендикуляр, явно намекая на геометрию.

— Вы имеете в виду этих троих? — кивнул Трулюлюп на свою команду. — Уверю вас, они очень раз-

ные и к каждому нужен индивидуальный подход. Индивидуальный или индивидуальный? — осведомился он у Морфа. — Ну да, индивидуальный, именно так я и говорю.

Утлая лодочка жалась к фрегату, как жметя потерявший родное дерево листок, когда его случайно прибивает к другому дереву, и, глядя на это печальное зрелище, Синт спросил:

— И вы не боитесь: на лодочке — в открытом море?

— Почему в открытом море? Я бросил якорь у самого берега... — Пьер Пендикуляр искал глазами берег и обнаружил, что его нет. Либо лодка оторвалась от якоря, либо якорь оторвался от берега, либо берег оторвался от того и другого. Поскольку якорь прочно сидел, оставалось третье предположение, и его-то и высказал Пьер Пендикуляр: — Опять украли кусок острова.

Предположение невероятное, в которое ни один строго мыслящий человек бы не поверил, но капитан Трулюлюп и сам появился на свет невероятным образом, поэтому он верил в невероятные вещи.

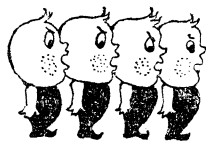
— Украли кусок острова?! — прогремел он гневно. — Свистать всех наверх!

— Не нужно свистать, у нас это нормальное положение, — сказал Пьер Пендикуляр. — Мы давно привыкли, что наш остров — величина переменная и даже не представляем его себе величиной постоянной, — вздохнул Пьер Пендикуляр.

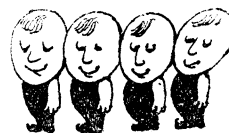
Но капитан покачал головой и велел взять лодочку геометрии на буксир. — Полный вперед! — скомандовал он. — На помощь терпящему бедствие острову!

...Земля появилась неожиданно, и фрегат едва успел сбавить ход, чтобы не врезаться в нее, а неторопливо причалить. Команда высадилась на берег и с интересом разглядывала остров, который, казалось, вовсе не терпел бедствие, а во всех отношениях процветал.

ГЛАСНЫЕ

СОГЛАСНЫЕ

— Нас встречают, — удовлетворенно отметил капитан Трулюлюп. — Смотрите: они выстроили почетный караул.

— По порядку номеров рассчитайся! — скомандовал начальник караула.

- Третий!
- Второй!
- Седьмой!
- Пятый!
- Первый!
- Шестой!

— Ничего себе порядок! — покачал головой Трулюлюп. — Они здесь, видно, совсем не умеют считать.

— А где Восьмой? — спросил начальник караула. — Опять я не вижу Восьмого. И почему Девятый стоит на голове?

— Не ругайте их, — сказал, подходя, капитан. — Нам бы не хотелось, чтобы из-за нас у них были неприятности.

— Из-за вас? — пожал плечами начальник караула. — А вы, собственно, кто такие?

— Вот тебе на! Сами встречаете, рассчитываетесь по порядку номеров...

— Мы никого не встречаем. А рассчитываемся по порядку номеров, потому что у нас такая работа. — И, повернувшись к строю, начальник караула сказал: — Где же все-таки Восьмой? Без него мы не можем приступить к действию.

— Давайте без него, — сказал Третий, стоявший первым. — Без него нам еще лучше.

Капитан все понял.

— Синт, Морф, Фон-Этик, вы понимаете? Это никакой не почетный караул, это шестизначное число...

— Не шестизначное, а семизначное, — с достоинством возразил начальник караула, оказавшийся обычным Делителем. — Восьмерка у нас отсутствует... по болезни...

— Восьмерка? — удивился Морф. — Женский род?..

И тут все увидели, что в шеренге стоял сплошной женский род: Тройка, Двойка, Семерка, Пятерка, Единица и Девятка, которая выдавала себя за Шестерку, стоя вниз головой.

— Без Восьмерки еще лучше, — опять сказала Тройка, стоявшая первой. — Без нее мы все разделимся на три. Мне-то что, лично я разделюсь, но хотелось бы, чтоб все разделились.

— Почему на три? Почему именно на три? — повысила голос Пятерка. — Никого не беспокоит, что число не делится на пять. Я бы тоже могла сама по себе разделиться и — будьте здоровы!

— И устный счет, и письменный счет у нас всегда превращается в сведение счетов, — спокойно сказала Единица. Ей не о чем было беспокоиться, потому что на единицу делились все — порознь, и вместе взятые.

— Каждый только о своем, и никого не беспокоит, что семизначное число становится шестизначным, — с укором сказал Делитель. —

Вот я, к примеру, ломаю голову: почему у нас Восьмерка с утра до вечера спит?

— Вы сказали, что она больна.

— Это для приличия: неудобно, что у меня такая дисциплина. А из-за того, что кто-то спит, кому-то приходится становиться на голову... Да, у нас иногда выдвигают... На ответственные посты выдвигают: в десятки тысяч, в миллионы выдвигают... Ведь в многозначных числах знаете как? Все зависит от занимаемого положения. Если ты в конце, ты обозначаешь единицы, если второй с конца — десятки, третий — сотни и так далее... Чем ты дальше от конца, тем выше твое значение... А Восьмерка? Выдвинули ее, а она подвела...

— Где? — спросил Трулюлюп. — Вы нам только ее покажите, уж мы ей объясним, что к чему!

— Вон там. Только вряд ли вам удастся ее разбудить: сон у нее крепкий.

Восьмерка лежала, свернувшись калачиком на странице, и улыбалась во сне, как улыбаются те, кому удается поспать в рабочее время. Увидев ее, геометр остановился от неожиданности: кого-то она ему напомнила, но кого — он не мог определить.

— Подъем! — скомандовал капитан Трулюлюп.

— Не проснется, пока она в горизонтальном положении, — высказал предположение геометр. — Нужно поставить ее вертикально, то есть

перпендикулярно плоскости, на которой она лежит.

— Поставьте ее на ноги,— упорстил эту мысль Трулюлюп.

— Тут не поймешь, где туловище, где голова,— бормотал Морф, но тут же нашел выход из положения:— Туловище, вероятно, побольше, а голова — поменьше.

Но и поставленная на ноги, Восьмерка долго еще улыбалась, не вступая в общение с внешним миром, и нужно было ее крепко держать, чтобы она сохраняла вертикальное положение.

Внезапно она перестала улыбаться, открыла глаза и сказала:

— Как бесконечно большие, так и бесконечно малые величины в одинаковой степени приближаются к бесконечности.

— Бесконечность! — вспомнил геометр. Так вот что ему напоминала Восьмерка, когда находилась в горизонтальном положении! Она напоминала знак, которым в математике обозначается бесконечность.

— Все эти разговоры о бесконечности — пустые слова,— сказал капитан Трулюлюп.— За ними прячутся те, кто не хочет работать здесь...

И геометр подсказал:

— На данном отрезке.

— Правильно. Лучше что-то делать на данном отрезке, чем ничего не делать в бесконечности. И почему вы решили, что бесконечно малые и бесконечно большие величины...

— В какой-то мере она права,— сказал геометр, проявляя в этом

вопросе завидную эрудицию.— Бесконечно малые так же, как бесконечно большие, приближаются к бесконечности, только у них другая, своя, бесконечно малая бесконечность... То есть, приближаться-то они приближаются, но движутся как бы в противоположную сторону...

— Ничего себе бесконечности! Значит, чем больше они приближаются к своей маленькой бесконечности, тем больше удаляются от настоящей, большой? Я правильно понял?

— Совершенно верно, капитан. Вы будете своим человеком у нас в геометрии.

Восьмерка попыталась принять горизонтальное положение.

— Дайте мне лечь,— попросила она.— Когда я лежу, я обозначаю бесконечность, а когда я стою, что я значу? Поймите, настоящая жизнь — только в бесконечности.

— Настоящая смерть в бесконечности. У нас в геометрии есть такой постулат: параллельные прямые пересекаются в бесконечности. Хороша бесконечность, если в ней даже параллельные прямые пересекаются!

— И пусть себе пересекаются! — сказала Восьмерка.

— Пусть? Представьте себе, что вы живете в бесконечности. Вы садитесь на трамвай или, предположим, на поезд. А рельсы вдруг возмут и пересекутся. Ведь это же авария!

— Ничего, я согласна ходить

пешком. Только бы прийти в бесконечность.

— Любым путем? — сказал капитан.— Если б вы были капитаном, вы бы знали, как важно найти правильный путь. Не любой, а только один, самый правильный.

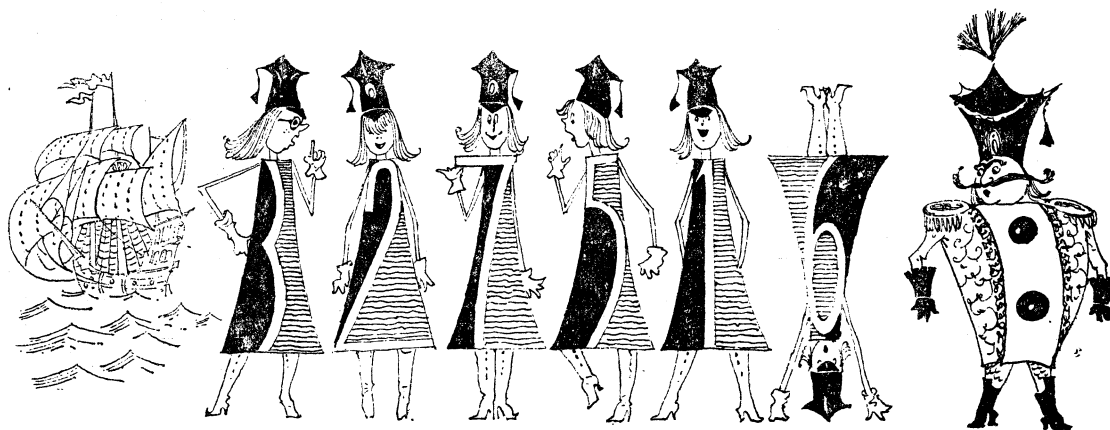
— Правильные пути, правильные ответы...— покачала головой Восьмерка, подтверждая предположение Морфа, где у нее туловище, а где голова.— Когда все слишком правильно, то это так скучно... Допустим, я Восьмерка, я должна делиться на два, на четыре, на восемь, а я хочу делиться на шесть... Потому что на шесть я могу делиться бесконечно: сколько бы меня ни делили на шесть, всегда будет оставаться три в периоде... На два, на четыре и восемь я разделюсь без остатка, но я не хочу делиться без остатка, я хочу, чтобы что-то осталось после меня... Пусть три, пусть два, пусть даже один в периоде, но чтобы хоть что-нибудь все же осталось... Потому что в этом — моя бесконечность...

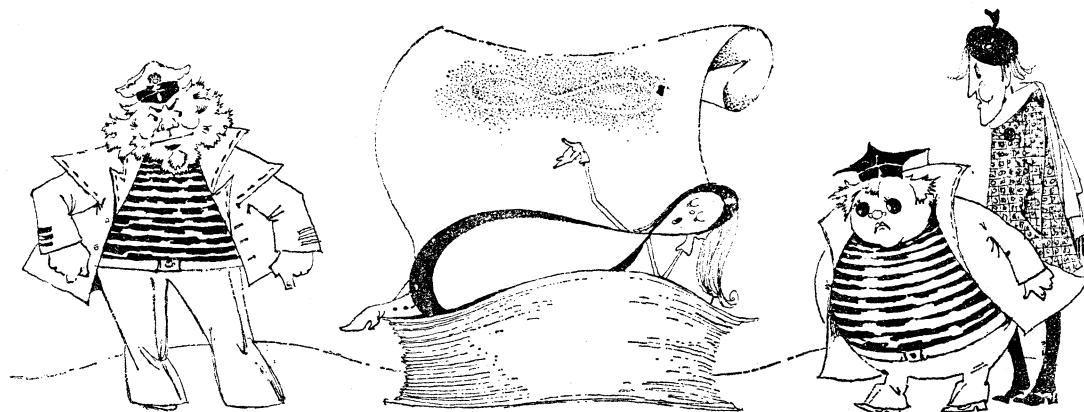
— То, что остается в периоде,— сказал геометр,— это стремление к бесконечно малому.

— Пусть малому, но бесконечному.

— А разве вам не хочется стремиться к бесконечно большому? — спросил Синт.

— Еще как хочется! Но это не в моей власти. Я величина маленькая, и мой удел — довольствоваться бесконечно малым... Что делать, каждому своя бесконечность: одному

большая, другому — малая... Только бы была бесконечность...

— Значит, вы не уверены, что она есть? — спросил геометр, у которого тоже не было этой уверенности, хотя в его науке о ней достаточно много говорили.

— Если б я была уверена!

— Тогда бы вы спали в сутки сорок восемь часов, — сострил Морф, но никто не улыбнулся его остроте.

— У нас в синтаксисе никакой бесконечности нет, — сказал Синт. — Каким бы длинным ни было предложение, рано или поздно ставится точка.

— Бесконечно малая величина, — вставил геометр.

— Да, точка невелика, — согласился Синт. Может быть, потому, что она сама невелика, она стоит на страже лаконичности. Иначе бы словам конца не было.

— И прекрасно! — сказала Восьмерка.

— Увы, у нас не так, как в арифметике: у вас чем больше цифр, тем крупнее число, а у нас чем больше слов, тем хуже для общего смысла.

— У нас тоже так бывает в дробях. Если большинство цифр стоит в знаменателе.

— Не будем говорить о дробях, — сказал капитан. — Сначала разберемся в целых числах. Я тут у вас что заметил: чем больше цифр стоит рядом, тем больше число. Правильно я сообразил?

Восьмерка подтвердила, что правильно.

— И чем больше мы будем добавлять цифр, тем число будет больше, и пока мы будем добавлять к нему цифры, оно будет стремиться к бесконечности. Так или нет?

— Так, — подтвердила Восьмерка.

— Значит, стремление к бесконечности, в общем, есть. Не у вас одной, а у всего вашего коллектива. Причем стремление не к малой бесконечности, а к большой, к той, к которой только и стоит стремиться... Почему бы вам не стремиться со всеми вместе к большой бесконечности?

Восьмерка не нашла, что ответить. Такого ответа в задачнике не было.

— Если я правильно понял арифметику, тут главное — держаться коллектива, — сказал капитан Трулююп, и это наблюдение было весьма прозорливым.

— Значит, вы тоже стремитесь к бесконечности? — улыбнулась Восьмерка, как раньше улыбалась только во сне. — Это так чудесно, когда все стремятся к бесконечности!..

— Поэтому не будем друг другу укорачивать жизнь, — трезво заметил Фон-Этик.

— А разве кто-нибудь ее укорачивает?

— Вы ее укорачиваете, вы. Стремясь к собственной бесконечности, вы сократили сутки до двух часов.

— Я? Не может быть! Каким образом?

Ей объяснили, каким образом, и она так расстроилась, что опять ее нужно было держать, чтобы

удержать в вертикальном положении.

— Я этого не хотела... Я даже не могла подумать... Я считала, что я одна ничего не решаю...

— В арифметике все всё решают. Точно так же, как в геометрии, хотя, конечно, своим, арифметическим способом, — сказал геометр.

Восьмерка заторопилась:

— Пойдемте скорей! Меня ждут, а я здесь теряю время!

Как важно принять правильное решение! Все поспешили к берегу, и только Синт задержался, опять увидев знакомого. Но выяснилось, что Синт снова ошибся, приняв Минус за тире, как ошибся перед этим спутав Делителя с Двоеточием.

— Как много общего между грамматикой и арифметикой! — воскликнул Синт. И Морф по-своему выразил эту мысль:

— Арифметика — это грамматика счета, грамматика — это арифметика языка.

Прощай, арифметика, хотя мы и не расстаемся с тобой... Мы никогда, никогда не расстанемся с тобой, но ведь нельзя же всю жизнь просидеть в арифметике! Нас ждут другие неведомые острова в Море Книжном и Море Журнальном.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Видеть сквозь металл

Перед нами уникальный прибор, который позволяет «видеть» сквозь металл. Это — структуроскоп.

На диск структуроскопа кладем кольцо большого подшипника. Для наглядности будем поворачивать кольцо на диске вручную. Стрелка спокойна, и вдруг вздрагивает. Тут и брак, в этом месте, в глубине структуры кольца, и есть точка нарушения твердости. Так ищут нужную музыкальную фразу, протягивая ленту магнитофона. Чуть вперед, чуть назад — вот она! У прибора тоже есть подобие магнитной головки — феррозонд. Он и прослушивает кольцо. Где таится в глубине металла островок структуры с негодной твердостью? Вот это и есть неразрушающий метод контроля изделий — производительный, высококультурный.

Недавно Всесоюзный научно-исследовательский институт подшипниковой промышленности прислал акт о том, что структуроскоп «принимается на работу» в этой отрасли.

Структуроскоп — единственный в стране прибор такого типа. Он создан в Институте физики металлов Уральского научного центра. Приоритет изобретения защищен двумя авторскими свидетельствами. Ясновидящий прибор поможет поставить быстрый и точный контроль на заводах страны, выпускающих ежегодно миллионы подшипников. Надежнее станут подшипники, надежнее будет комбайн, трактор, автомобиль...

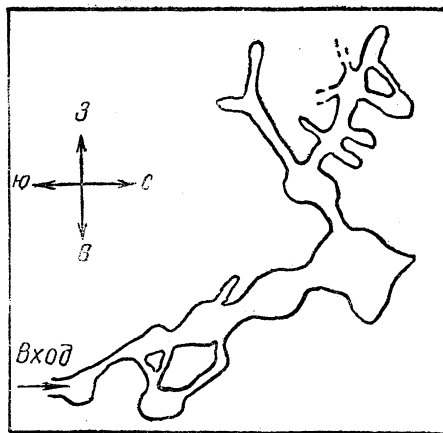

Ивдельская пещера

Мы с ребятами часто путешествуем по окрестностям своего города Ивделя. Ходим пешком, ездим на велосипедах. Любим мы лазать по пещерам — их немало на Северном Урале.

А однажды в гористой местности, называемой Лаксией, мы открыли новую не известную никому пещеру. Она — особенно хороша и, пожалуй, самая большая из тех, в которых нам удалось побывать.

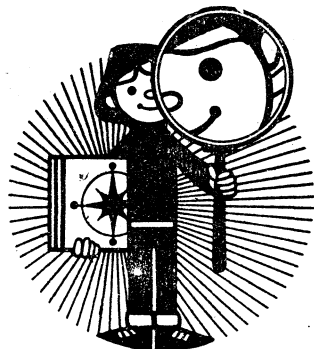
Много раз мы побывали в своей пещере, извели не один килограмм свечей, хорошо изучили ее. Вход в пещеру — низкий, почти незаметный снаружи, только ползком туда можно проникнуть. А зато далее — высокие гроты, ходы и переходы, свисают сталактиты, капает с потолка вода... Температура в пещере держится примерно одинаковой и зимой и летом. На полу кое-где лед, или глина, или пыль вековая, не тронутая никем. В пещере зимует много летучих мышей.

Исследованная нами часть пещеры протянулась на 150 метров.

Мы нарисовали план пещеры, вот так она выглядит.

С. ВИНОГРАДОВ

М И Р

НА ЛАДОНИ

Охотские клады

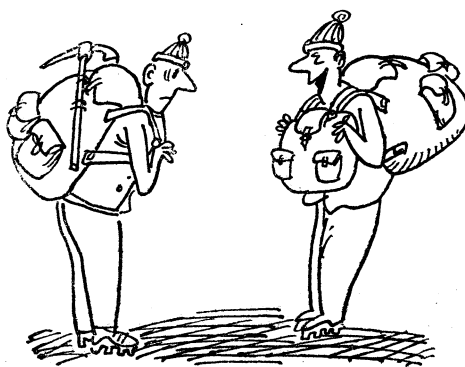
Немало сокровищ было закопано в землю в пору золотой лихорадки на побережье Охотского моря.

Летом 1925 года из Николаевска-на-Амуре в Охотск прибыла парусная шлюпка с тремя туристами, как они себя называли. Особым вниманием никто их не удостоил. Но вот заметили, что кто-то ночью копает яму около старой радиомачты. «Туристов» застали в тот момент, когда они извлекали из тайника пуд золота.

20 лет назад во дворе старого дома при рытье ямы был обнаружен крупный клад золотых монет — американских долларов 1904 года чеканки. В 1961 году житель села Булгин Г. В. Бушуев нашел две большие аптекарские

склянки с золотым песком. На Охотской косе, близ поселка Морского, недавно нашли разбитый кувшин и груды позеленевших медных монет времен Елизаветы и Екатерины II. Морские волны вымыли из косы и увесистые знаки «сибирской монеты», которые чеканились на Колыванском монетном дворе.

Кто же оставлял клады на охотской земле? Русские землепроходцы, купцы-негоцианты. Отправляясь в многолетние походы, уплывая на далекие острова Тихого океана, к берегам Аляски, они складывали ценности в кувшины, котлы и зарывали их в землю. Но обратно многие не возвращались, и остались клады невостробованными...

— А я раньше в авиации служил — привык к запасному.

Правнучка Пушкина

В Пушкинском доме на Мойке в Ленинграде собрались участники конференции, посвященной восстанию декабристов. Пришла на собрание и мадам Вильямс — Мария Лаврентьевна Вильямс, правнучка Ивана Ивановича Пушкина.

Родители увезли Машу за границу, когда ей не было и трех лет. Русских впервые встретила в 1945 году в Вене. Тогда вдоволь наговорилась она с советскими солдатами на родном языке. И вот осуществилась главная мечта Марии Лаврентьевны Вильямс — она встретилась с родиной.

В США живет брат Марии Лаврентьевны — Иван Пушин, сын которого — мэр города Си-Клифф.

Тиара скифского царя

11 января 1971 года бостонский миллионер Артур Клер, делающий бизнес на археологии и предметах древнего искусства, купил в Гибралтаре тиару Сайтаферна — золотую корону скифского царя, жившего в III веке до нашей эры. Надпись на ней свидетельствовала, что она была преподнесена в дар Сайтаферну гражданами Оливии — греческой колонии на берегу Бугского лимана.

Покупка обошлась Клеру в 300 тысяч долларов и он, естествен-

но, был очень доволен, когда виднейшие эксперты Нью-Йорка оценили ее в миллион. В интервью журналистам Клер сказал:

— Эту вещицу мне продал человек, вряд ли подозревавший, каким он обладал сокровищем. По его словам он вывез тиару из России в 1920 году. Как она к нему попала, я не знаю. Такие детали меня не интересовали, я понимал лишь одно — в моих руках драгоценная реликвия.

Ни сам бизнесмен от науки и искусства, ни его именитые эксперты не допускали даже мысли, что «драгоценная реликвия» — фальшивка.

Когда интервью Клера прочитали в Париже, французские искусствоведы вспомнили, что одна такая

тиара уже есть в Лувре. В 1895 году она была куплена в Одессе за баснословную по тем временам сумму — 200 тысяч франков. Ее выставили, было, на всеобщее обозрение, но очень скоро убрали подальше. Разразился грандиозный скандал.

Некто Исаак Рухумовский, ювелир и владелец антикварного магазина, 3 января 1896 года написал в «Одесский листок» письмо, в котором, в частности, говорил:

«И эти парижане, я имею вам сказать, когда увидели моего приказчика Иосю Горпищенко в смокинге и цилиндре от Изи Ковальского, а Иосю сказал, вы сами понимаете как, что он приехал из Петербурга купить Эрмитажу тиару Сайтаферна, эти парижане сошли с

Морская коллекция

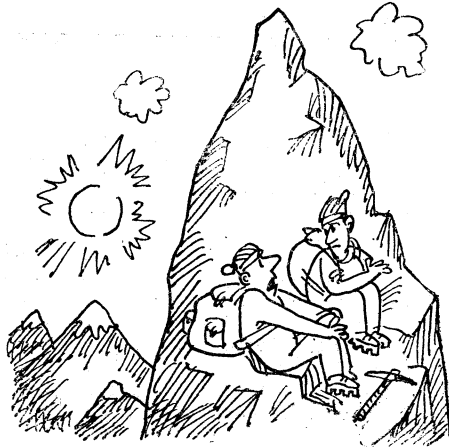
Однажды на Черном море Борис Владимирович Скраливецкий, страстный подводный охотник и ихтиолог, поймал морского дракона. Этот черноморский житель стал первым экспонатом необычной морской коллекции преподавателя Ленинградского мореходного училища рыбной промышленности.

С тех пор прошло 20 лет. Сейчас квартира Б. В. Скраливецкого напоминает морской музей. Здесь более двух тысяч редких раковин, морских животных и рыб: различные акулы и крабы, китенок, гигантский угорь, меч-рыба, морской черт, луна-рыба, летучие рыбы. Украшение коллекции — знаменитые раковины «Австралийский трубач», вмещающая ведро воды, и «Жемчужина Карибского моря».

Каждое лето Б. В. Скраливецкий со своими курсантами уходит в далекие океанские плавания на парусном барке «Крузенштерн» и возвращается, конечно, с новыми морскими диковинками. Помогают ему собирать коллекцию его бывшие курсанты — капитаны и штурманы дальнего плавания. Морские экспонаты ленинградского коллекционера демонстрировались на международной выставке «Инрыбпром».

— Это и есть пик Непроступный?

— Эх, сейчас бы «Клубкино-путешествий» посмотреть.

Рисунки В. Боковни (г. Ленинград)

ума. Они дали Йосе полные карманы комиссионных, и Йосе, вы же понимаете, согласился сказать, где эта тиара есть.

Я пожелал получить франками и они, будьте миленькими, выложили свои двести тысяч. А я вам имею сказать, клянусь небом, купил рисунок этой тиары в Очакове у Левы Гохмана за двести рублей. Кое-что мне стоило золото, но когда человек что-нибудь имеет в кармане и хочет делать шутку, то почему бы нет? Дарственную надпись оливийцев я поместил на лбу тиары. Вы сами понимаете, какой царь такое бы стерпел? И что вы после этого скажете за этих парижан?»

Письмо Исаака Рухумовского было перепечатано многими газета-

ми и сделало его знаменитым, а «шутка» с тиарой — богачом. И никто, наверное, не предполагал, что трюк Рухумовского когда-нибудь может повториться.

Новую тиару сделал престарелый гибралтарский ювелир Лев Иосифович Горпищенко, он же Уильям Горп. Да, сын того самого Йоси Горпищенко. В свое время он ходил у Рухумовского в учениках.

Мистер Уильям Горп по старой памяти выписывает русские журналы, в том числе и нашу «Науку и жизнь». В шестом номере этого журнала за 1968 год была опубликована статья доктора исторических наук А. Монгайта «Из истории археологических мистификаций», в которой упоминалась и фальшивка Рухумовского.

Статья озарила Горпа.

— Я вспомнил, — давая показание суду, говорил он, — что ту тиару мы делали вместе с Рухумовским и подумал, что теперь мог бы сделать не хуже и сам. Фотография была в журнале, а все остальное я прекрасно помнил. Но пусть никто не думает, что мне было легко. Я переделывал корону семьдесят три раза. Потом она мне понравилась и я подумал, что свои деньги я заработал честно. Повторять шутку Рухумовского мне не хотелось, поэтому надпись оливийцев я поместил там, где надо, на внутренней стороне ободка тиары.

Суд счел возможным оправдать Уильяма Горпа. Он делал свой бизнес, а бизнес есть бизнес.

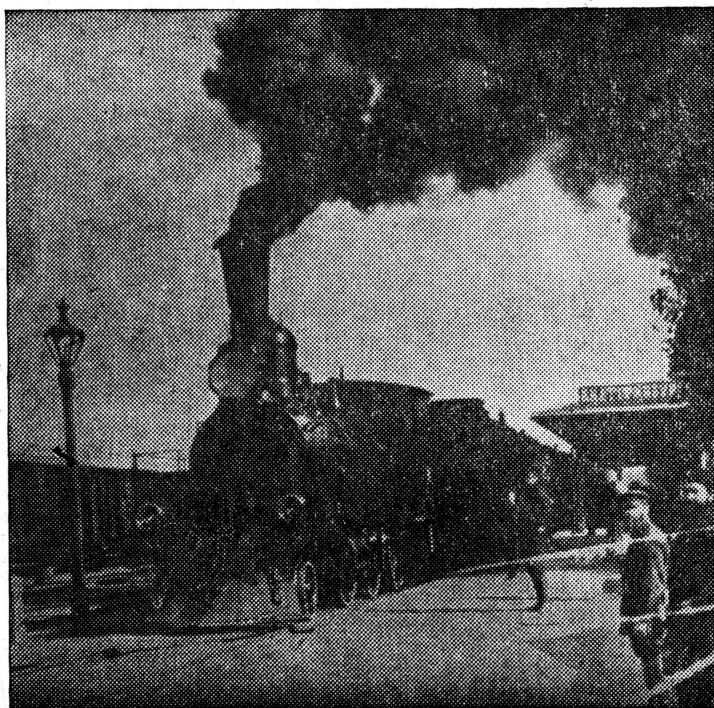
От Метенкова до наших дней

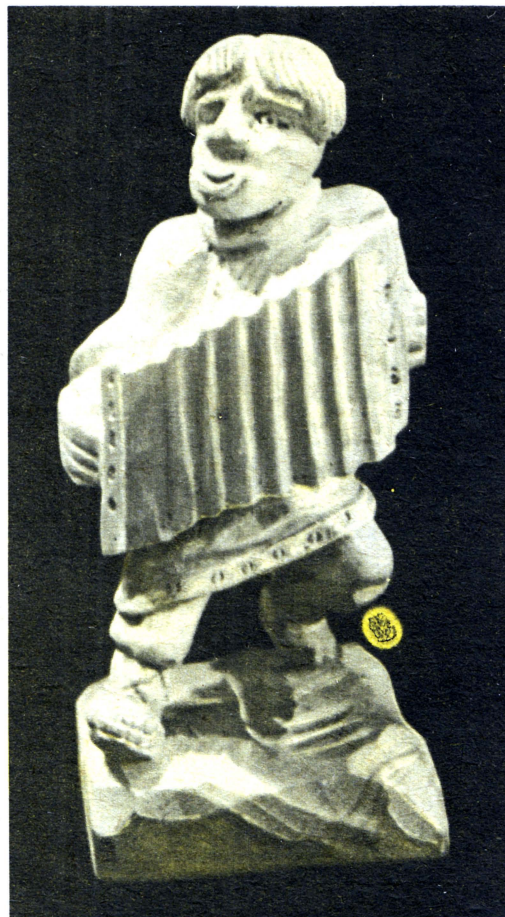
Минуло ровно 100 лет с тех пор, как в Екатеринбурге, нынешнем Свердловске, открылись заведения В. Л. Метенкова — известного в России, да и за рубежом, мастера фотодела, издателя многочисленных видовых уральских открыток и фотоальбомов.

В честь этой даты в Свердловске была открыта ретроспективная выставка, на которой экспонировались работы пятидесяти фотографов. Среди них и работы Н. А. Терехова, и самого В. Л. Метенкова, и Л. М. Сурина, и В. А. Темина, и М. П. Ананьина — известных мастеров, а также работы молодых фотокорреспондентов — летописцев наших дней.

Составил свердловскую ретроспекцию Евгений Бирюков.

На снимках: эмблема ретроспекции; В. Метенков, фотография 1900 года; Л. Мочалов, «Лихач», 1968 год.

Резчик с Алтая

А. И. Пальшин живет и работает в городе Новоалтайске. Талант резчика по дереву он открыл в себе недавно и случайно. Взял чурку и нож — и вырезал старика. Удивился даже сам — до чего симпатичный вышел дед, с характером!

И резьба стала любимым занятием Александра Ивановича. Осину, кедр, ель, сосну, орешник — все деревья испробовал, изучил, узнал, для чего они годятся и как с ними обращаться. Инструменты себе изладил...

Теперь в доме Пальшиных — большая коллекция деревянных скульптур, и люди заходят сюда как в музей, полюбоваться делом рук хозяина.

На снимках — некоторые из работ А. И. Пальшина, сам он и фотографии сделал.

ОСЕНЬ. Линогравюра.
Олег БУРНАТОВ (г. Сухой Лог)

ВИДЕВШИЕ ЭТОТ ПОЕДИНОК БЫЛИ ТВЕРДО УБЕЖДЕНЫ, ЧТО НИ ОДИН ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ СПОСОБЕН ЗАМЕТИТЬ ЦЕЛЯЩЕГОСЯ В СПИНУ ВРАГА.

ТАК БЛЕСТЯЩЕ ОПЕРЕДИТЬ ОПЫТНОГО ПРОТИВНИКА! У КАПИТАНА НЕСОМНЕННО ЕСТЬ СВОЙ СЕКРЕТ... ЗНАЧИТ ОН — «НЭ НУНИ», ПО-КОРЕЙСКИ — ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ!

**ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ПОВЕСТЬ В. ЯНКОВСКОГО «НЭНУНИ-ЧЕТЫРЕХГЛАЗЫЙ»
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.**
